РОССІЙСКІЙ ѲЕАТРЪ

или

Полное собраніе

всѣхъ

Россійскихъ Ѳеатральныхъ

сочиненій.

Часть XXXIX.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ,

1793 года.

ОФ

59555

99045

Государственная театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. Н. Островского

ОПЕРЫ.

БѢШЕНАЯ СѢМЬЯ

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

ВЪ

ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ИВАНА КРЫЛОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

СУМБУРЪ.

ГОРБУРА, бабка его.

УЖИМА, мать его.

ПРІЯТА, сестра его.

КАТЯ, дочь его.

ИЗВѢДА, служанка ихъ.

ПОСТАНЪ, влюбленный въ Пріяту.

ПРОНЫРЪ, слуга его.

БѢШЕНАЯ СѢМЬЯ,
ОПЕРА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату Сумбура.

ЯВЛЕНІЕ 1.

СУМБУРЪ *[выбѣгаетъ на театръ, а за нимъ]*

ГОРБУРА, УЖИМА, КАТЯ, и ИЗВѢДА.

[Онѣ поютъ вмѣстѣ.]

Ахъ скорѣе, недосужно;
Убираться всѣмъ намъ нужно.
Дай скорѣй ты деньги намъ.

СУМБУРЪ.

О несносная тревога!
Да скажите ради бога,
Что за деньги нужны вамъ?

УЖИМА.

Мнѣ на шемизы и на корнеты.

ГОРБУРА.

Мнѣ на подкалки и на лорнеты.

ИЗВѢДА.

Мнѣ на пудру для госложъ.

СУМБУРЪ.

На что такой содомъ похожъ.

УЖИМА.

Мнѣ на раброны.

ГОРБУРА.

Мнѣ на шиньіоны

КАТЯ.

Мнѣ на Французскія еспри.

СУМБУРЪ.

Своего та нѣтъ внутри;
Нѣтъ терпѣнья рвусь съ досады,
Въ долгъ ввели меня кругомъ.

ОНѢ.

Нужны, нужны намъ наряды,
Нѣтъ ни пудры ни помады.

СУМБУРЪ.

Взбеленился цѣлой домъ.

ОНѢ

Тоже деньги;
Намъ уборы.

ОНЪ

Ахъ отстаньте;
Перестаньте.

ВМѢ-

ВМѢСТѢ. ОНЪ

Дашь ли деньги сударь намъ? | Ни полушки вамъ не дамъ.

СУМБУРЪ.

Вспомните, милостивыя государыни, что вы сами учили меня вести економїю; и признаться, что подавали мнѣ въ томъ добрые примѣры. На васъ самихъ послаться могу, что ваши головы до нынѣ ни полушки не стоили, а нынѣ вы хотите цѣнить ихъ такъ дорого. Подумайте, вѣдь етому весь городъ смѣяться станетъ.

ГОРБУРА.

Пустое свѣтъ мой, развѣ не вольно всякому цѣнить свою голову во сколько кому захочется. Пусть сбывается пословица: горшокъ котлу смѣется, а оба черны.

СУМБУРЪ.

Черны или нѣтъ, государыни мои, только денегъ на уборы я ни полушки не въ состоянїи вамъ дать.

КАТЯ.

Батюшка, сударь, да развѣ мнѣ прикажете раздѣтой быть.

СУМБУРЪ.

Какъ раздѣтой? развѣ ты недовольно одѣта? когдажъ ты такъ стыдлива, что и

въ домашнемъ платьѣ думаешь быть открытою, такъ возми мой старой плащъ; онъ разъ въ восемь въ кругъ тебя обернется.

ИЗВѢДА.

И конечно сударыня, етотъ плащъ самой хорошей щитъ для стыдливыхъ дѣвушекъ; ибо сквозь него не только глазъ проникнуть, но думаю и пуля простреляить неможетъ.

СУМБУРЪ.

Люблю Извѣду! Не стыдно ли сударыня, что дѣвка за меня вступается.

КАТЯ.

Воля ваша сударь, а мнѣ неотмѣнно надобно новое платье.

СУМБУРЪ.

А для чего бы ето?

КАТЯ.

Какъ для чево сударь?

Съ моей смѣшавшись красотой,
Мои прелестные уборы
Пусть нѣжныхъ душъ плѣняютъ взоры;
И пусть дивятъ народъ простой.
Когда случуся я въ собраньѣ
Въ спектаклѣ или на гуляньѣ,

Или

Или пріѣду въ маскерадъ,
Пріятно ехо будетъ слышно:
Ахъ какъ она одѣта пышно,
И какъ приличенъ къ ней нарядъ.
И здѣсь все такъ дѣлаютъ.

СУМБУРЪ.

Дѣлаютъ для того, что всѣ вѣтреницы, а многія въ любви ищутъ нарядами щастія... Берегись дочка етаго яду . . . любовь . . . О! ето такая страсть, которая тебѣ не сто рублей убытку надѣлаетъ . . . ето язва хорошей економіи.

ГОРБУРА.

Какъ же дитишка, ты запрещаешь любить намъ. Сама природа велитъ раститься и множиться.

СУМБУРЪ.

Да, сударыня: да природа не велитъ деньги тратить, а вы съ меня кожу содрать хотите.

ИЗВѢДА.

Какую кожу сударь? мнѣ только на пудру десять рублей.

СУМБУРЪ.

Десять пощочинъ я тебѣ данъ.

ИЗВѢДА.

Да на что мнѣ, я барынямъ прошу сударь.

СУМБУРЪ.

А ты возьми мучки да изжарь, такъ вотъ и будетъ Французская пудра.

УЖИМА.

Я тебѣ говорю сынъ, чтобъ ты неотмѣнно далъ деньги.

ПОЮТЪ *[къ нему]*

Скажи, скажи въ послѣдній разъ,
Ты дашь ли деньги намъ въ сей часъ?

[ГОРБУРА, КАТЯ, УЖИМА.]

Иль мы терпѣть не станемъ болѣ.

СУМБУРЪ.

Я весь покоренъ вашей волѣ,
Но только лишь мои мѣшки,
Желаньямъ вашимъ не съ руки.

ВСѢ.

ОНѢ.

Скупость мы твою обяжемъ
Здѣсь настроивши проказъ;
И въ минуту то докажемъ,
Кто проворнѣе изъ насъ.

СУМБУРЪ.

Къ деньгамъ крѣпче мы приляжемъ
И не будетъ здѣсь проказъ;
Мы въ минуту то докажемъ,
Кто проворнѣе изъ насъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 2.

СУМБУРЪ и ИЗВѢДА.

СУМБУРЪ.

Ахъ! мочи моей нѣтъ. Извѣда, скажи что за дьявольщину хотятъ со мною здѣлать?

ИЗВѢДА.

Васъ, сударь, хотятъ водить за носъ.

СУМБУРЪ.

Меня . . . за носъ! нѣтъ, да вѣдь я не батюшка, котораго матушка охотница была за носъ водить.

ИЗВѢДА.

А развѣ матушка ваша была до етова охотница?

СУМБУРЪ.

О! превеликая. Бывало чуть разсердится, то такъ плотно схватитъ батюшку за носъ, что онъ покраснѣетъ какъ ракъ, Царство ему небесное; а когда развеселится, такъ тоже за носъ. До поту притаскаетъ; и уже ето лихой для него покойника былъ часъ, въ которой она бывало или сердита или весела.

ИЗВѢДА.

Много же у вашего батюшки лихихъ часовъ было.

СУМБУРЪ.

То то знать и обо мнѣ тоже думаютъ; да нѣтъ, я самъ свою покойницу за носъ таскивалъ. Пусть етому смѣялись, да вѣдь я ничего не выигралъ черезъ нее, за чтобы мнѣ можно было передъ нею трусить.

Можно гнуться сатаною
Предъ красавицей женою,
Коль ея прелестной взоръ,
Тянетъ золото на дворъ.

*

Богачу вѣдь и капралу,
Такъ какъ будто Генералу,
Голова хотя пуста,
Вездѣ переднія мѣста.

*

Такъ сказать чистосердечно,
Можно не таясь конечно:
Щастливъ, щастливъ тотъ капралъ,
Кто женою Генералъ.

А я ни передъ кѣмъ не люблю гнуться, и отучу ихъ немедлѣнно отъ мотовства.

ИЗВѢДА.

Трудно, сударь, отучить нашу сестру отъ желанія нравиться.

СУМ-

СУМБУРЪ.

Пусть себѣ нравятся только умомъ, а не мотовствомъ; и такъ имъ прочнѣе да и мнѣ не такъ накладно будетъ. А то къ статѣ-ли дѣлать такія дорогія издержки, а особливо моей бабушкѣ. Ей бы пора уже и о небесномъ думать.

ИЗВѢДА.

А я такъ примѣчаю, сударь, что чѣмъ болѣе Горбура Ивановна къ землѣ гнется, тѣмъ болѣе она о земномъ думаетъ.

СУМБУРЪ.

Да не примѣтилаль ты чего, что причиною ихъ мотовства.

ИЗВѢДА.

Почти ничего.

СУМБУРЪ.

Какъ почти? ето ужъ много сказано.

ИЗВѢДА.

Я, сударь, примѣтила дней семь тому назадъ . . .

СУМБУРЪ.

Такъ съ тѣхъ поръ они вдались въ наряды? Говори скорѣй, что ты примѣтила.

ИЗВѢДА.

Что онѣ, сударь, вдались въ наряды.

СУМ-

СУМБУРЪ.

Ахъ! да нѣтъ, еще не примѣтилаль ты чего.

ИЗВѢДА.

Еще примѣтила, сударь, я тоже дней семь назадъ, что одинъ Офицеръ молодой, статной, причесаной и одѣтой щегольски, разуменъ.

СУМБУРЪ.

Что ты за чепуху несешь и что мнѣ за нужда въ разумѣ? Сказывай, что ты примѣтила.

ИЗВѢДА.

Что онъ прошолъ мимо нашего дому, и съ тѣхъ поръ очень часто мимо его ходитъ.

СУМБУРЪ.

О негодной Офицеръ! Такъ онъ причиною такихъ страшныхъ издержекъ; но ему то даромъ не пройдетъ. Извѣда, надобно справиться о его квартирѣ.

ИЗВѢДА.

На что сударь?

СУМБУРЪ.

На то, что я подамъ доношенїе въ Правительство, чтобъ у него вычитали изъ жалованья всѣ тѣ деньги, которыя издерживаютъ на наряды твои барыни — А теперь

перь пойду и прикажу припечатать, чтобъ бабушкѣ, матушкѣ, сестрѣ, дочери и мнѣ самому — Никто ни въ долгъ ни на наличныя деньги товаровъ непродавалъ —

[*уходитъ*].

ЯВЛЕНІЕ 3.

ИЗВѢДА и ПРОНЫРЪ [*выглядывая*].

ПРОНЫРЪ

Извѣда. —

ИЗВѢДА.

А! Пронырь, поди сюда, баринъ ушолъ съ двора и здѣсь остались все только женщины.

ПРОНЫРЪ.

Вотъ письмо отъ барина къ Пріятѣ, постарайся поскорѣе. —

ИЗВѢДА.

Поскорѣе? развѣ тебѣ со мною скучно. — Но кто ето стучится —

ПРОНЫРЪ.

Ну! бѣда моя — Ахъ что со мною — будетъ. —

ИЗВѢДА.

Ни чево ни чево, подлезь поскорѣе подъ столъ.

ПРОНЫРЪ.

Да не видать ли меня.

ИЗ-

ИЗВѢДА.

Нѣтъ.

ПРОНЫРЪ.

Да не опасно ли тебѣ, такъ подлезь и ты, когда еще довольно мѣста осталось.

ИЗВѢДА.

Нѣтъ! я отопру, а ты молчи —

ПРОНЫРЪ.

О! могу похвалиться, что я въ такихъ случаяхъ — молчаливѣе рыбы —

ЯВЛЕНІЕ 4.

ПРОНЫРЪ, ИЗВѢДА, УЖИМА, КАТЯ, ПРИЯТА и ГОРБУРА.

ВМѢСТѢ.

Гдѣ онѣ немѣдля ты скажи,
Скорѣй его намъ укажи.
Я видѣла какъ онъ пробрался
И какъ онъ мимо оконъ крался.
Потомъ по лѣсницѣ пошолъ;
Конечно онъ сюда вошолъ.

ИЗВѢДА.

Я никово здѣсь не видала.

ГОРБУРА, УЖИМА, ПРІЯТА, КАТЯ.

Еще обманывать ты стала.

ВМѢСТѢ.

ИЗВѢДА.
Здѣсь точно нѣту никого.

ОНѢ.
Я и сама сыщу его.

[Онѣ

[Онѣ ищутъ его по театру.]

ИЗВѢДА. *[Тихо Пріятѣ.]*

Вотъ вамъ письмо отъ Постана.

ПРІЯТА.

Какое безпокойство ощущаетъ мое сердце; боюсь чтобы не увидали. . . . однако любовь превозмогаетъ мой страхъ, прочесть.

ИЗВѢДА.

Надобно думать, что любовь ужасно какъ сильна, когда она побѣждаетъ страхъ всѣхъ дѣвушекъ, а дѣвушки та вить очень пужливы.

ПРІЯТА.

Ахъ! можешь ли Извѣда ты вообразить что такое любовь, когда и я изъяснить тебѣ етова не могу.

Любовью вспламененной
Душѣ моей плѣненной,
Инова щастья нѣтъ,
Какъ милымъ утѣшаться,
Имъ тлѣть и восхищаться,
И видѣть въ немъ весь свѣтъ.

ГОРБУРА.

А для чево ты дѣвушка сидишь на заперти.

ИЗВѢДА.

Для того сударыня, что вы были въ своей комнатѣ а баринъ пошолъ со двора, такъ

я побоявшись, чтобы сюда не вошелъ кто чужой и заперлась.

ГОРБУРА.

Такъ заперлась какъ ужъ чужой то вошолъ.

ПРОНЫРЪ. *[Кашляя.]*

О прокляшой кашель, погубилъ ты меня.

ГОРБУРА.

Слышишь ли: *[всѣ подбѣгая къ столу вскрикиваютъ.]* вотъ онъ.

ГОРБУРА.

Онъ конечно ко мнѣ съ грамоткой, да орабѣлъ.

УЖИМА.

Надобно неотмѣнно ево осмотрѣть.

ГОРБУРА. *[Надѣвая очки и смотря подъ столъ.]*

Здравствуй другъ мой, что ты тутъ дѣлаешь.

ПРОНЫРЪ.

Извините сударыня, я . . . . я заблудился. *[они его вытаскиваютъ.]* Ахъ!

ГОРБУРА.

Да полно не укралъ ли ты чего.

УЖИМА.

Надобно его осмотрѣть.

КАТЯ.

КАТЯ.

Да, конечно: ежелибы ты укралъ мою азбуку, такъ я бы за тебя заступилась. *[Ужима, Катя и Горбура не давая ему встать обыскиваютъ его и вытаскиваютъ изъ кармана всякая по листу.]*

ИЗВѢДА.

Посмотримъ, нѣтъ ли и мнѣ чево вытащить. *[Вытаскиваетъ у него деньги.]*

ПРОНЫРЪ.

Извѣда, деньги, деньги подай, что за нахальство, совсемъ ограбили.

ГОРБУРА.

Нѣтъ мой другъ, ты видно человѣкъ честной; конечно у тебя вертижи случаются: однако все дѣло сбыточное, поди теперь съ Богомъ.

ПРОНЫРЪ *[Хочетъ встать, но она облокачиваясь на него, говоритъ тихо.]*

Скажи своему барину, чтобъ онъ не отчаявался.

ПРОНЫРЪ. *[Падая хочетъ встать, но его роняетъ Ужима говоря на ухо.]*

Ахъ!

59555
Библиотека А. В. Лукомского

УЖИМА.

Скажи своему барину, что онъ щастливъ.

ПРОНЫРЪ. [*Хочетъ встать, его роняетъ Катя.*]

Охъ!

КАТЯ.

Скажи своему барину, что я имъ чрезмѣрно страстна.

ПРОНЫРЪ.

Ахъ! слышу, слышу, слышу сударыня: но сдѣлайте милость, дайте мнѣ встать, пустите душу на покаяніе [*встаетъ.*] уфъ!

ПРОНЫРЪ.

Чтобы черти всѣхъ васъ взяли,
Мнѣ всѣ кости изломали.

ОНѢ [*Подходя къ нему*].

Отъ меня ему поклонъ.

ПРОНЫРЪ.

Ахъ! дозвольте выйти вонъ.

ВМѢСТѢ.

ГОРБУРА и УЖИМА.

Скажи, ево я обожаю,
Скажи, что мнѣ онъ милъ одинъ.

ПРОНЫРЪ.

Ево я етимъ испужаю,
Ей: какъ радъ мой будетъ господинъ

КА-

КАТЯ.

Ты можешъ побожиться вѣрно,
Что я люблю ево чрезмѣрно.

ПРІЯТА.

Иди, скажи ему скорѣй,
Что мнѣ Постанъ душа милѣй.

ПРОНЫРЪ.

Скажу, скажу конечно вѣрно,
Что ты дурачишся безмѣрно.

ПРОНЫРЪ!

Ахъ радъ бы выйти я скорѣй,
Да не пускаютъ до дверей.

ПРОНЫРЪ

Что бы черти всѣхъ васъ взяли,
Мнѣ всѣ кости изломали.

ВСѢ. [*Ему.*]

Отъ меня ему поклонъ.

ПРОНЫРЪ.

Ахъ! дозвольте выйти вонъ.

ВМѢСТѢ.

ПРОНЫРЪ

Меня замучатъ въ самомъ дѣлѣ
Не знай какъ выдраться отселѣ.
Самъ чортъ впередъ не придетъ къ вамъ.

ОНѢ

Поди скажи ему отселе,
Что страстна имъ я въ самомъ дѣлѣ;
Скажи, чтобъ онъ старался самъ,

Насилу вырвался я вонъ,
Гори огнюмъ проклятой домъ.

Какъ ты, прокрасться тише къ намъ;
Подижъ, поди скорѣе вонъ,
И отъ меня ему челомъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ улицу, въ концѣ которой у театра на одной сторонѣ домъ г. Сумбура.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОСТАНЪ и ПРОНЫРЪ.

ПОСТАНЪ.

Такъ я любимъ не ложно
Пріятной дарагой;
Кому въ блаженствѣ можно
Быть сравнену со мной.
Что всѣхъ она милѣе,
Пойду сказать ей самъ;
Пойду отсель скорѣе
Упасть къ ея ногамъ.

ПРОНЫРЪ *[Удерживая его].*

Тише, тише сударь. Вы всегда только то помните, что вы любимы; а что притомъ помнить надобно, то и забыто.

ПОСТАНЪ.

Нѣтъ, не забылъ, и признаюсь, хотя я видѣлъ излишніе знаки благосклонности ко мнѣ трехъ женщинъ сего дома, но я счелъ за выдумку твои слова.

ПРОНЫРЪ.

О! сударь, я сЪ роду ничево не выдумывалЪ, а особливо вЪ такихЪ важныхЪ случаяхЪ, какова любовь. Я вЪ ней по большой части подражаю, и увѣряю васЪ, что прабабушка, бабушка, дочка и внучка всѣ вЪ васЪ влюблены; и такЪ вамЪ нельзя видѣться сЪ одной, чтобы не взбѣсить трехЪ.

ПОСТАНЪ.

Любезный ПронырЪ, помоги ты мнѣ своимЪ совѣтомЪ.

ПРОНЫРЪ.

О! сударь, на совѣты я хватЪ; начнемЪ же напередЪ черезЪ разсмотрѣнїе препятствїй: вѣдь онѣ сударь происходятЪ отЪ госп: Сумбура, госпож: Горбуры, госпож: Ужимы и Катиньки дочери его: и тово четыре особы. Не правда ли сударь?

ПОСТАНЪ.

ТакЪ: но скажи, что мнѣ дѣлать надобно.

ПРОНЫРЪ.

А вотЪ тотчасЪ . . . вамЪ сударь . . . надобно . . . вамЪ надобно . . . ихЪ всѣхЪ пережить, а потомЪ жениться на Прїятѣ и ето будетЪ прекрасно, а инова средства я ни отколѣ не вижу.

ПОС-

ПОСТАНЪ.

Твои шушки бездѣльникъ! . . . .

ПРОНЫРЪ.

Тише, тише. Вонъ показываются ваши красавицы; вы худое имъ о себѣ подадите мнѣнїе: послушайте лучше ихъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ПРОНЫРЪ, ПОСТАНЪ, | ГОРБУРА, УЖИМА, КАТЯ и ПРІЯТА.

[Въ окнахъ поютъ.]
Сколь довольна я тобою,
О! прелестная любовь,
Что любимъ равно тотъ мною,
Воспламенилъ мою кто кровь.

ПРОНЫРЪ.

Слышите ли сударь, какїя нѣжности! вы теперь такъ окружены своими любовницами, какъ Воевода челобитчиками; будте же добрымъ Воеводою и сдѣлайте имъ милостивую резолюцїю.

ПОСТАНЪ.

Но что обо мнѣ Прїята подумаетъ.

ПРОНЫРЪ.

Она сударь, подумаетъ, что вы кавалеръ нонѣшняго свѣта, котораго сердце такъ мягко что пристаетъ ко всякой встрѣчающейся женщинѣ; а впротчемъ вы можете перекликаться не глядя на окно, такъ изъ нихъ всякая подумаетъ, что вы ей отвѣчаете. Слышите ли, онѣ вамъ даютъ знать.

ОНѢ.

Подай мой дружокъ,
Ты мнѣ голосокъ,
Чтобъ я была извѣстна,
Скажи хоть разъ: ау.

ПРОНЫРЪ.

Ау, ау, ау.

Однако сударь, извольте отвѣчать сами, а мнѣ за васъ ей ей охрипнуть не хочется.

ПОСТАНЪ.

Предметъ любви драгой,
Лиша меня покою,
Познай ты пламень мой,
Познай что я плѣненъ тобою.
Ты одна мила лишъ мнѣ
Коль тебя не вижу гдѣ,
Тамъ во всемъ я скуку вижу,
Тамо все я ненавижу.

Мнѣ

Мнѣ рай твой взглядъ;
А безъ тебя,
Все для меня,
Мученье, стонъ и адъ.

[Уходитъ.]

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПРОНЫРЪ, ГОРБУРА, УЖИМА, ПРІЯТА и КАТЯ.

ГОРБУРА.

Какъ онъ страстенъ мою дитинтко, индо взглянуть на меня побоялся.

ПРІЯТА.

Какъ я щастлива.

УЖИМА.

Онъ отъ любви не могъ стерпѣть моего виду.

КАТЯ.

Теперь то я увѣрена, что я начинаю нравиться. Ахъ! какая прелестная вещь любовь. Еще недѣля какъ я люблю, а удовольствія получила столько, сколько за азбукою въ годъ не высидѣла.

[Онѣ машутъ Проныру].

ГОРБУРА.

Кажется Извѣда называла его Проныромъ; провѣдаю отъ него хорошенько о страсти его господина — Скажи же мнѣ Проныруштка, любитъ ли меня твой баринъ. —

ПРОНЫРЪ.

Сударыня, да не уже ли вы не догадываетесь.

УЖИМА.

И такъ я могу надѣяться, что господинъ твой мнѣ не измѣнитъ?

ПРОНЫРЪ.

И конечно сударыня — *[Особо]* Можно ли, чтобъ онъ тебѣ измѣнилъ, коли онъ тебя никогда не любилъ.

КАТЯ.

Пронырь, такъ я довольно хороша, чтобъ быть любезной твоему барину?

ПРОНЫРЪ.

О! сударыня, вы сами въ етомъ признаетесь.

ПРІЯТА.

Могу ли я надѣяться на его вѣрность?

ПРОНЫРЪ.

Какъ на городовую стѣну.

[Поютъ женщины.]

Пронырь мой дарагой,
Я зрю что баринъ твой
Плѣненъ не ложно мной;
И радуюсь сердечно,
Что мнѣ онъ то открылъ.
Скажи ему, что вѣчно
Онъ самъ мнѣ будетъ милъ.

А ты въ награду вѣрности своей,
Отъ благодарности моей
Прими подарокъ сей.

[Кидаютъ къ нему всякая платокъ и уходятъ.]

ЯВЛЕНІЕ 4.

ПРОНЫРЪ *[одинъ.]*

Хоть какъ узнаешь секретаря, ото всюду летятъ подарки. *[Поднимаетъ платокъ.]* За етотъ платокъ мнѣ вѣрно баринъ дастъ двойную цѣну, для того что онъ былъ въ рукахъ Пріяты. *[Поднимаетъ другой]* Ето Ужиминъ, какъ видно, то онъ всегда бываетъ ей товарищемъ на кухнѣ. *[Поднимаетъ третій.]* А! ето добринькой старушки Горбуры, онъ такъ же сморщенъ какъ и ея личико — Ну, да нѣтъ ничево: даровому коню въ зубы не смотрятъ. *[Поднимаетъ четвертый.]* Ето что за рисованая холстина?—А! ето Катинькинъ платокъ: ежели ета дѣвушка будетъ беречь своихъ любовниковъ такъ же какъ платки, то — Но кто ето? — *[Разкладываетъ платки по карманамъ вывѣшивая по половинѣ изъ кармана.]*

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 5

ПРОНЫРЪ и СУМБУРЪ.

СУМБУРЪ.

Уже ли въ моемъ домѣ перестали дурачиться — Ба! да что ето за человѣкъ? — Онъ идетъ отъ моихъ оконъ и съ набитыми карманами — Милостивой государь — А бездѣльникъ! поймалъ я тебя — Ето платки моего дому; вотъ и мѣшка, сказывай скорѣй, что ты за человѣкъ.

ПРОНЫРЪ.

Негодная встрѣча — По етимъ знакамъ судя, сударь, я — я —

СУМБУРЪ.

По етимъ знакамъ ты плутъ и воръ —

ПРОНЫРЪ.

О! да вѣдь, сударь, ети знаки подарены мнѣ —

СУМБУРЪ.

Врешь плутъ, они мои собственные.

ПРОНЫРЪ.

Ну, такъ возмите же ихъ себѣ; я ей ей по лицу узналъ, что они ваши.

СУМБУРЪ. *[Вырывая платки.]*

Нѣтъ, ты еще етимъ отъ меня не отдѣлаешся; а за что они тебѣ подарены.

ПРО-

ПРОНЫРЪ.

За то сударь, что мой баринъ молодъ, хорошъ и пріятенъ.

СУМБУРЪ.

Тьфу какая дьявольщина! да развѣ ты етому причиною, что онъ не такъ давно родился какъ я.

ПРОНЫРЪ.

И за то сударь, что мой господинъ имъ нравится.

СУМБУРЪ.

Въ моемъ домѣ нынѣ всѣ сошли съ ума и для того въ немъ очень много мущинъ нравятся, такъ я возму отъ Полиціи команду и буду всѣхъ тѣхъ таскать на съѣжжую, которые въ моемъ домѣ нравятся; а съ тебя начну съ перваго.

ПРОНЫРЪ.

Какое предпріятіе: но ежели вашимъ сродницамъ всѣ мущины будутъ нравиться, такъ куды же вы ихъ подѣваете?

СУМБУРЪ.

Я? я велю весь городъ въ тюрмы передѣлать и ни одинъ мущина за ворота не будетъ выпущенъ; а для тебя будетъ дотолѣ мѣста въ бѣшеномъ домѣ, *[Схватывая его за воротъ]* ступайко мой другъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 6.

ПРОНЫРЪ, СУМБУРЪ и ПОСТАНЪ.

ПРОНЫРЪ. *[Барину.]*

Ахъ! сударь, избавьте вы меня отъ погибели. Его милость говоритъ, что его сродницы перебѣсились и для того ведетъ меня въ бѣшеной домъ.

ПОСТАНЪ.

Къ статѣ ли вамъ сударь?

СУМБУРЪ.

Вамъ, государь мой, нѣтъ нималой до того нужды; вамъ очень хорошо давать милостивое прощеніе, когда онъ передо мною виноватъ.

ПРОНЫРЪ.

Да пустите хоть меня за воротъ держать.

СУМБУРЪ.

Нѣтъ, ты еще вздумаешь употребить во зло дарованіе твоихъ ногъ.

ПРОНЫРЪ.

Ахъ! нѣтъ сударь, ежели я иногда грѣшилъ, то это было по большой части или руками или головой, а ноги— ноги, сударь, всегда служили къ моему спасенію.

ПОС-

ПОСТАНЪ.

Пронырь, да кто онъ такой?

ПРОНЫРЪ.

Ето, сударь, отецъ, братъ, сынъ и внукъ вашихъ обожательницъ; [*Сумбуру*] а ето сударь любимецъ вашихъ сродницъ.

ПОСТАНЪ.

А государь мой! . . .

СУМБУРЪ.

А милостивой государь! которой и меня и всѣхъ моихъ домашнихъ свелъ съ ума. Знайте, сударь, что я намѣренъ просить о томъ на васъ въ судѣ . . . нѣтъ милостивецъ, у меня позабудете набивать свою голову пудрой, а изъ моихъ мешковъ выцѣживать золото.

Гдѣ головы пустыя
И платьи золотыя
Въ почтенiи всегда;
Гдѣ нужно лишь кривлянье,
Коверканье, ломанье;
Ступай дружокъ туда,
Тамъ скорчившись дугою
Всѣхъ встрѣчныхъ обнимай,
И всѣмъ себя слугою
Покорнымъ называй,

И требуй тамъ награды,
За важны толь труды;
Лишъ для моей досады
Не шастай ты сюды.

ПОСТАНЪ.

Но чемъ я вамъ досадилъ?

СУМБУРЪ.

Какъ, какъ сударь, я человѣкъ бѣдной не имѣющей почти дневнаго пропитанія. а ты меня въ конецъ раззорилъ въ одну недѣлю.

ПОСТАНЪ.

Чѣмъ сударь?

СУМБУРЪ.

Тѣмъ, что ты мимо моихъ оконъ ходишь.

ПРОНЫРЪ.

Я сударь сыскалъ малинькое лѣкарство вашей неудобности.

СУМБУРЪ.

Скажитко, а я въ задатокъ за работу, прощаю твою вину и обѣщаю изъ етова камзола, когда немножко его подоношу, сдѣлать тебѣ картузъ.

ПРОНЫРЪ.

Великой подарокъ! однако вотъ мое лекарство: чтобы прекратить надежду въ любви къ моему господину, вашей бабушки,

ма-

матушки, и дочки, надобно выдать за него вашу сестрицу.

СУМБУРЪ.

Такъ братъ, да ето лѣкарство не старымъ картузомъ, а 30000 рублей наличныхъ денегъ пахнетъ.

ПРОНЫРЪ.

Такъ вычислите же и то, что мы своими прогулками въ годъ болѣе убавимъ вашихъ денегъ.

ПОСТАНЪ.

Ахъ! почувствуй умиленье,
Иль не зришь моей тоски.

СУМБУРЪ.

Чортъ ли тамъ за сожалѣнье,
Гдѣ вмѣшаются мѣшки.

ВМѢСТѢ.

СУМБУРЪ.

Можно ли стерпѣть разлуку,
Съ толь великою казной.
Буду вѣкъ терпѣть муку,
И изчезнетъ мой покой.

ПОСТАНЪ.

Сжалься на мою муку,
И тронись моей тоской.
Ахъ! позволь Пріяты руку,
Сѣединить съ моей рукой.

ЯВЛЕНІЕ 7.

СУМБУРЪ, ПОСТАНЪ, ПРОНЫРЪ, КАТЯ, ГОРБУРА, и ПРІЯТА.

ГОРБУРА. *[Выходя Пріятѣ.]*

Возмитко Пріятушка на часъ мою тросточку.

ПРІЯТА.

Да вамъ бабушка безъ нее не ловко будетъ.

ГОРБУРА.

Не уже ли ты думаешъ мать моя, что у меня ноги отсохли? я возму твою руку и то не для того, чтобы поддержаться, а такъ *[подаетъ Пріятѣ трость и наклоняетъ ее такъ сильно къ землѣ, что онѣ обѣ по театру шатаясь идутъ.]*

КАТЯ *[Особо.]*

Какъ онъ пригожъ тетушка, пожалуй мнѣ тросточки. *[беретъ и съ нею рѣзвится.]*

ПРІЯТА.

Да какъ же бабушка будетъ безъ трости?

ГОРБУРА.

Какъ? Такъ же: что ты ето вздумала ничего не видя меня въ старухи ставить.

ПРІЯТА.

Да вы мнѣ всѣ руки обтянули сударыня.

ГОР-

ГОРБУРА.

Такъ тебѣ скучно со мной ходить: подиже прочь, ты увидишь что я и безъ тебя, и безъ трости могу обойтись: [*Отталкиваетъ Тріяту, идетъ нѣсколько безъ трости потомъ:*] да нѣтъ Катинька, кажется нѣсколько слизко, подай мнѣ трость.

КАТЯ.

Коли вамъ она не надобна, такъ позвольте мнѣ нѣсколько ею полюбоваться.

ГОРБУРА.

Конечно не очень надобна да . . . [*Шатается и ловитъ по воздуху руками*]: Однакожъ подай, подай скорѣе. [*Упадаетъ, но Сумбуръ ее подхватываетъ*].

СУМБУРЪ.

Вотъ бабушка что было вы надѣлали; прилично ли вамъ въ ваши лѣта отпираться отъ старости? Катя! подай скорѣе трость.

ГОРБУРА.

Не надобно невѣжа; я лучше сяду на землю нежели возьму трость.

ГОРБУРА.

Нѣтъ, нѣтъ внукъ, не мысли,
Старухой не числи,

Меня ты, никакъ.
Я силы имѣю,
Ходить я умѣю,
Такъ ходитъ не всякъ. *[къ Постану.]*
Кто таетъ любовью,
Вспаленною кровью,
Ни чуть тотъ не старъ;
А я ощущаю,
И въ сердцѣ вмѣщаю,
Прелестный сей жаръ,

ПРОНЫРЪ *[Постану.]*

Какъ вы не догадываетесь, сударь, что до васъ дѣло доходитъ.

ПОСТАНЪ.

Позвольте сударыня мнѣ имѣть честь васъ нѣсколько поддержать *[поддерживаетъ ее по туже сторону гдѣ Пріята.]*

ЯВЛЕНІЕ 8.

СУМБУРЪ, ПОСТАНЪ, ГОРБУРА, УЖИМА, ПРІЯТА, КАТЯ и ПРОНЫРЪ.

КАТЯ *[Ужимѣ.]*

А! бабушка сударыня.

УЖИМА.

Добро негодница, я тебѣ отучу.

Уйми

Уйми мой сынъ свою ты дочь,
Покою нѣтъ ни день ни ночь,
Всегда визжитъ, всегда хлопочетъ,
Ни слова выслушать не хочетъ;
И смѣетъ безъ стыда,
Бранить меня всегда.

СУМБУРЪ.

Какъ сударыня?

УЖИМА.

Да вотъ, походя кричитъ мнѣ: бабушка да бабушка, хотя ее совсѣмъ не спрашиваютъ; и етимъ именемъ какъ будто по носу меня хлещетъ.

СУМБУРЪ.

А вамъ сударыня не стыдно ли сердиться?

УЖИМА.

И ты за нее: помни же . . . . . Но что сто сдѣлалось матушкѣ?

ПОСТАНЪ.

Почти ничего сударыня.

ГОРБУРА.

Таки и совсемъ ничего. Катинька! но подай мою тросточку.

КАТЯ.

Вотъ она сударыня. *[Подаетъ ей трость и кладетъ въ карманъ къ Постану письмо. Въ тоже время, въ тотъ же карманъ кладетъ письмо Ужима, а въ другой карманъ Пріята и Горбура такъ же по письму и всѣ въ карманахъ схватываютъ другъ у друга руки.]*

КАТЯ.

Тише, тише сударыня.

ГОРБУРА.

А! другъ мой, поймала я.

УЖИМА.

Ладно, ладно и я поймала.

КАТЯ.

Такъ и я поймала.

ПРІЯТА.

Что мнѣ дѣлать?

СУМБУРЪ *[Постану:]*

А! смѣю спросить, сударь, что у васъ такое въ карманахъ то ловится.

УЖИМА.

Да вотъ, посмотри что твоя дочка дѣлаетъ. *[Подаетъ ему письмо.]*

СУМБУРЪ.

Посмотримъ сударыня, да это ваша рука.

УЖИ-

УЖИМА.

Ахъ! какъ я ошиблась.

СУМБУРЪ.

Нѣтъ, мы ничего, прочтемъ *[Читаетъ.]* Милой предмѣтъ дорогой Постанъ, ты такъ плѣнилъ мое сердце, что я сама рѣшилась открыть тебѣ твое щастїе. Не употребляй во зло моей слабости, а я вся твоя. *Ужима.* Вотъ чего стоютъ господинъ Постанъ твои прогулки.

ГОРБУРА.

Не стыдно ли дочка, такїя ли я тебѣ подаю примѣры; да ты и Прїятушку то тому же научила Посмотритка внучикъ ея письмо *[Подаетъ ему письмо.]*

СУМБУРЪ.

Милостивому моему дитятѣ Постану желаю много лѣтъ здравїя и многая лѣта. Начало хорошо! *[Постанъ кланяется]* Было бы тебѣ извѣстно мой дорогой, что ты мнѣ нравишься; яже батька и сама еще не такъ стара, чтобы не могла мила быть: благодаря Бога какъ зубы такъ и волосы мои всѣ цѣлы, и ежели ты поторопишься на мнѣ жениться, то я еще успѣю ихъ принести тебѣ въ приданое. За тѣмъ остаюсь

твоя усердная *Горбура*. Вы подлинно хорошіе примѣры подаете. Катя! подай ты свое письмо.

КАТЯ.

Да уже оно не нужно сударь.

СУМБУРЪ.

Подай же говорю я; или . . .

КАТЯ.

Что мнѣ сдѣлать. Извольте.

СУМБУРЪ.

Любезной Постанъ я . . . . я: вотъ какъ ты писала что и разобрать не льзя . . . я я . . . тебя люблю: скажи же и ты что я тебѣ любезна; а я . . я . . . . . буду. Ничего не разберешь. Вотъ каковы нонче дѣвушки; грамотѣ еще хорошенько не знаетъ, а уже любовныя письма пишетъ. Сестра! а твое письмо гдѣ.

ПРІЯТА.

У меня сударь никакова нѣтъ, а въ любви я не запираюсь.

Сердце, драгимъ предмѣтомъ страстно
Не таится въ томъ напрасно,
Въ чемъ довольное судбой
Числитъ щастье и покой.

Я

Я драгимъ Постаномъ таю,
Имъ плѣняюсь и пылаю;
Имъ живетъ душа моя,
Имъ однимъ щастлива я.

СУМБУРЪ.

Не стыдно ли милостивыя государыни, въ ваши лѣта вдаваться въ такія неустройства.

УЖИМА, ГОРБУРА, КАТЯ, ПРІЯТА.

Наши лѣта не помѣха,
Что ты намъ ни говори.

УЖИМ: И ГОРБ.

А любовь всегда утѣха,
Сколько вздоровъ ты ни ври.

СУМБУРЪ.

Прекрачу я ваши споры.
[Постану и Проныру]
Вамъ за шутку отплачу.

ПОСТАНЪ и ПРОНЫРЪ.

Бойся, бойся съ нами ссоры.

СУМБУРЪ.

Вамъ бока я отверчу.

ЖЕНЩИНЫ.

Чемъ онъ виненъ предъ тобою,
Что любимъ толико мною?

СУМБУРЪ.

Тѣмъ, что съ тѣхъ несносныхъ поръ,
На носу моемъ играя
Вы расходамъ мѣръ не зная,
Деньги сыплете какъ соръ

ВСѢ ЕМУ.

Постыдись, сударь, скупиться
За бездѣлицу сердиться;
Вся полна твоя сума.

СУМБУРЪ.

Льзя ли мнѣ ходить спокойно,
Когда все здѣсь такъ нестройно,
И лишились всѣ ума.
Только я изъ васъ помалу
Вашу страсть искореню,
И сего я подлипалу
Прочь отселѣ отгоню.

ВМѢСТѢ.

ЖЕНЩИНЫ.

Нѣтъ любя его сердечно
Не разстанусь съ нимъ я вѣчно;
Съ нимъ иду къ себѣ теперь.

ПОСТАНЪ.

Нѣтъ? любя ее сердечно
Не разстанусь съ ней я вѣчно;
И иду къ тебѣ теперь.

[Онѣ подходятъ его взять.]

СУМ-

СУМБУРЪ.

Цыцъ! и съ мѣста ни ногою
Иль не будешь съ головою,
Только пальцомъ тронь ты въ дверь.

ЖЕНЩИНЫ.

Чтобъ разогнать нашу скуку,
Грусти, печали и муку,
Просимъ покорно васъ къ намъ.

ПОСТАНЪ и ПРОНЫРЪ.

То себѣ честью вмѣняя
Благодарить какъ не зная,
Идемъ охотно мы къ вамъ.

СУМБУРЪ.

Прочь безъ большаго содому,
Прочь сударь — къ етому дому,
Сдѣлать шага вамъ не дамъ.

[Къ женщинамъ.]

ЖЕНЩИНЫ.

Мы идемъ все безспорно
Пусти лищъ къ намъ его.

А васъ прошу покорно
Войти скорѣй въ него

СУМ-

СУМБУРЪ
[Дочери и Пріятѣ.]

Очень многаго желаешь
Чтобы побылъ онъ у васъ;
Развѣ ты того не знаешь,
Что истратить можно въ часъ?

*

ПОСТАНУ и ПРОНЫРУ.

Я съ дубиной полновѣсной,
Буду ждать тебя у насъ.

ЖЕНЩИНЫ

Коль его ты не пускаешь
Къ намъ теперя, хоть на часъ,
Такъ опослѣ не узнаешь
Когда будетъ онъ у насъ.

*

Не тужи *Постанъ* прелестной
Насъ теряючи изъ глазъ;
Не тужи *Постанъ* любезной
Будь готовъ увидѣть насъ.

ПРОНЫРЪ и ПОСТАНЪ.

Коль меня ты не пускаешь
Къ нимъ теперя, хоть на часъ
Такъ опослѣ не узнаешь
Когда буду я у васъ.

*

Мнѣ увидѣться съ любезной,
Драгоцѣненъ всякой часъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ комнату г. Сумбура, на театрѣ ночь.

ЯВЛЕНІЕ 1.

СУМБУРЪ *[Одинъ сидитъ на стулѣ, держитъ въ рукахъ палку; потомъ просыпаясь говоритъ.]*

Кажется все исправно, даже и пуговицы цѣлы; я не долго спалъ. Етимъ нахаламъ нѣкогда было сюда войти; желалъ бы я посмотрѣть какъ они сюда войдутъ; какъ бы я встрѣтилъ ихъ своей палкой; но они вѣрно сюда будутъ и я уже напередъ воображаю, какъ имъ не любо будетъ со мною встрѣтиться и какъ они передо мною будутъ вертѣться, а я схвативъ ихъ за волосы.

За ночное посѣщенье
Симъ гостямъ не званымъ мной,
Дамъ изрядно угощенье,
Съ ихъ раздѣлаюсь спиной.
Здѣсь прижавъ ихъ плотно въ руки,
Притаскаю въ задъ, въ періодъ.

Спи-

Спину имъ всчешу отъ скуки
И потѣшу свой животъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

СУМБУРЪ и ИЗВѢДА.

СУМБУРЪ [*Сумбуръ услыша входящую Изведу и бѣжа отъ нее*].

А! а! попался, сказывай, кто тутъ? скорѣе, кто тутъ?

ИЗВѢДА.

Ахъ, сударь!

СУМБУРЪ.

А! ето ты красавица; [*Особо*] тфу къ чорту, какъ она меня испужала; [*Извѣдѣ*] а за чемъ ты здѣсь?

ИЗВѢДА.

Принести, сударь, вамъ повинную.

СУМБУРЪ.

Какъ! въ чомъ?

ИЗВѢДА.

Я сударь хотѣла обмануть васъ и провести сюда Постана и Проныра.

СУМ-

СУМБУРЪ.

Какъ негодница! такъ развѣ ты сочла меня дуракомъ.

ИЗВѢДА.

Я сударь виновата. . . .

СУМБУРЪ.

Ты могла подумать, что у меня ни на волосъ понятія и ни крошки мозгу въ головѣ нѣтъ.

ИЗВѢДА.

Виновата сударь.

СУМБУРЪ.

Ты смѣешь воображать, что я несмысленной скотъ, незнающей различить бѣлаго отъ чорнаго.

ИЗВѢДА.

Ахъ! сударь; но повинную голову мечь несѣчетъ.

СУМБУРЪ.

Да, конечно твою повинную голову мечь непосѣчетъ, а съ нее будетъ довольно доброй дюжины пощочинъ.

ИЗВѢДА.

Все сударь передъ вами: но позвольте мнѣ вывести васъ изъ обману, которой вамъ приготовленъ.

СУМ-

СУМБУРЪ.

Отъ обману! . . . Думаешь ли ты, что родился тотъ человѣкъ, которой бы могъ меня обмануть. Я все сквозь вижу; я уже напередъ зналъ всѣ ваши шашни и заговоры; однакоже сказывай мнѣ ето такъ, какъ будто бы я ничего не зналъ.

ИЗВѢДА.

Видите ли, сударь, я было первая была изъ заговорщиковъ, но я сударь опамятовалась.

СУМБУРЪ.

Ладно.

ИЗВѢДА.

Я, сударь, подумала: баринъ мой такой доброй человѣкъ.

СУМБУРЪ.

Конечно.

ИЗВѢДА.

Что жаль, что бы барыни пожаловали его въ дураки и въ ратозеи.

СУМБУРЪ.

Правда.

ИЗВѢДА.

Я хотя и подумала, сударь, что вы послѣ сего такъ же будете разсудительны какъ есть нынѣ и какъ были прежде.

СУМ-

СУМБУРЪ.

Такъ.

ИЗВѢДА.

Хотя говорила я: баринъ мой такъ уменъ, что ни какое дурачество не можетъ сдѣлать его глупѣе.

СУМБУРЪ.

Люблю за правду.

ИЗВѢДА.

Однако заключила я: ему конечно непротивно будетъ, когда я его увѣдомлю о новомъ дурачествѣ его дочки, сестрицы, машутки и бабушки.

СУМБУРЪ.

О! я сердечно радъ.

ИЗВѢДА.

И такъ знаете ли, что онѣ вздумали съ вами скудѣсить.

СУМБУРЪ.

А что?

ИЗВѢДА.

Онѣ, сударь, безъ вашего позволенія хотятъ сыграть свадьбу.

СУМБУРЪ.

Ахъ! пропалъ я Извѣда, что дѣлать? Онѣ раззорятъ меня . . . . Хотятъ сыграть

свадьбу! да разсудили ли онѣ хоть то, что она по крайней мѣрѣ вскочитъ рублей въ триста; а я послѣ долженъ ихъ оплачивать.

ИЗВѢДА.

Какова, сударь, разсужденія захотѣли вы тамъ, гдѣ всѣ наровятъ или жениться или за мужъ итти.

Гдѣ свадьбу даютъ,
Тамъ пьютъ и поютъ;
О денгахъ не мыслятъ,
Забавы лишь числятъ,
Хозяинъ хоть вой.
Цѣной дорогой
Корми всѣхъ и пой.
Тамъ винами льются,
Цѣлуясь дерутся;
Когдажъ перепьются,
Емужъ насмѣются
И ѣдутъ домой.
А онъ какъ проснются,
Въ долгу остаются
И свадебной щотъ
Не выплатитъ въ годъ.

СУМБУРЪ.

Скажи, какъ они хотятъ ето сдѣлать.

ИЗВѢ-

ИЗВѢДА.

Онѣ, сударь, хотѣли Постана впустить сюда.

СУМБУРЪ.

О! да вѣдь я самъ не промахъ. Знаешь ли что я для того то и не сплю всю ночь, чтобъ ихъ здѣсь встрѣтить; я уже слышалъ ихъ предпріятіе.

ИЗВѢДА.

Вы стережете здѣсь, а онѣ хотятъ его впустить съ улицы въ окошко; потомъ, какъ онѣ уже знаютъ что онѣ соперницы, то при немъ хотятъ кинуть жеребей, кому онъ достанется, и потомъ уйти съ нимъ въ окошкоже, чтобы обвѣнчаться . . .

СУМБУРЪ.

Уйти съ етимъ негодницей? уйти! . . . Извѣда, но я половину только въ страхѣ; ежели жеребей достанется въ пользу Пріяты, то она такъ робка, что вѣрно на то не согласится; а ежели въ пользу бабушки, то, она благодаря Бога, уже въ такихъ лѣтахъ, что вѣрно не добредетъ до церкви. Да вотъ бѣда моя, ежели онъ вывернится или дочкѣ или матушкѣ, то уже какъ дважды два мнѣ быть въ накладѣ . . . . О негодная дочь! я пойду . . . .

ИЗВѢДА.

Постойте, сударь, что вы хотите дѣлать? Ежели не сегодни такъ онѣ завтра осторожнѣе поступятъ.

СУМБУРЪ.

Нѣтъ Извѣда, кому бы жеребей ни вынулся, а я свадьбы не буду играть; пойду и всю посуду приготовлю къ утрему въ ломбардъ, чтобы имъ ни пить ни есть было не изъ чего.

ИЗВѢДА.

Ету то вашу хитрость онѣ сударь и предвидѣли и для того послали къ ростовщику Вседралову за хрустальной и за фарфоровой посудой, которую, я думаю, уже скоро и принесутъ.

СУМБУРЪ.

Ну, какъ ты не согрѣшишь и не скажешь, что онѣ всѣ изъ ума выжили? къ стати ли на свадьбѣ фарфоравая посуда, хоть бы вспомнили, что его высокородіе господ: Рубакинъ и его высокоблагородіе господинъ Шатомысловъ двое въ состояніи въ шесть минутъ и пьяными напишься и столъ опрокинуть.

ИЗВѢ-

ИЗВѢДА.

Сохрани Богъ, сударь! Вседраловъ взялъ съ нихъ подписку, чтобъ за всякую разбитую тарелку платить по шести рублей, а за рюмку по полтара рубли; но можетъ быть, сударь, будутъ такъ бережны . . .

СУМБУРЪ.

Ахъ, нѣтъ! мое сердце чувствуетъ, что завтрѣ что нибудь да будетъ раскокано . . . . . что мнѣ дѣлать, подай совѣтъ.

ИЗВѢДА.

Вамъ, сударь, неотмѣнно нужно стеречь у воротъ етаго Постана, и какъ онъ будетъ подходить и лезть въ кошко . . .

СУМБУРЪ.

Да такъ! я и скажу ему, чтобъ онъ шолъ своей дорогой. Ай Извѣда, но я награжу твое прямодушїе новымъ платкомъ. Пойдуже къ воротамъ съ Грызучкою моею дворовою собакою; и ежели етотъ негодной Постанъ попадется, то я надѣюсь что мы съ ней другъ другу въ храбрости не уступимъ.

ИЗВѢДА.

Да вотъ и посуду несутъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ПРОНЫРЪ и ПОСТАНЪ *[которыхъ несутъ въ двухъ корзинкахъ.]* СУМБУРЪ и ИЗВѢДА.

СУМБУРЪ *[подсобляя нести одну корзинку]*

Тише, тише братцы Бога ради, хоть вы не раззорите меня; не розбѣйте чего нибудь? поставте же ее вотъ тутъ *[ставитъ самъ одну, по томъ другую]* ну ладно; теперь какъ гора съ плечъ свалила; *[работники уходятъ]* однако Извѣда посмотрю я нѣтъ ли тутъ разбитой посуды.

ИЗВѢДА.

На что ето сударь.

СУМБУРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ очень надобно. Возми пересчитай ее всю при мнѣ, чтобы взявъ лычко не заплатить ремешикъ.

ИЗВѢДА.

Помилуйте, сударь. *[а между тѣмъ Постанъ успѣетъ влезть и вылезть.]*

СУМБУРЪ.

Да! правда, такъ, такъ инъ я пойду туда, а ты пожалуйста осмотри хорошенко, что тутъ стоитъ, и при случаѣ будь свидѣтельницею, что я ихъ очень осторожно принялъ *[уходитъ.]*

ИЗВѢ-

ИЗВѢДА.

А я пойду съ госпожъ собирать подарки за мою хитрость. [*уходитъ*]

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПРОНЫРЪ и ПОСТАНЪ [*въ корзинахъ.*]

ПРОНЫРЪ [*высовывая голову изъ корзины.*]

Какая страшна тьма!
Гдѣ я совсемъ не знаю,
Отъ страха обмираю,
Лишаюся ума.
Какъ въ бокъ меня толкаютъ,
Въ глазахъ моихъ мелькаютъ
Ужасныя мечты.
Народъ, чертей я зрю съ рогами;
Тамъ бѣсы гнутся всѣ дугами;
Тамъ черти синїе съ крюками.
Постанъ, Постанъ не тутъ ли ты?

ПОСТАНЪ [*выглядывая.*]

Пронырь.

ПРОНЫРЪ [*изслужавшись.*]

Кто тутъ?

ПОСТАНЪ.

Небойся,
Скрѣпися.

ПРОНЫРЪ.

Постанъ, Постанъ.

ПОСТАНЪ.

Спокойся;

Я здѣсь.

ПРОНЫРЪ.

А я чуть живъ.

ВМѢСТѢ.

ПРОНЫРЪ.

Да будешь здѣсь трусливъ,
Боюсь хотя и стыдно,
Любовь помощникъ мой.
Скрѣпи любовь разсудокъ мой
Не испужалсябъ я драгой.

ПОСТАНЪ.

Стыдись быть такъ трусливъ,
Мнѣ ето ужъ обидно,
Что ты моимъ слугой.
Ахъ! вспомни хоть Пронырь драгой,
За чѣмъ мы призваны съ тобой.

ПОСТАНЪ.

Пронырь, перестань трусить, или ты думаешь что мы здѣсь въ опасномъ мѣстѣ; не уже ли ты чертей боишся?

ПРОНЫРЪ.

Какихъ чертей сударь? для меня здѣсь всего страшнѣе Сумбуръ? Я того и глядѣлъ

что

что онъ вздумаетъ освидѣтельствовать, хороша ли посуда.

ПОСТАНЪ.

Однако встань и поди послушай, нейдетъ ли кто сюда; и какъ скоро войдетъ сюда Пріята, то мнѣ скажи.

ПРОНЫРЪ.

Воля ваша, сударь, я ни изъ чего не встану, доколѣ вы не встанете. Мнѣ кажется я на всякомъ шагу здѣсь голову сломлю.

ПОСТАНЪ *[вставая.]*

Вставайже, я всталъ

ПРОНЫРЪ *[встаетъ]*

Пречудное дѣло, сударь, какъ любовь то хитра. Кто бы подумалъ, что мы можемъ ворваться въ такое строгое мѣсто, анъ съ помощїю любви и Извѣды ето все здѣлано. Ваши любовницы во время нашей прогулки выслали къ намъ Извѣду; она намъ сказала что мы перенесены будемъ сюда въ корзинкахъ и потомъ насъ втащили какъ пословъ; но что же вы намѣрены дѣлать?

ПОСТАНЪ.

Уговорить Пріяту, чтобы она ушла со мною, она конечно увидитъ страсть мою и согласится на мое желанїе, а завтрѣ мы возвратимся сюда обвѣнчанными.

ПРОНЫРЪ.

А я, сударь, съ Извѣдой тоже сдѣлаю, что вы съ Пріятой

ПОСТАНЪ.

Тише, кто то идетъ.

ЯВЛЕНІЕ 4

ПОСТАНЪ, ПРОНЫРЪ, ГОРБУРА, УЖИМА, ПРІЯТА, КАТЯ и ИЗВѢДА

ГОРБУРА.

Аукни мнѣ шопоткомъ Постанушка.

ПРІЯТА.

Гдѣ ты любезной Постанъ.

УЖИМА.

Вздохни покрѣпче любезной, чтобъ я тебя услышала.

КАТЯ.

Шаркни хорошенько милой Постанъ.

[онѣ ищутъ его руками и поютъ.]

ИЗВѢДА.

Пронырь, Пронырѣ, куда тебя лукавой занесъ.

ВМѢСТѢ.

ЖЕНЩИНЫ	МУЩИНЫ
Открой мнѣ сердце путь къ Постану.	Гдѣ я искать Пріяту стану.

Пос-

Постанъ, гдѣ ты скажись,
Пріятѣ страстной покажись;
Или мой стонъ тебѣ не внятенъ,
Предмѣтъ любви драгой.
Любималь я тобой,
Такъ страстно какъ ты мнѣ пріятенъ.

Пріята ахъ скажись,
Постану страстному явись;
Или мой стонъ тебѣ не внятенъ,
Предмѣтъ любви драгой.
Любимъ ли я тобой,
Столь много сколь ты мнѣ пріятна.

[Къ Проныру по одну сторону подходитъ Катя, а съ другой Горбура, Постанъ сходится съ Пріятой а Ужима съ Извѣдою; онѣ схватываются руками и поютъ.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Какое трепетанье,
И сердца волнованье,
Вся кровь во мнѣ кипитъ,
И сердце возмущенно,
Сквозь ночи мракъ сгущенной.

МУЩИНЫ.

Предмѣтъ пыланья зритъ.
Отъ страсти весь я млѣю,
Безъ силъ въ восторгѣ тлѣю,
Предмѣтъ любви драгой,
Ахъ! тыль теперь со мной.

ПО-

ПОСТАНЪ и ПРІЯТА.

Бери надъ сердцемъ власть,
Любви пріятна страсть;
Твои прелестныя оковы,
Сулятъ всякъ часъ утѣхи новы,
Тобой счастлива жизнь моя,
Тобой пылаю я.

ПОСТАНЪ.

Чтобъ прекратить мою всю муку,
Ахъ дай свою прекрасну руку.

ПРІЯТА.

Постанъ драгой я вся твоя,
Сколь щастлива судба моя.

ГОРБУРА и КАТЯ.

Чтобъ прекратить мою всю муку,
Цѣлуй мою ты чаще руку.

ПРОНЫРЪ.

Ахъ какъ мила рука твоя. *[особо]*
Знать къ двумъ попался въ руки я.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПРЕЖНІЕ и СУМБУРЪ.

СУМБУРЪ.

Ахъ! знать засталъ я свиданье,
Что за ночное собранье.

ВСѢ КРОМѢ СУМБУРА.

Кого я слышу здѣсь.

ВСѢ.

ВСѢ.

Смутился духъ мой весь.
Кто здѣсь, кто здѣсь, кто здѣсь?

КАТЯ и ГОРБУРА. *[Тянутъ Проныра всякая въ свою сторону.]*

А знать Сумбуръ вошолъ сюда,
Пойдемъ Постанъ драгой туда.

СУМБУРЪ.

Слышу я топотъ,
Шарканье шопотъ,
Знать не одинъ,
Здѣсь господинъ.
Съ мѣста тронуться,
Боюсь ворохнуться.
Горько молчать,
Страшно кричать.
Дамъ на отвагу,
Добрую шягу,
Тише проидіомъ,
Мешкать не станемъ,
Тотчасъ нагрянемъ,
Съ свѣчами, съ дубыомъ,

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 6.

ГОРБУРА, УЖИМА, ПРІЯТА, КАТЯ, ПОСТАНЪ, ИЗВѢДА и ПРОНЫРЪ.

УЖИМА.

Ушолъ, провались онъ, я думала, что онъ тебя поимаетъ.

ПРОНЫРЪ.

Думаете ли вы, что я такъ робокъ и боюсь, ежели онъ меня нѣсколько помуштруетъ.

УЖИМА.

Вы молодые люди, конечно не боитесь, когда у васъ что нибудь изломятъ, но намъ испорченной мущина не всегда нравится.

ПОСТАНЪ.

И такъ любезная Пріята я могу назвать себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

ПРІЯТА.

Будь увѣренъ, любезной Постанъ, что моя страсть во вѣки не перемѣнится.

ГОРБУРА.

Такъ мой другъ, ты очень перепужался, поцѣлуй же въ награжденіе мою руку.

КАТЯ.

Любезной Постанъ, какъ мнѣ жаль, что я тебя не вижу; мнѣ было хотѣлось на те-

бя

бя въ близи посмотрѣть; но поцѣлуй хотя за то мою руку.

ПРОНЫРЪ.

Тфу пропасть! долго ли мнѣ имъ руки будетъ цѣловать.

[онѣ подносятъ къ его рту руки и схватываютъ другъ друга за руки.]

КАТЯ.

Постанъ! твоя ето рука?

ГОРБУРА.

Чья ето рука?

ПРОНЫРЪ.

Какая рука? я свои обѣ изъ кармановъ почти не вынимаю.

ГОРБУРА.

А! я вижу тутъ плутовство.

[онѣ позади Проныра хотятъ себя схватить и тянутъ его назадъ не разнимая своихъ рукъ.]

ПРОНЫРЪ

Милостивая государыня, вы меня заставите караулъ кричать.

ГОРБУРА.

А! невѣрной; а кто подлѣ тебя по ту сторону.

ПРО-

ПРОНЫРЪ.

Да я ни по ту ни по другую ни кого не разгляжу.

ГОРБУРА.

О! такъ я тотчасъ узнаю и тебя вероломнаго не отпущу безъ наказанія.

КАТЯ.

Я въ минуту поймаю.

[онѣ бѣгутъ отъ оркестра всегда не разнимая рукъ и роняютъ Проныра.]

ПРОНЫРЪ.

Ахъ! я умираю!

КАТЯ.

Етаго мнѣ мало: я ни тебя ни соперницу изъ рукъ не выпущу *[обѣ его держутъ не давая ему встать.]*

УЖИМА.

Что такое тамъ сдѣлалось *[идетъ къ Проныру не выпуская Извѣду изъ рукъ.]*

ПРІЯТА.

Кто еще здѣсь есть и что за шумъ? *[подходитъ такъ же съ Постаномъ.]*

Пого-

[Поютъ всѣ.]

Тише, тише кто такой?
Не шумите ради Бога,
Тише, что здѣсь за тревога,
Что за ссоры въ часъ ночной?

*

Тише, тише, говорятъ,
Будьте хоть на часъ слокойно,
Шумы дѣлать непристойно,
Когда всѣ здѣсь въ домѣ спятъ.

*

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ГОРБУРА, УЖИМА, ПРІЯТА, КАТЯ, ПОСТАНЪ, ИЗВѢДА, ПРОНЫРЪ и СУМБУРЪ *[со свѣчами и съ вооруженными, палками, людьми.]*

СУМБУРЪ. *[вбѣгая.]*

Разбой! разбой! разбой!
Ступайте всѣ за мной;
Ловите всѣхъ немедлѣнно,
Хватайте всѣхъ какъ велѣно.
Та та та та та та та та,
Поймалъ я други васъ.

ПОСТАНЪ.

Кто тронится изъ васъ впередъ,
На шпагѣ мѣсто тотъ найдетъ
И мертвъ падетъ въ сей часъ.

Поговоримъ, сударь, лучше безъ ссоры и спокойно.

СУМБУРЪ.

Спокойно, государь мой, нѣтъ, я пришолъ тебя въ свою очередь побезпокоить.

ГОРБУРА.

Такъ ты не Постанъ.

КАТЯ.

Убирайся же къ чорту.

ПРОНЫРЪ. *[Вставши.]*

Ей, ей въ когтяхъ десяти чертей спокойнѣе быть нежели бы въ рукахъ двухъ женщинъ. Ежели бы еще минута, то бы Пронырь Богу душу отдалъ.

УЖИМА.

Какъ ты смѣла плутовка меня обманывать?

ИЗВѢДА.

А для чего вы сударыня не въ лорнетъ изволили на меня смотрѣть.

СУМ-

СУМБУРЪ.

Тише, тише, господа, я пришолъ васъ помирить; я вижу что наконецъ мнѣ должно будетъ перенести нѣкоторой, и очень большой убытокъ, но какъ вѣдь я вычислилъ, что посѣщенїи его милости въ годъ, обуютъ меня въ лапти, и такъ съ позволенїя его онъ долженъ на одной изъ васъ жениться.

ВСѢ.

Какъ я щастлива!

ПОСТАНЪ.

Государь мой, чемъ могу я возблагодарить за такое приказанїе.

СУМБУРЪ.

Тѣмъ, государь мой, чтобъ жениться и чтобъ въ передъ не дѣлать такихъ прогулокъ, которыхъ бы я въ шесть лѣтъ невыплатилъ: извольте выбирать любую.

ПОСТАНЪ.

Познайте, сударь, что прекрасная ваша сестра, воспламенила мое сердце.

КАТЯ.

Какъ! а не я?

УЖИМА.

Постанъ, Постанъ, развѣ ты забылъ мое имя.

ГОРБУРА.

Постанушка, мой другъ! вѣдь я его не сестра.

ПОСТАНЪ.

Я ето знаю, милостивыя государыни и чувствую отъ того къ вамъ почтенїе.

ВСѢ.

А не любовь!

ПОСТАНЪ.

Любовь? Я ее чувствую къ одной Прїятѣ.

УЖИМА.

Измѣнникъ, я отъ тебя имѣю любовное письмо.

КАТЯ.

Ты писалъ, что ты меня любишь.

ГОРБУРА.

Да ты и ко мнѣ другъ о томъ же писалъ грамотку.

ПРІЯТА.

Что я слышу? Постанъ.

ПОСТАНЪ.

Я къ вамъ писалъ? а отъ кого вы получили мои письма?

ВСѢ.

ВСѢ. *[Указывая на Проныра.]*

Отъ него мы взяли.

ПРОНЫРЪ.

Взяли? сударыни; нѣтъ съ позволенія вашего сказать: вы меня ограбили и вытащили у меня изъ кармановъ моей руки письма, которыя я имѣлъ привычку носить въ карманахъ ко всякой женщинѣ, которая будетъ имѣть щастіе мнѣ вдругъ понравиться.

СУМБУРЪ.

Вотъ какое дурачество: сдѣлай милость, господинъ Постанъ, женись скорѣй на Пріятѣ; можетъ быть это будетъ лѣкарствомъ отъ любви ея соперницамъ; женись же, да и какъ можно скорѣе.

ПРОНЫРЪ.

А мнѣ, сударь, уступите Извѣду.

СУМБУРЪ.

Я тебѣ ее полой отдаю: согласна ли ты Извѣда; но цѣла ли посуда фарфоровая.

ИЗВѢДА. *[Указывая на Проныра и Постана.]*

Цѣла, сударь, вотъ она.

СУМБУРЪ.

Едакая плутовка и она меня обманула, Пронырѣ, ты уже ей за меня отплатишь.

ПРОНЫРЪ.

Слышишь ли Извѣда, чурѣ же и вѣ мою комнату фарфору не таскать.

КАТЯ.

А я и осталась безо всего.

УЖИМА.

Едакая пропасть.

ГОРБУРА.

Ну! вотѣ матка, я какѣ курѣ во щи.

СУМБУРЪ.

И такѣ на конецѣ согласны ли вы на ето.

ГОРБУРА.

Сосласны, да иначе и быть не льзя.

СУМБУРЪ.

И я такѣ же: любви не можно противиться, когда она кѣ статѣ пожалуетѣ.

ВСѢ.

Любовь прїятно сердцу бремя,
Когда полюбитѣ кто во время;

А

А тотъ, кто любитъ не въ черіодъ,
Одну въ любви отраву пьіотъ.

СУМБУРЪ.

Съ сестрой охотно разстаюся,
Хотя ее люблю;
Но какъ съ казной я разступлюся,
Какъ деньги уступлю?

Мѣшки мои любезны,
Вы были мнѣ полезны,
Постанъ люби ты ихъ,
Друзей нелицемѣрныхъ,
Ходатаевъ усердныхъ,
Найдешь себѣ ты въ нихъ.

ВСѢ.

Любовь пріятно сердцу бремя,
Когда полюбитъ кто во время;
А тотъ кто любитъ не въ черіодъ,
Одну въ любви отраву пьіотъ,

КАТЯ.

Старики любовь бранятъ,
А за что того не знаю.
За мужъ всѣ здѣсь наровятъ,
Такъ и я того желаю,
За мужъ за мужъ, я хочу.

[Сумбуру.]

Въ утешенье нѣжну жару,
Дай мнѣ жениха подъ пару,
Иль я сама его сыщу.

ВСѢ.

Любовь пріятно сердцу бремя,
Когда полюбитъ кто во время;
А тотъ кто любитъ не въ черіодъ,
Одну въ любви отраву пьіотъ.

ГОРБУРА и УЖИМА.

Будемъ ко мы степениться
Знать не къ статѣ намъ любиться:
Видно нельзя намъ плѣнять,
Чтожъ на Постана пенять.
Знать тѣ часы миновали,
Какъ пригожи мы бывали,
Такъ отъ любви отойдіомъ
Лучше съ тобой пропоіомъ:
Что старики ни затѣютъ,
Все старики проглазѣютъ.

ВСѢ

Любовь приятно сердцу бремя,
Когда полюбитъ кто во время;
А тотъ, кто любитъ не въ черіодъ,
Одну въ любви отраву пьіотъ.

ПОС-

ПОСТАНЪ и ПРІЯТА.

Печали были намъ отрава,
Любовь награда и забава;
Что есть любви приятнѣй сей.

ПОСТАНЪ.

Будь Пріята ты моей.

ПРІЯТА.

Будь и ты моимъ на вѣки.

ВМѢСТѢ.

Намъ утѣхъ польются рѣки,
Мы щастливѣе царей.

ВСѢ

Любовь пріятно сердцу бремя,
Когда полюбитъ кто во время;
А тотъ, кто любитъ не въ черіодъ,
Одну въ любви отраву пьютъ.

ПРОНЫРЪ и ИЗВѢДА.

ПРОНЫРЪ.

Мы съ тобой прелестной взоръ,
Поставимъ договоръ,
Чтобы любить чистосердечно,
Тебя душа моя мнѣ вѣрно,
Чтобъ страсть тверда была моя.

ИЗВѢДА.

Но ежель ты передо мною,
плѣняться вздумаешь иною.

ПРОНЫРЪ.

Но ежель мнѣ надъ головою,
Рога поставются тобою,
Тогда бѣда твоя.

ВСѢ.

Любовь приятно сердцу бремя;
Когда полюбитъ кто во время;
А тотъ, кто любитъ не въ черіодъ,
Одну въ любви отраву пьютъ.

КОНЕЦЪ.

ОПАСНАЯ ШУТКА,

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

ВЪ

ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВОВАТЕЛИ.

АНФИМЪ, староста въ деревнѣ.

СИДОРЫЧЪ, крестьянинъ той же деревни.

ПАША, дочь его.

МАЛАФЕЙ, любовникъ ея крестьянинъ же.

ФИЛАТЪ, другой любовникъ ея, сынъ Анфима, нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ.

Дѣйствіе въ полѣ близъ деревни.

ОПАСНАЯ ШУТКА

ОПЕРА.

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ открывается, представляетъ лугъ окруженный деревьями и кустарникомъ, съ одной стороны видна деревня, крестьяне и крестьянки збираяся поютъ хоромъ.

АНФИМЪ и СИДОРЫЧЬ

Сбирайтеся друзья сюды,
И принимайтесь за труды,
Пусть насъ бара презираютъ,
Видно насъ они не знаютъ.
Чемъ крестьянинъ не хорошъ?
Землю пашетъ, жнютъ и сѣетъ,
Кормитъ онъ бояръ и грѣетъ:
Полно ихъ вѣдь не уймешъ.

*

Лишъ

Лишъ настанетъ только срокъ,
Мы тащимъ къ нему оброкъ,
Деньги, птицу и скотину,
Все относимъ къ господину.
Чемъ крестьянинъ не хорошъ и проч.

*

Мы веселости любя,
Не забудемъ и себя.
Есть у насъ волынки, пляски,
Пиво, медъ, логудки, сказки.
Чемъ крестьянинъ не хорошъ и проч.

АНФИМЪ.

Ну! друзья мои, полно покамѣстъ, подите отдохните: солнышко уже заполдни гораздо передвинулось [*Сидорычу.*] а ты Сидорычь останься на минуту здѣсь.

СИДОРЫЧЬ.

Да мнѣ то бы и больше всѣхъ нужда до дому, я уже почти вытрезвился а фляга пустоҳонка: у меня же дочь дома теперь одна.

АНФИМЪ.

Объ ней то мнѣ съ тобой и говорить хочется.

СИДОРЫЧЬ.

А! объ ней? нушко што, а я люблю о ней говорить. Вѣдь вотъ Авдѣичь, она моя дочь,

а

а безъ хвастовства сказать: во сто разъ умнѣе меня и матери. Уже и Богъ вѣсть въ ково она уродилась.

АНФИМЪ.

Ты все только пустельгу городишь, поговоримъ лучше о дѣлѣ.

СИДОРЫЧЪ

Изволь, я и отъ того непрочь; поговоримъ о дѣлѣ, да полно вѣдь ты ничего несмыслишь.

АНФИМЪ.

Ну, ты умiонъ.

СИДОРЫЧЪ.

Я? . . Я? а какъ же бы ты думалъ; да знаешь ли, что я крушку пива однимъ духомъ выпиваю, да еще и пьянъ не живу.

АНФИМЪ.

Да послушай, ты знаешь моего Филата.

СИДОРЫЧЪ.

Дурака то? какъ не знать . . . надоѣлъ онъ мнѣ какъ горька редька, вздумай мою Пашу подманивать. Ономедни притащи его сатана подъ наше окошко въ гудокъ играть, только въ перiодъ я ему такова дамъ гудка, что вѣкъ въ головѣ звенѣть станетъ. Не осердись сватъ, вѣдь я правду говорю. По по-

пословицѣ хлѣбъ соль ѣшь, а правду какъ рѣжь.

АНФИМЪ.

Перестань врать то, я хочу просить у тебя за него твоей Паши . . . . а . . . подумайка да сладимъ свадьбу.

СИДОРЫЧЪ.

Не худобы, только въ рядъ быть ли етому. Моя дочь не терпитъ тѣхъ, кто былъ на сеняхъ, а твой сынъ недавно съ сеней сосланъ, такъ вотъ што.

АНФИМЪ.

Пустое; онъ мнѣ сказывалъ, что у него съ нею ладъ.

СИДОРЫЧЪ.

А она мнѣ сказывала, что она его нелюбитъ.

АНФИМЪ.

Одинъ изъ нихъ лжотъ . . . да ето вѣрно она изъ стыдливости отъ тебя таилась. Мой парень вѣрно не солжотъ, онъ нѣсколько простоватъ, ну да ужъ за то послушной зять будетъ.

На утренней на зорѣ,
Будетъ чистить на дворѣ.

Паша

Паша встанетъ анъ ужъ дровъ,
Будетъ ей костôръ готовъ,
Ты пахать не будешь болѣ.
За тебя пойдетъ онъ въ поле,
А ты дѣлай лишь одно,
Кушай, спи и пей вино.

СИДОРЫЧЪ.

Ой ли такъ? съ моей стороны ни чуть задержки нѣтъ; я ей во всемъ далъ волю, по мнѣ не только за твоего сына выдь, хотя за лешего; а съ зятемъ то я хоть съ какимъ такъ умѣю справиться.

АНФИМЪ.

Не бось, не бось, моимъ зятемъ будешь доволенъ; я уже сказалъ, что онъ нѣсколько простъ. . . .

СИДОРЫЧЪ.

Простъ, простъ, ну такъ штожъ, что простъ? вѣдь намъ не съ вычурамижъ нада и я тебѣ даю слово; коли Анна его любитъ, такъ и я такъ же ея стороны, а коли она нѣтъ, такъ и на меня прошу не погнѣваться.

АНФИМЪ.

Хорошо, хорошо, но чу онъ идетъ, вотъ я при тебѣжъ его спрошу. *[Слышенъ голосъ.]*

ЯВЛЕНІЕ 2.

СИДОРЫЧЪ, АНФИМЪ и ФИЛАТЪ. *[Входя еще за кулисами, зачинаетъ пѣть пѣсни.]*

Ахъ во полѣ рябинушка стояла,
Ахъ во полѣ кудрявая стояла.

Только такъ высоко и тонко, что я лазивши на нее за гнѣздами, чуть было голову не сломилъ, а ужъ гнѣзды отъ меня не увернутся: хоть срублю рябину да ихъ достану.

АНФИМЪ.

Филатъ, Филатъ, екъ ты заговорился, что ужъ и насъ не видишь.

ФИЛАТЪ.

Ба! батюшка Сидорычь! здорово. Што вы тутъ дѣлаете. *[Пошедши въ карманъ.]* Не въ бабки ли играете? примите и меня.

АНФИМЪ.

И! лошадь, лошадь.

ФИЛАТЪ.

Такъ, еще новое прозвище, едакая дьявольщина! нѣтъ того дня, чтобы мнѣ новаго отечества не давали. Матушка всякой день зоветъ меня, то холопомъ, то Анфимы-

мычомъ, то собачьимъ сыномъ, да ужъ скажите одинъ разъ, кто мой батюшка, такъ бы я такъ и пошолъ навсегда.

СИДОРЫЧЪ.

Только Анфимычь я тѣ скажу: ета простота хуже воровства.

АНФИМЪ.

И! сватъ, вѣдь онъ еще остепенится, парень не вошолъ въ лѣты, тыже видишь, что я его браню: послушай болванъ, я о тебѣ говорилъ.

ФИЛАТЪ.

Едакая диковинка, что обо мнѣ говорилъ, да обо мнѣ и не ты заговоришь, вѣдь еще я не давно изъ Питера пріѣхалъ, дайка меня разсмотрѣть хорошенько, такъ обо мнѣ вся деревня залепечитъ.

Знай Филатка не болванъ,
Посмотри на мой кафтанъ;
Какова моя осанка,
Я вѣдь дѣвушкамъ приманка,
Я въ Санктпитерѣ живалъ,
Тамъ за дѣвками махалъ.
Знаю барски одѣваться,
Знаю пудрой засыпаться,
Чемъ же я не молодецъ?
Молодцамъ я образецъ.

АНФИМЪ.

Да, да, ты много знаешь.

ФИЛАТЪ.

Ну да чегожъ еще? больше етаго и баринъ мой ничего не зналъ.

АНФИМЪ.

А я тебя еще выучу пахать, сѣять, за дворомъ смотрѣть.

ФИЛАТЪ.

Умiонъ ты батюшка; да знаешь ли что я у Французскаго парикмахера волосы чесать учился; такъ къ статѣ ли чтобъ я тѣмиже руками взялъ въ руки деревенскую соху.

СИДОРЫЧЬ.

Послушайко братъ Анфимычь а безъ того я за тебя Паши та не отдамъ; какойжа ты у меня зять будешь.

ФИЛАТЪ *[съ радостiю особо отцу.]*

Батюшка! да ты развѣ ему говорилъ.

АНФИМЪ.

Ежели бы не ты, такъ бы дѣло то уже давно было съ концомъ; онъ мнѣ и слово далъ.

ФИЛАТЪ.

А за мной и подавно не станетъ. *[Сидорычу]* Принеситко Сидорычь борону и соху, я тѣ коли хочешь не столько здѣсь на дворѣ да и на подволокѣ вспашу.

СИ-

СИДОРЫЧЪ.

Што тѣ сдѣлалось?

ФИЛАТЪ.

Поди, поди,
Скорѣе за сохой.
Ахъ не ходи,
Кормилецъ мой.
Вспашу тебѣ я поле,
Вспашу коль хочешь болѣ,
И радъ все сдѣлать для тебя
Не пощадя себя.
Лишь слово мнѣ ты сохрани;
И на Прасковьюшкѣ жени.

СИДОРЫЧЪ.

Да любитъ ли она тебя?

ФИЛАТЪ.

Ей жить не можно безъ меня.

СИДОРЫЧЪ.

А для чего?

ФИЛАТЪ.

А для того
Что я хорошъ,
Что я пригожъ
И на красавца я похожъ.

СИДОРЫЧЪ.

Ну какъ она тебя не любитъ?

ФИЛАТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, она меня не сгубитъ
Я сто плачу рублей.

СИДОРЫЧЬ.

Ихъ нѣтъ въ мошнѣ твоей.

АНФИМЪ.

Поделисько со мною Филатъ: у меня уже сапоги худы.

ФИЛАТЪ.

Да у меня у самого ни полушки нѣтъ.

АНФИМЪ.

А плутяга! а сто то рублей прозакладовать хотѣлъ.

ФИЛАТЪ.

Екой ты батюшка! кажется въ городъ ѣздитъ а манеровъ городскихъ не знаетъ; да тамъ у кого денегъ ни гроша нѣтъ, тотъ всегда о тысячѣ закладъ держитъ.

СИДОРЫЧЬ.

Скажи же ты мнѣ: почему ты знаешь, что Паша тебя любитъ?

ФИЛАТЪ.

Какъ по чему? когда я покажусь, такъ она всегда хохочетъ, весела шутитъ со мною а иногда меня щиплетъ, а ето въ городахъ первой знакъ любви.

СИ-

СИДОРЫЧЪ.

Ну! добро сватъ пойдѣмъ, я при тебѣ у дочери спрошу, или еще лучше сдѣлаю, я ее принужу, чтобы она не поупрямилась изъ застенчивости, а коли то не пособитъ, такъ ужъ я не виноватъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ФИЛАТЪ. [*одинъ.*]

Нутка братъ Малафей, што ты теперь скажешь, вѣдь ты давно хотѣлъ прижать къ себѣ Парашиньку та, анъ лихъ не по твоему сдѣлалось, женюсь та на ней я; то то заживу, какъ сыръ въ маслѣ буду купаться, поѣду съ Парашинькой въ городъ; да туды привези лишъ такую хорошую жену, такъ всемъ городомъ не будешь оставленъ, и дорога не останется въ накладѣ.

Ба! да вотъ и Параша! она вѣрно ищетъ меня, чтобы мнѣ сказать о нашей свадьбѣ, дайко я притаюсь, будто я ее не вижу.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ФИЛАТЪ и ПАША. [*Вбѣгая на театръ, и увидя Филата особо.*]

Ба, етотъ дуракъ то здѣсь, едакая бѣда кого надобно такъ того нѣтъ, а кого

не надобно, тотъ всегда въ глазахъ мельтешитъ. [*подошедъ и ударя Филата по плечу*] Здраствуй Филатъ.

ФИЛАТЪ.

Ахъ чортъ бы те взялъ! здорово Аннушка; охъ да какъ ты больно здороваешся, што, нашла меня?

ПАША.

Да, Филатъ; ты недавно спрятался. Вотъ какъ я тебя люблю.

ФИЛАТЪ.

Ойли, а ты вѣдь любишь меня.

ПАША.

Да, да, и Господи! вѣдь ты видишь милъ очень.

ФИЛАТЪ [*Ухмыляясь*].

Ге ге: да за чемъ ты сюда пріѣхала.

ПАША.

Нѣтъ я не пріѣхала а прибѣжала. Мнѣ было хотѣлось батюшку здѣсь видѣть, да и по полю пробѣжать.

ФИЛАТЪ.

Ну такъ што; что не нашла батюшка, ты меня нашла, говори со мной, что ему хотѣла сказать; вѣдь и я отъ васъ не очень далёкъ.

ПА-

ПАША.

А што, развѣ ты къ намъ нанимаешся въ работники?

ФИЛАТЪ. *[Смѣяся.]*

Да, въ работники, ужо смотри буду я работать; какъ же я пахать буду.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПАША, ФИЛАТЪ и АНФИМЪ съ СИДОРЫЧЕМЪ. *[Выходя изъ лѣсу тихо, и увидя Пашу, Анфимъ тихо Сидорычу.]*

Ну! слушай же вотъ и они, только ишши *[становятся за деревьями и во время разговора даютъ другъ другу, Анфимъ знаки радости, а Сидорычъ знаки удивленія.]*

ПАША.

Такъ инъ я тебя не понимаю.

ФИЛАТЪ.

Я хочу на тебѣ жениться.

ПАША.

Право? давноль ты ето задумалъ.

ФИЛАТЪ. *[смѣясь.]*

Севоднижъ задумалъ, да севоднижъ и здѣлаю.

ПАША.

Ну! вотъ поздравляю; да развѣ я не примѣчу какъ ты на мнѣ жениться станешь, а то полно женишся ли ты.

ФИЛАТЪ.

Голову даю на отсеченье, что женюсь.

ПАША.

И! да ты и съ головой то не годенъ, а безъ головы куды намъ тебя дѣть.

ФИЛАТЪ.

Ужъ куды хочешь; да вѣдь ты меня любишь.

ПАША.

Какъ не любить; видишь ты какой пригожинькой, миловидниньки, какіе на тебѣ сапожки, какой кафтанъ, какой кушакъ.

СИДОРЫЧЪ.

Едакая притворщица! смотри пожалуй пойдемъ же теперь; ужо попробую я попытать ея притворство. Вотъ таковы то всѣ дѣвки передъ отцами застенчивы, а передъ молодцами нѣтъ.

[Уходятъ.]

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 6

ФИЛАТЪ и ПАША.

ФИЛАТЪ.

То то Пашинька, вѣдь я и въ Питербургѣ жилъ на сеняхъ своихъ у господъ, да меня сюда сослали.

ПАША.

За что?

ФИЛАТЪ.

Да только за то, что видишь ты къ барынѣ пришолъ знакомой, а она велѣла мнѣ заперешь двери, какъ я иду къ дверямъ та а мнѣ баринъ на встрѣчу, а таки дверь позаперъ; да какъ баринъ та вошелъ туды, то у нихъ такая тамъ сдѣлалась сумотоха, что слышь ты уму не вобразимо, а мнѣ въ чужомъ пиру похмѣлье.

Да себя утѣшу я,
Когда будешь ты моя.

ПАША.

Полно будуль я твоя.

ФИЛАТЪ.

Да будешь конечно,
Моя ты вѣчно;
Ты здѣсь на одинѣ,
Сказала мнѣ,
Что любишь ты меня сердечно.

ПА-

ПАША.

Любя
Тебя
Скажу тебѣ какъ брату,
Что мнѣ не льзя женою быть Филату;
И милости такой не стою я ни какъ.

ФИЛАТЪ.

Нѣтъ ничего [особо] вѣдь Филатъ не дуракъ,
Нѣтъ ничего, ты будешь моя.

ПАША.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не буду твоя.

ФИЛАТЪ.

Будешь конечно, ты будешь моя.

ПАША.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я небуду твоя.

ФИЛАТЪ.

Да ты ни какъ ужъ споришь?

ПАША.

Ты слишкомъ много здоришь.

ФИЛАТЪ.

Завтрежъ Параша ты будешь моя.

ПАША.

Нѣтъ никогда я не буду твоя.

ФИЛАТЪ.

Да што ты вдругъ закозокалась Прасковья? вѣдь я и самъ приосамлюсь.

ПА-

ПАША.

Нутка, а я посмотрю на тебя.

ФИЛАТЪ.

Скажи напередъ: за чемъ ты заупрямилась?

ПАША.

Для того, я вспомнила что есть одинъ молодчикъ, которой меня у тебя перебить можетъ.

ФИЛАТЪ.

Уже не Малафей ли? онъ вѣдь всю за тобой волочится.

ПАША.

Да, онъ то; такъ ты мастеръ угадывать.

ФИЛАТЪ.

Ха, ха, ха! ну уже своякаже я нашолъ.

ПАША.

Эй не смѣйся Филатъ; онъ вѣдь очень сердитъ.

ФИЛАТЪ *[осердясь.]*

Ну такъ и я не менше; я ему дамъ знать каково со мной связываться.

ПАША.

Што то ты ему сдѣлаешь.

ФИ-

ФИЛАТЪ.

Въ руки я возьму дубину,
Изувѣчу какъ скотину,
Не оставлю въ немъ ребра.
И съ Филатомъ,
Вѣдь не съ братомъ;
Въ ссорѣ нѣтъ со мной добра.

ПАША.

Ну да вѣдь и онъ не робенокъ.

ФИЛАТЪ.

Не боюсь,
Съ нимъ схвачусь;
Въ руки я возьму дубину,
Изувѣчу какъ скотину,
Не оставлю въ немъ ребра.
И съ Филатомъ,
Вѣдь не съ братомъ;
Въ ссорѣ нѣтъ со мной добра.

ПАША.

И трусъ, трусъ, ну тебѣ ли съ нимъ схватиться? а вотъ я скажу ему такъ онъ и самъ къ тебѣ на дворъ взойдетъ.

ФИЛАТЪ.

Вздоръ, вздоръ, вздоръ,
Лишь онъ на дворъ;

Въ руки я возьму дубину,
Изломаю какъ скотину,
Не оставлю въ немъ ребра,
И съ Филатомъ
Вѣдь не съ братомъ;
Въ ссорѣ нѣтъ со мной добра.

ПАША.

Бойся, бойся Малафея,
Изувѣчитъ онъ тебя.

ФИЛАТЪ.

Своей дубины не жалѣя,
Не бось не выдамъ я себя.

Да што ты думаешь: во мнѣ сердца что ли нѣтъ? покажись только онъ сюда, такъ я дамъ себя ему знать; кости живой не оставлю; да я ему зубы всѣ повыломаю: да я.... *[увидя подходящаго Малафея.]* Да я... прощай Пашинька.

ПАША.

Што ты опрокинулся? ха ха ха! гдѣжъ твоя храбрость дѣвалась?

ФИЛАТЪ *[струся.]*

Она... она... вся во мнѣ, да я половину хочу домой отнести.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 7.

ПАША, МАЛАФЕЙ и ФИЛАТЪ.

МАЛАФЕЙ.

Что? что такое.

ПАША.

Да вотъ удалецъ то хотѣлъ тебѣ ребры повыломать.

МАЛАФЕЙ.

А соколъ! такъ ты все таки къ ней подлипаешь, постой же я тебя проучу.

ФИЛАТЪ.

Ну пропала моя головушка! мнѣ право теперь не досугъ, поучи ужо меня; я къ тебѣ самъ приду.

МАЛАФЕЙ.

Нѣтъ, нѣтъ обманщикъ; я теперь съ тобой поразвѣдаюсь; скажи же какъ ты меня бить хотѣлъ и что ты здѣсь говорилъ? ну же, ну сказывай.

ФИЛАТЪ *[ему]*

Право, право ничего.

[Пашѣ]

Умилосерди ты его.

[Ему.]

Не хотѣлъ тебя бить съ роду.

[Особо.]

Ну пришло теперь хоть въ воду.

МА-

МАЛАФЕЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Нѣтъ мой свѣтъ;
Отъ меня ужъ неуйдіошь,
И спины не унесіошь,
Позабудешь ты грозиться
И небудешь хоробриться.

ФИЛАТЪ [*на колѣняхъ*]

Пусти меня на покаянье,
Ахъ умилися на признанье,
Пусти, пусти меня домой.
Не стану я въ передъ шалить
Бояся лѣшимъ быть,
Не стану и любить.

ПАША.

Пусти ево домой иттить;
Не станетъ онъ вперіодъ шалить.
Бояся битымъ быть;
Не станетъ и любить.

МАЛАФЕЙ.

Изволь, изволь домой иттить;
Смотриже перестань шалить.
Когда осмѣлишся шалить;
Такъ бойся битымъ быть.

ФИЛАТЪ.

Ахъ дайте сердцу отойтить;
Не стану я въ періодъ шалить.
Бояся битымъ быть;
Не стану и любить.

ФИЛАТЪ [*отходя.*]

Я тебя доѣду.

ЯВЛЕНІЕ 8.

МАЛАФЕЙ и ПАША.

ПАША.

Ха, ха, ха! за минуту до тебя хвалился ни одного въ тебѣ ребра живова не оставить, а ты лишъ показался, такъ радъ что ноги уплїолъ.

МАЛАФЕЙ.

Што и на нево пенять: вѣдь онъ былъ на сеняхъ и жилъ въ городѣ, такъ на бояръ насмотрѣлся; а тамъ такое повѣтрїе, что всѣ на словахъ богатыри, а на дѣлѣ зайцы.

ПАША.

Какїе смѣшные нравы! тамъ право все не по деревенски. Скажишко Малафей какъ тамъ любятъ.

МАЛАФЕЙ.

А вотъ какъ.

Воль-

Вольны тамъ въ любви уставы
И играютъ не путёмъ
Такъ любовью какъ мячомъ;
Городскія въ томъ забавы
Чтобъ севодни полюбить,
Обожать, хвалить, прельщаться
И въ любви на вѣки клясться;
А на завтрѣ измѣнить.

ПАША.

Будемъ мы съ тобой любиться,
Такъ какъ любятъ въ деревняхъ,
А не въ городахъ;
Тамо любовь, никуда не годится,
Мы съ тобой не господа:
Намъ не къ статѣ перемѣны
Мы безъ измѣны
Будемъ съ тобою любиться всегда.

Ты во всякой сторонѣ,
Милымъ вѣчно будешь мнѣ.
Ты одна мила лишь мнѣ,
И во всякой сторонѣ.

МАЛАФЕЙ.

Однакожъ, Пашинька, не пораль намъ о свадьбѣ думать, а вѣдь едакъ та думать не совсѣмъ прибыточно.

ПАША.

Вотъ хорошо! да ето развѣ мое дѣло, что ты меня не сватаешь у батюшки.

МАЛАФЕЙ.

Да боюсь, согласится ли онъ, а тобы я ужс давно къ нему забѣжалъ.

ПАША.

О! что до согласія, въ етомъ надѣйся. У меня вѣрно онъ спросится, а какъ я притакну такъ вотъ и дѣло сдѣлано.

МАЛАФЕЙ.

Ну, такъ чемъ скорѣй тѣмъ лучше; я теперь же къ твоему батюшкѣ пойду.

ПАША.

Куды какъ ты скоръ.

МАЛАФЕЙ.

А какъ ты думаешь Пашинька, да я къ тебѣ нарошно съ тѣмъ пришолъ, да я вить ты какъ умѣлъ заговорить, что ты и не догадалась, что у меня на умѣ.

ПАША.

Ну! инъ какъ хочешь, подиже коли такъ къ батюшкѣ а я здѣсь погуляю; ты не знаешь Малафей, какъ я люблю ету рощу.

МА-

МАЛАФЕЙ.

Да и я ее люблю, а особливо когда ты въ ней бываешь, тогда она мнѣ лучше саду кажется.

ПАША.

Едакой балагуръ! будто отъ моево прихода и роща лучше сдѣлается.

МАЛАФЕЙ.

Добро же, я пойду къ Сидорычу, а ты пожалуйста не пускай къ себѣ Филаша, ето такой малой, котораго я терпѣть не могу.

ПАША.

А я такъ ево люблю; пускайка онъ ко мнѣ придетъ, такъ я ему наскажу, на чьей избѣ сорока.

МАЛАФЕЙ.

Инъ воля твоя, прости же: я отъ Сидорыча прямо сюда буду.

ПАША.

Ну, такъ я тебя ждать стану.

ЯВЛЕНІЕ 9.

ПАША. *[Одна.]*

Ну! какъ ты не скажешь, что старики напрасно журятъ насъ за любовь? есть ли

что лучше какъ любить такова пригожева дѣтину какъ Малафей, и быть имъ любимымъ? полно вѣдь старики то глядя на насъ не помнютъ старины. Я чаю мой батюшка такъ же любилъ съ молоду, какъ и я . . . ну што пустое говорить, ни одного нѣтъ старика, которой бы съ молоду не любилъ, а подъ старость за любовь не сердился. Мнѣ такъ нынѣ кажется, да и всегда казаться будетъ, что любовь есть лучше всего.

Есть ли лучше, что того,
Какъ полюбитъ кто кого.
Съ милымъ время,
Вѣдь не бремя.
Съ милымъ весело всегда,
Съ нимъ утѣхи,
Игры, смѣхи;
Съ нимъ не скушно никогда.
Есть ли лучше что того,
Какъ полюбитъ кто кого.

Лучше всего я по себѣ знаю: когда я не любила; мнѣ всѣ забавы наскучивали, а какъ увидѣла Малафея такъ и до нынѣ не скучаю, да и вѣкъ не скучу на него смотрѣть.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 10.

ПАША, СИДОРЫЧЪ и АНФИМЪ. СИДОРЫЧЪ. *[входя съ Анфимомъ на театръ, говоритъ ему особо.]*

Ну! уже теперь я вижу, что она любитъ Филатку. Я приготовилъ все для свадьбы, пойдемъ же обрадуемъ ее.

АНФИМЫЧЪ.

Смотри не закозокалась бы она.

СИДОРЫЧЪ.

И! нѣтъ; вѣдь она уже давича говорила съ твоимъ Филатомъ и призналась что ево любитъ, такъ уже не чево, смотри какъ я ее обрадую.

ПАША.

Батюшка, да онъ то што пристаетъ; ему что до насъ за дѣло.

СИДОРЫЧЪ.

Какъ же Пашинька: вѣдь ты знаешь, что онъ отецъ Филатовъ.

ПАША.

Ну въ доброй часъ! мнѣ Филатъ столькожъ милъ какъ и ево милость.

АНФИМЪ *[особо]*

Ну вотъ те разъ!

СИДОРЫЧЪ.

Какъ не нуженъ, глупая, да вѣдь я тебя за него выдаю, уже мы съ нимъ и по рукамъ ударили. Пойдемъ ка въ избу лучше такъ и дѣвишникъ тотчасъ начнется.

ПАША.

Вольно тебѣ, а за Филата я и не думала итти.

АНФИМЪ *[особо ему.]*

Ну вотъ братъ; я вѣдь говорилъ, что она закозокается.

СИДОРЫЧЪ.

Небось Паша! да мы сами слышали, какъ ты говорила Филату, что ево любишь.

ПАША.

Ничево не бывало; а ежели ето и было, такъ я говорила шутя.

СИДОРЫЧЪ.

Ахъ ты проклятая! да можно ли шутить такою вещью: давно ли тебѣ въ голову городской духъ поселился.

ПАША.

Во мнѣ духъ свой, а за Филата я ни изъ чево не пойду.

СИДОРЫЧЪ.

О! такъ я тебя принужу.

ПА-

ПАША

Нѣтъ, а я не пойду; я говорю тебѣ что я терпѣть не могу Филата.

СИДОРЫЧЬ.

Врîшь, врîшь, ты ево любишь; я самъ етому свидѣтель.

ПАША.

Помилуй батюшка! да кажется мнѣ лучше ето знать.

СИДОРЫЧЬ. *[особо Анфимычу.]*

Видишь братъ у меня какая скромная и стыдливая дочь; у ней небось не скоро что вывѣдаешь; а вѣдь едакую невѣску со свѣчкой поискать.

АНФИМЪ.

Правда, правда Сидорычь; я отъ радости чуть съ ногъ не свалюсь.

СИДОРЫЧЬ *[Пашѣ]*

Ну перестань же Паша притворяться, я уже тебѣ сказалъ, что я все знаю.

ПАША.

Въ томъ прокъ, чтобъ за мужъ итти для вѣчной ссоры.

Въ своей лютѣйшей страсти,
Боюся я напасти;

Боюсь съ Филатомъ въ бракъ вступить.
Ахъ! льзяль сему нещастью быть.
Или хотятъ меня сгубить
Лиша меня покою.
Нѣтъ, нѣтъ любезный Малафей,
Не рви себя тоскою,
И знай, что я умру твоей.
Когда кого кто любитъ страстно,
Тогда замужство не опасно.
Въ семьѣ такой,
Всегда покой;
И льются радости рѣкой.
Семьяжъ конечно та нещастна,
Жена гдѣ съ мужемъ не согласна.
Тамъ все верхъ дномъ,
Всегда содомъ,
И крикъ и громъ,
И лучше бы сгорѣлъ тотъ домъ.

Ба! да вотъ и мой соколъ, екъ онъ за мною стелитъ: доброжъ я ево проучу.

ЯВЛЕНІЕ 11.

ПАША и ФИЛАТЪ.

ФИЛАТЪ.

Здорова еще Пашинька, чтоже ты нейдешь на дѣвишникъ; дѣвки только тебя дожидаются выть.

ПА-

ПАША.

Я за тебя чуть и здѣсь не вою.

ФИЛАТЪ.

Ой ли такъ! ты уже одна зачала дѣвишникъ, вой же, вой, а вотъ скоро смѣяться станешь.

ПАША.

Послушай умная голова, съ чего ты на меня всклепалъ, будто я тебя люблю?

ФИЛАТЪ.

Какъ же! да развѣ ты меня нелюбишь?

ПАША.

Ну къ статъ ли, чтобы я полюбила едакую харю? нѣтъ. Да съ чего ты ето батюшкѣ сказалъ.

ФИЛАТЪ.

Въ томъ не я виноватъ, ты сама мнѣ здѣсь божилась, что меня любишь, а они ето подслушали; да вотъ такъ то и пошло дѣло на ладъ.

ПАША.

Подижъ скажи имъ, что я тебя не люблю; что ты мнѣ противней горкой рѣдьки; что я тебя почитаю за дурака, за безмозглова, за мерзавца, словомъ, что ты для меня хуже всѣхъ на свѣтѣ.

ФИ-

ФИЛАТЪ.

И! ну вѣдь вотъ уже ето политика Аннушка.

ПАША.

Я тебѣ сказала, что я тебя ненавижу, чевожъ ты отъ меня хочешь.

ФИЛАТЪ.

Пустое, свѣтъ мой, не вѣрю.

ПАША. *[Особо].*

Едакой дуракъ, постойже: я нашла еще средство тебя отвратишь; *[ему.]* такъ ты меня любишь.

ФИЛАТЪ.

И конечно.

ПАША.

Ну, такъ знайже, что я притворялась, будто тебя не люблю.

ФИЛАТЪ.

Ну! такъ я вѣдь ето зналъ, а?

ФИЛАТЪ *[увидя издали идущаго Малафея.]*

Ахъ!

ПАША.

Што ты такъ шарахнулся.

ФИЛАТЪ.

Проклятой . . . вѣдь ты ево не любишь Аннушка.

ПА-

ПАША.

Ково? *[увидя Малафея]* Ха! ха! ха! опять затрусилъ *[ему]* нѣтъ не люблю, ахъ боюсь я только чтобъ онъ тебя не засталъ со мной.

ФИЛАТЪ.

То то и я тово же боюсь; а куды дѣться; о Господи! тутъ рѣка, а тамъ онъ сталъ теперь на бѣду: ни изъ короба ни въ коробъ.

ПАША.

Спрячся вотъ на ето дерево.

ФИЛАТЪ.

И вѣдомо; только ради Бога Пашинька утерпи, не гляди на меня, чтобы онъ меня не догадался.

ПАША.

Не бось *[особо]* о да кабы мнѣ хоть ревностью удалось тебя подловить. *[кличетъ Малафея, которой ходитъ по лѣсу.]*

Малафей! Малафей, куды ты идешь.

ЯВЛЕНІЕ 12.

ПАША, ФИЛАТЪ, *[на деревѣ]* и МАЛАФЕЙ.

ПАША.

Ково ты ищешь?

МА-

МАЛАФЕЙ.

Филатку бездѣльника, которова твой отецъ предпочелъ мнѣ и которому я хочу сломить голову.

ФИЛАТЪ.

Ну братъ Филатъ въ доброе мѣсто ты залезъ: ну какъ онъ меня увидѣлъ, сохрани владыко! подшибіотъ камнемъ вмѣсто вороны.

ПАША.

Да што тебѣ батюшка сказалъ?

МАЛАФЕЙ.

Онъ сказалъ, что онъ тебя уже высваталъ за етова болвана и что ты ево любишь.

ПАША.

Онъ и меня увѣрялъ, будто я ево люблю, однако я ево не послушала, хоть онъ и принуждаетъ меня выйти за Филата, только я кромѣ тебя вѣрно ни за ково не выду.

ФИЛАТЪ.

Едакая притворщица, хоть ково такъ убаитъ.

[Поетъ.]

Смотри, какіе точитъ балы,
Знать у страху глаза не малы;
Иной вѣдь ей повѣрить радъ,
Что съ ней у Малафея ладъ.

МА-

МАЛАФЕЙ.		ПАША.
Не побоюся никово,	А вмѣсто тово,	Не отопрусь отъ тово,
Тебя избавлю отъ нево;	Она нелюбитъ ево,	Что ты дороже мнѣ всево,
Тебѣ я милъ,	Всегда я былъ,	Всегда ты былъ,
А онъ постылъ.	Одинъ ей милъ.	Одинъ мнѣ милъ.
Мой духъ еще отрады чаетъ,	Она во мнѣ души не чаетъ,	Мой духъ еще отрады чаетъ,
Въ напасти злой своей.	Отъ вѣрности своей.	Въ напасти злой своей.
Филатъ меня неуломаетъ	Теперь со всѣмъ не то ужъ баетъ,	Что хочетъ батюшка пусть баетъ,
И будешь ты моей.	Повѣрь пожалуй ей.	А я умру твоей.

ПАША.

Пойду однакожъ я къ батюшкѣ и постараюсь уговорить, что онъ ето затѣялъ.

МАЛАФЕЙ.

Ахъ Пашинька! не уже ли ты хочешь, чтобы Филатъ на тебѣ женился.

ПАША.

И! ну къ стати ли, чтобы я полюбила едакова негодяя.

ФИ-

ФИЛАТЪ.

Ба! да это дѣло то уже не въ шутку идетъ.

МАЛАФЕЙ.

Коли ты меня любишь, такъ я еще надѣюсь.

ПАША.

Не уже ли ты мнѣ не вѣришь?

ФИЛАТЪ.

Добро же плутовка, дайко срокъ прибрать мнѣ тебя къ рукамъ; нѣтъ, я вижу, что ты меня обманываешь.

МАЛАФЕЙ.

Какъ не вѣрить, ахъ! ежели бы и ты знала сколько я тебя люблю.

ФИЛАТЪ.

Щастливъ ты негодяй, что подлѣ меня нѣтъ камня, а то бы не удержался отъ грѣха, проломилъ бы я тебѣ голову.

ПАША.

Погоди же ты здѣсь, а я пойду поговорю съ батюшкой.

МАЛАФЕЙ.

Да вышли ты ко мнѣ твоего жениха, я у него здѣсь рюбры пощитаю.

ФИЛАТЪ.

Вышли: онъ рюбры пересчитать, какъ будто какой подарокъ сдѣлать. Кому охота быть

Филат. Счастлив ты, негодяй, что подле меня нет камня, а то бы не удержался от греха, проломил бы я тебе голову.

Паша. Погоди же ты здесь, а я пойду поговорю с батюшкой.

Малафей. Да вышли ты ко мне твоего жениха, я у него здесь ребры посчитаю.

Филат. Вышли: он ребры пересчитать, как будто какой подарок сделать. Кому охота быть битым и чорт разве к тебе пойдет.

Малафей. Я бы уже дал ему себя знать.

Филат. Добро, я и без драки над тобою верх возьму.

Паша. Прости же, я иду.

Малафей. А я покамест его постерегу.

Явление 13

Малафей и Филат (*на дереве*).

Малафей. Разве етому Филату не попадаться мне на глаза. Едакой осел, и вздумай у меня перебить Пашу; да я ему зуба во рту не оставлю; уже теперь он меня не упросит, как давича.

Филат. Ну! што-то мне будет, а дело клонится на кривой салтык.

Малафей. Только ему надобно здесь быть; у Сидорыча его нет, и он его послал за Пашей; дай-ко я его поищу. Ба! да вот кстати и палка, какая ж добрая! напляшется он у меня под нею. (*Ходит несколько по театру, смотря во все стороны*).

Филат. Неча греха таить: накладны для меня эти гулючки.

Филат (*вместе*) Малафей

У нас теперь, я чаю, гости;
Меня лукавый внес куда.

В тебе я не оставлю кости,
Лишь покажись ты, плут, сюда;

(*Приходит и садится под дерево.*)

Филат

Отцы родные, умираю,
Что мне начать, совсем не знаю.
Боюсь, боюсь долой сойтить,
А здесь не знаю, как мне быть,
Неравно сюда он взглянет,
Меня дубиною достанет,

Или долой к себе он стянет,
Все не гоже; все хлопот
Мне выходит полон рот.

Малафей. Нет, видно он ушол отселе, да и Паша-то что-то запала.

Явление последнее

Малафей, Филат (*на дереве*), Анфим, Сидорыч, и за ними выбегают несколько крестьян и крестьянок, составляющих потом хор.

Паша. Теперь вы видите, что я тогда над ним смеялась; подите же, посмотрите, какова нетрусливого мужа вы мне даете. (*Указывая на дерево.*) Вот я пошла к вам, а он залез сюда от страха, да и теперь боится слезть оттоль.

Филат (*оглядываясь*). Это кто еще... вот кстати.

Анфим. Ей, сокол, што ты тут делаешь?

Филат. Птиц ловлю.

Сидорыч. Полно, не сам ли, брат Анфимыч, ты забрался сюда вместо прилетной птицы.

Паша. Только видно птиц-то немного, что ни одна к тебе не прилетела.

Малафей (*подходя к дереву*). Ба, сокол, да ты тут? постой же, я теперь с тобою дам разделку.

Филат. Батюшка Сидорыч, отведите его, я слезть хочу.

Сидорыч. Ну! так што.

Филат. Как што? зашибу.

Сидорыч (*отводя Малафея*). Отойди-тка, брат, пожалуйста.

Малафей. Как? да я хочу

Сидорыч (*отводя его*). Не упрямься же.

Малафей (*отходит и когда Филат уже почти спускается с дерева, тогда Малафей, порываясь, кричит*). Вот я тебя.

Филат (*с скоростию воротясь на дерево*). Ну! ведь я сказал, что ушибу.

Анфим. Не бось, чудак, не бось, мы его держим.

Филат. То-то же: ведь у меня сапоги подбиты, неровно задену; (*слезает и особо*) уф, какая дьявольщина, инда руки окрепли (*схватывает за руку Анфима и подходит к оркестру, а прочие следуют за ними*). Что же, обвенчаете меня на Анюте? (*С радостию особо отцу.*) Я уже и любить собрался.

Анфим. Полно, удастся ль.

Сидорыч (*Анфиму*). Ну, что же, брат, согласишься ли ты теперь, не ссорясь со мною, отступиться от Анюты?

Анфим. Что, брат Сидорыч! жаль мне и самому твою девку погубить. Видишь, какой пень навязался на мою шею.

Сидорыч. Ну, так, Анфимьич, не осердись пожалуй: я за тебя дочери не выдам.

Филат. Ей, Сидорыч, и ты, батюшка, вы уже и перепились, ничего не видя; (*особо*) а мне так и пить-то некогда было.

Сидорыч. Нет! мы еще и не начинали. Прасковья все мне рассказала, зачем ты на дерево-то взлез, и как ты умник, то я напрямки тебе сказываю, что мне такова зятя не надобно. Малафей! мне Паша себя за тебя сватала, так я тебя покороче знаю и, коли хочешь, так я вас благословлю.

Малафей. Я уже у тебя просил благословления.

Анфим. Смотри, дубина, што ты наделал? смотри, вот все добрые люди из избы повыскакали на тебя смотреть; ведь ты чудо из себя сделал, и! болван, болван.

Филат. Так! еще новое прозвище.

Анфим. И ты, дурак, не мог догадаться, что Прасковья над тобой смеялась, а сказал нам, что она тебя любит.

Филат. Вот! да мне кажется, бывало, в городе над барином кто из женщин насмехался, так он всегда говорил, что те в него влюблены.

Сидорыч. Ну, сват, перестань шалить-то, начнем лучше мою свадьбу; будь ты отцом посажоным.

Анфим. Ладно, ладно; и от того не прочь.

Паша. Ну! вот, батюшка, я теперь не спорю. Филат, будь ты хоть дружкой на моей свадьбе.

Малафей. Ну! добро, и я тебя прощаю. Батюшка, уже и ты не помни етого.

Сидорыч и Анфим. Конечно.

Станем лучше веселиться,
Станем свадьбу мы играть.

Малафей и Паша

Станем мы с тобой любиться,
Пора кручину забывать.

Действователи

Перестанем мы сердиться...

Хор

Перестаньте вы сердиться,
Станем свадьбу мы играть.
Станем лучше веселиться,
Пора кручину забывать.

Анфим

Порадуйся, Филат,
Что ты не женат;
Беда с твоею головою
Возиться с хитрою женою,
Вступившись за себя,
Прибьет она тебя.

Действователи

Перестанем мы сердиться...

Хор

Перестаньте вы сердиться,
Станем свадьбу мы играть;
Станем лучше веселиться,
Пора кручину забывать.

Филат

Быть уж так,
Коль попался впросак;
До смерти ето не забуду,
И столько прост вперед не буду,
Чтоб лазить по верхам.
Знать, ныне по грехам
И за мои поступки злые
Туда меня встаращил бес.
А то бы ведь, отцы родные,
Я спроста в вышку не залез.

Хор

Перестаньте вы сердиться,
Станем свадьбу мы играть.

Станем лучше веселиться,
Пора кручину забывать.

Малафей и Паша

Грусть, тоска в радость превратилась,
Судьба наша пременилась;
Будем мы покорны ей.

Малафей

Будь, Параша, ты моей.

Паша

Будь моим ты, Малафей.

(Оба.)

Что есть судьбы приятней сей,
Будем мы покорны ей.

Хор

Перестали ль вы сердиться?

Действователи

Перестали хлопотать.

Все

Станем, станем веселиться,
Станем свадьбу мы играть.

Конец

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ

II-3
К-242

ТРАГЕДІЯ

въ

стихахъ,

въ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочинена.

ЯК. КНЯЖНИНЫМЪ.

34175

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
при Императорской Академіи Наукъ,
1793 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

РУРИКЪ, Князь Новгородскій.

ВАДИМЪ, посадникЪ и полководецЪ.

РАМИДА, дочь его.

ПРЕНЕСТЪ } Посадники.
ВИГОРЪ. }

ИЗВЕДЪ, наперсникЪ РуриковЪ.

СЕЛЕНА, наперсница Рамидина.

ВОИНЫ.

НАРОДЪ.

Дѣйствіе въ Новѣгородѣ на площади

ТРАГЕДІЯ
ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1. [ночь].

ПРЕНЕСТЪ и ВИГОРЪ.

ВИГОРЪ.

Уже Вадимъ, свершивъ со славою войну,
Приходитъ наконецъ въ отеческу страну;
И свой возвратъ почто отъ всѣхъ гражданъ скрываетъ
И только лишь двухъ зрѣть насъ удостолетъ?
Почто назначилъ онъ свиданья съ нами часъ,
Доколь не освѣтитъ лучь солнца нашихъ глазъ,
На самой площади намъ прежде толь священной,
Новградской гдѣ народъ свободой возвышенной,
Подвластенъ только бывъ законамъ и Богамъ
Уставы подавалъ полнощнымъ всѣмъ странамъ.

ПРЕНЕСТЪ.

Самодержавна власть все нынѣ пожираетъ
И Рурикъ многихъ здѣсь вѣковъ плоды сбираетъ:
Вотъ, мыслю, скрытности Вадимовой вина.
Противна для него отеческа страна,
Гдѣ, уклоняяся предъ смертнымъ на престолѣ,
Увидитъ онъ себя въ одной съ рабами долѣ.

Се онъ; и въ слѣдъ за нимъ тѣхъ ратников
толпы,
Которыхъ славы въ путь вели его стопы.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ВАДИМЪ *[за нимъ нѣсколь
военачальниковъ бывших
съ нимъ на войнѣ].*

ПРЕНЕСТЬ и ВИГОРЪ.

ВАДИМЪ.

Я васъ ли зрю Вигоръ, Пренестъ велико
душны?

ПРЕНЕСТЪ.

Мы повелѣніямъ твоимъ всегда послушны,
Для насъ священный твой исполнили приказъ.

ВАДИМЪ.

Друзья? въ отечествѣль моемъ, я вижу васъ?—
Уже заря верьхи тѣхъ башенъ освѣщаетъ,
Которыя Новградъ до облакъ возвышаетъ.
Се зримъ Перуновъ храмъ, гдѣ громъ его молчитъ—
Въ недѣйствіи Перунъ, злодѣйства видя спитъ
И се тѣ славные, священные чертоги,
Вельможи наши гдѣ великій, будто боги,
Но ровны завсегда и меньшимъ изъ гражданъ,
Ограды твердыя свободы здѣшнихъ странъ,
Народа именемъ, который почитали,
Трепещущимъ царямъ законы подавали.

О Новградъ! что ты былъ и что ты сталъ теперь?

[Обращаяся ко всѣмъ].

Героевъ сонмъ! его величье ты измѣрь;
А я отъ горести его въ оковахъ видя,
Безсиленъ то свершить, я жизни ненавидя —
Вы содрагаетесь? И какъ не трепетать,
Когда изъ рабства безднъ осмѣлимся взирать
На прежню высоту отечества любезна.
Вся сила Сѣвера, предъ онымъ безполезна;
Его могущество, не знающе враговъ,
Равняла въ ужасѣ съ могуществомъ боговъ.
А днесь, сей пышной градъ, сей Сѣвера владыка —
Могли ли ожидать позора мы толика! —
Сей гордый Исполинъ, владыки самъ у ногъ
Поверженъ, то забылъ что прежде онъ возмогъ.
Забылъ? — Но какъ забыть? Что взоръ ни поражаетъ,
Всю славу падшую его изображаетъ.
Воззримъ ли на поля; еще звучитъ тамъ громъ,
Которымъ Готѳъ сраженъ, дерзнувъ намъ быть врагомъ;
Иль очи обратимъ на внутренности града,
Рѣками гдѣ текла съ свободою отрада,
Повсюду тѣ стези, гдѣ гордые цари,
Покорство намъ несли, по тщетной съ нами при.
Вотъ мѣсто самое, тѣхъ почестей свидѣтель,
Когда здѣсь нашъ народъ, владыкамъ благодѣтель,

Гонимаго царя Варягъ, приявъ подъ кровъ,
Заставилъ въ трепетъ молчать его враговъ.
Граждане! вспомните то славой полно время;
Но вспомните дабы низвергнуть гнусно бремя!—
О стыдъ! сей Царь тогда покоренъ, удрученъ,
Съ моленіемъ представъ, въ срединѣ нашихъ стѣнъ
Свое чело на прахъ предъ нами уклоняетъ;
А днесь — о грозной рокъ! онъ нами обладаетъ —
Сей Рурикъ! — не могу я болѣ продолжать;
Но ваше чувство вамъ то можетъ докончать,
Чего въ отчаяньи свершить мой гласъ не можетъ.

ВИГОРЪ.

И наше сердце грусть твоей подобна гложетъ,
Отечество мы зря низверженно въ напасть,
Въ отчаяньи его оплакиваемъ часть.

ВАДИМЪ.

Оплакиваете? — О страшныя премѣны!
Оплакиваете? — Но кто же вы? — Иль жены?
Иль Рурикъ столько могъ вашъ духъ преобразить,
Что вы лишь плачете, когда вашъ долгъ разитъ?

ПРЕНЕСТЪ.

Мы алчемъ въ слѣдъ тебѣ на вѣкъ себя прославить;
Разрушить гордый тронъ, отечество возставить;
Но хоть усердіе въ сердцахъ у насъ горитъ,
Однако способовъ еще къ тому не зритъ.

Пренебрегая дни и гнусны и суровы,
Коль должно умереть, мы умереть готовы;
Но что бы наша смерть нетщетная, отъ зла
Спасти отечество любезное могла;
И что бы узы рвать стремяся мы въ неволѣ
Не отягчили бы сихъ узъ еще и болѣ.
Познаешь самъ Вадимъ, сколь трудно рушить тронъ,
Который Рурикъ здѣсь, воздвигнулъ безъ препонъ,
Прошеньемъ призванный отъ цѣлаго народа.
Увѣдаешь, какъ имъ отъятая свобода
Прелестной властїю его замѣнена.
Узнаешь какъ его держава почтена;
И истинныхъ сыновъ отечества сколь мало,
Которы, чувствуя грызуще рабства жало,
Стыдилисябъ того что въ свѣтѣ смертный есть,
Въ рукахъ котораго ихъ вольность, жизнь и честь.
Коварствомъ Рурика граждански слабы силы;
А воинствомъ Варягъ наполненъ градъ унылый.
Намъ должно помощи безсмертныхъ ожидать;
И боги случай намъ удобный могутъ дать.

ВАДИМЪ.

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться
И въ стадѣ человѣкъ безъ славы пресмыкаться?
Но боги дали намъ свободу возвратить,
И сердце чтобъ дерзать и руку чтобъ разить!
Ихъ помощь въ насъ самихъ. Какой еще хотите?
Ступайте, ползайте, ихъ грома тщетно ждите;

А я, одинъ за васъ во гнѣвѣ здѣсь кипя,
Подвигнусь умереть владыки не терпя.
О рокъ! отечества три лѣта отлученный,
За славою его побѣдой увлеченный,
Оставя вольность я, блаженство въ сихъ стѣнахъ,
На насъ воздвигшихся свергаю гордость въ прахъ;
Я подвиговъ моихъ плоды несу народу;
Чтожъ вижу здѣсь? Вельможъ утратившихъ свободу,
Во подлой робости согбенныхъ предъ Царемъ
И лобызающихъ подъ скиптромъ свой яремъ.
Скажите, какъ вы зря отечества паденье,
Могли минуту жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить,
Какъ можно свѣтъ терпѣть и какъ желать вамъ жить?

ВИГОРЪ.

Какъ прежде, мы горимъ къ отечеству любовью —

ВАДИМЪ.

Не словомъ доказать то должнобъ вашей кровью!
Священно слово толь изъ вашихъ бросьте словъ.
Или отечество быть можетъ у рабовъ?

ВИГОРЪ.

Имѣя праведно духъ грустью, огорченный,
Напрасно противъ насъ ты гнѣвомъ омраченный
Тягчишь невиннѣйшихъ толь лютою виной.
Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной,

Вельможи многіе къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,
Гордыню, зависть, злость, мятежъ ввели во
градъ.
Жилище тишины преобратилось въ адъ.
Святая истинна отселѣ удалилась.
Свобода встрепетавъ къ паденью наклонилась.
Междуусобіе, со дерзостнымъ челомъ,
На трупахъ согражданъ воздвигло смерти домъ.
Стремяся весь народъ, быть пищей алчныхъ
врановъ,
Сражался въ бѣшенствѣ за выборы тирановъ.
Весь Волховъ кровію дымящійся кипѣлъ.
Плачевный Новградъ! ты спасенія не зрѣлъ.
Почтенный Гостомыслъ, украшенъ сѣдинами,
Лишася всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами
И плача не о нихъ, о бѣдствѣ согражданъ,
Единъ къ отрадѣ намъ безсмертными былъ
данъ.
Онъ Рурика сего на помощь приглашаетъ;
Его мечемъ онъ намъ блаженство возвращаетъ.
Въ то время лѣтами и бѣдствомъ изнуренъ,
Дни кончилъ Гостомыслъ, отрадой озаренъ
Что могъ отечества возстановить спокойство;
Но отходя къ богамъ, чтя Рурика геройство,
Народу завѣщалъ, да сохранитъ онъ власть
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народъ нашъ тронутый заслугой толь великой,
Поставилъ надъ собой спасителя владыкой.

ВАДИМЪ.

Владыкой! Рурика! кого народъ сей спасъ?
Пришедъ на помощь намъ, что дѣлалъ онъ для
насъ?
Онъ долгъ платилъ.—Но коль его благодѣянья
Казалися вамъ быть достойны воздаянья,
Иль должно было вамъ свободою платить
И рабство ваше въ даръ заслуги положить?
О души низкія! падущія подъ рокомъ
И увлекаемы случайности потокомъ,
Ахъ! еслибъ вы себя умѣли почитать,
Блаженъ бы Рурикъ былъ когдабъ возмогъ онъ
стать,
Въ порфирѣ облеченъ, гражданамъ нашимъ равенъ:
Великимъ титломъ симъ между царей ввѣкъ сла-
венъ,
Сей честью былъ бы онъ съ избыткомъ награж-
денъ.
Гласите, Гостомыслъ геройствомъ убѣжденъ,
Вамъ узы завѣщалъ чтобъ кончить ваше бѣд-
ство.
Иль вольность согражданъ была его наслѣдство?
Иль могъ онъ васъ равно какъ тѣхъ животныхъ
дать,
Которыхъ для себя всякъ можетъ обуздать?
Закрытый, въ гордости, отечества любовью,
И кровь соединя свою со царской кровью,
Подъ видомъ прекратить всеобщую напасть,
Онъ сыну, дочери своей здѣсь отдалъ власть;

А я тому дамъ дочь мою единородну,
Имѣя душу кто не рабску, благородну,
Стремясь отечества къ спасенью мнѣ во слѣдъ
И жизни не щадя всѣхъ смертныхъ превзойдетъ.
Рамида та цѣна, котору предлагаю.
Тирановъ врагъ мой сынъ. — Къ ней страсть я вашу знаю.
Вы знаете, ея прельщенны красотой,
Алкали чести быть цари въ родствѣ со мной;
Но я пренебрегалъ приять тирана въ сына
И гражданинъ, хотѣлъ Новградска гражданина.
Явите, имени сего достойныль вы.
Иль идола рабовъ воздвигнувъ на главы,
Меня и честь и все ему предайте въ жертву.
Увидьте и мою вы дщерь сраженну, мертву.

ВИГОРЪ.

Чтобы достойнымъ быть дражайшей толь руки,
Готовъ одинъ презрѣть несмѣтные полки,
Которыми престолъ свой Рурикъ утверждаетъ.

ПРЕНЕСТЪ.

Колико щастія сего мой духъ алкаетъ
И сколько я мое отечество люблю,
Съ оружіемъ въ рукахъ я то тебѣ явлю.

ВИГОРЪ.

Кянусь Перуновымъ я имянемъ священнымъ,
Клянуся сердцемъ я Рамидою прельщеннымъ
На все дерзать.

ПРЕНЕСТЪ.

Прими ты клятву и мою.

ВАДИМЪ.

О жаръ героевъ! васъ я нынѣ познаю.
Надежда вы гражданъ! отечества отрада!
[Къ воначальникамъ съ нимъ пришедшимъ]
Поборники мои! оставимъ стѣны града
И пользуясь еще осташкомъ слабой тьмы,
Въ тѣ дебри мрачныя отсель отъидемъ мы,
Гдѣ ратники мои, побѣдою вѣнчанны,
Питая ярости стремленья несказанны,
Котору въ нихъ возжегъ отечества уронъ,
Рѣшились умереть, или низвергнуть тронъ.
Вигоръ, къ героямъ симъ послѣдуетъ за нами;
Пренестъ останется здѣсь правити сердцами.
Ступайте.

[Воначальники и Вигоръ уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ 3.

ВАДИМЪ и ПРЕНЕСТЪ.

ВАДИМЪ.

Я тебѣ ввѣряю нашу часть:
Подщись воспламенить къ отечеству ту страсть,
Которая гражданъ героями творила,
Которую въ сердцахъ держава затворила.
Что можешь чувствовать, дай чувствовать то имъ.
Сравняй себя Пренестъ съ почтеніемъ моимъ.

Хоть въ равной путь Вигоръ съ тобою и стремится,
Но твой успѣхъ моимъ желаньемъ становится.
Блаженъ, когда тебя обязанъ награждать,
Къ Рамидѣ возмогу твой пламень увѣнчать.

ПРЕНЕСТЪ.

И дочерью твоей прекрасною прельщенный,
И лестнымъ мнѣ твоимъ почтеньемъ восхищенный
Стыжуся я, неся мою на жертву кровь,
Что жаръ къ отечеству дѣлитъ моя любовь.
И можетъ быть твое почтенье уменшаетъ
Награда, чѣмъ Вадимъ мнѣ сердце утѣшаетъ.
Вѣрь мнѣ, хотя всего превыше чту сей даръ,
Но должности моей любви не вреденъ жаръ,
Въ которомъ все мое я щастье обрѣтаю.
И если къ горести Рамидою я таю,
Хотя несклонна мнѣ пребудетъ навсегда,
Нещастенъ быть могу, безчестенъ никогда,
Увидишъ ты меня надежды всей лишенна,
За общество въ твой слѣдъ Геройскій устремленна,
Какъ и съ надеждою равно несуща грудь,
Пренебрегая жизнь, въ кровавый славы путь.

ВАДИМЪ.

Сего надѣюсь я, Пренеста сердце зная;
Но дочь Вадимову такъ мало почитая,
Почто ты думаешъ ее несклонну зрѣть
И общества въ тебѣ спасителя презрѣть?

Въ ней кровь моя; она не будетъ малодушна;
И только должности своей всегда послушна
Тѣ сердца слабости умѣетъ обуздать,
Которы нѣга въ насъ удобна возрождать.
Воспитанныя мной, ты будешъ въ томъ свидѣтель,
Ей власть моя законъ а щастье добродѣтель.
Прости, ужъ солнца лучъ, разпространяя свѣтъ,
Въ дремучїе лѣса меня отсель зоветъ.
Увы! когда уже здѣсь все порабощенно,
Здѣсь нѣтъ отечества, оно всѣ тамъ вмѣщенно,
Герои наши гдѣ взносяся надъ судьбой,
Готовы умереть, иль скиптръ попрать ногой.

ПРЕНЕСТЪ.

Но дочь незнающу Вадима возвращенья,
Почто, узрѣть тебя, лишаешъ утѣшенья?

ВАДИМЪ.

Прибытїе мое брегись открыть и ей:
Хоть горько для души родительской моей
Что часъ свиданїя я съ нею отдаляю;
Но я отечество себѣ предпочитаю.
Спѣшу устроить все, чтобы въ грядущу ночь,
Свободу здѣсь узрѣвъ, мою увидѣть дочь.

Конецъ перваго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

РАМИДА и СЕЛЕНА.

СЕЛЕНА.

Се приближается тотъ часъ тобой желанный,
Въ который твой отецъ, побѣдою вѣнчанный,
Вадимъ, прибытіемъ обрадовавъ сей градъ,
Рамидѣ принесетъ съ собою тму отрадъ.
Узришь возлюбленна родителя, героя
Который общества спокойствіе устроя,
Ко прекращенію любезной дщери мукъ
Приходитъ, изъ своихъ побѣдоносныхъ рукъ
Отдать ее въ вѣнцѣ пылающему ею.
Увѣрена твоей чувствительной душею,
Твое величіе не чту себѣ въ уронъ.
Супруга Рурика, возшедшая на тронъ,
Надѣюсь, для меня Рамидою пребудетъ
И дружества во вѣкъ Селены не забудетъ.

РАМИДА.

Ты знаешъ чувствія Рамидиной души.
Селена, ты меня сей дружбы не лиши,
Которая мое блаженство возвышаетъ;
Она равно мой духъ плѣненный утѣшаетъ,
Какъ та безсмертная неодолима страсть,
Безъ коей всякое мнѣ щастіе напасть.
Вѣрь мнѣ, сей блескъ вѣнца, престола возвышенье,
Для чувствъ Рамидиныхъ презрѣнно утѣшенье.

Въ корысти, въ гордости я сердца не гублю.
Не князя въ Рурикѣ, я Рурика люблю.

СЕЛЕНА.

Душею обладать героя ты достойна;
Но въ ожиданіи твоихъ отрадъ спокойна,
Готовясь къ щастью быть спряженной бракомъ съ нимъ,
Не огорчаешъ ли предчувствіемъ какимъ
Души нѣжнѣйшею любовью упоенной?
Не вопіешъ ли гласъ свободы сокрушенной?
Не воображается ль великій твой отецъ
Во гнѣвѣ, въ горести, зря Царскій здѣсь вѣнецъ?

РАМИДА.

Почтожъ смущать мое блаженство сей напастью?
И что свобода вся предъ Рурикoвой властью?
Вѣрь мнѣ, родитель самъ, Героя зря сего,
Свободу, гордость, все забудетъ для него.
Возможноль Рурика кому возненавидѣть?
Чтобъ обожать ево лишъ надобно увидѣть.
Своею вольностью лишенный всѣхъ отрадъ,
Не то ли чувствовалъ, что я и весь сей градъ,
Какъ Рурикъ къ намъ привелъ торжественное войско.
Вообрази себѣ сіе чело Геройско,
Престолъ божественныхъ его души добротъ,
Надежду будущихъ властителя щедротъ;

Тѣ очи молнїей и кротостїю полны,
Когда смиривъ онъ здѣсь смятенья страшны волны,
Народъ признательный привлекъ къ своимъ ногамъ.
Коль можетъ человѣкъ подобенъ быть богамъ,
Конечно Рурикъ имъ единый только равенъ.
Воспомни ты, какъ онъ побѣдоносенъ, славенъ,
Доволенъ только тѣмъ что намъ благотворилъ,
Въ своей душѣ за то награду находилъ;
И мужествомъ прервавъ плачевны наши стоны
Отрекся здѣшнїя завидной всѣмъ короны.
Тогда народъ страшась своихъ возврата бѣдъ,
Слезами орошалъ сего Героя слѣдъ.
Въ какїя горести весь городъ погружался;
Казалося, намъ часъ послѣднїй приближался.
Всему отечеству мой духъ сотрепеталъ
И съ Рурикомъ весь миръ Рамидинъ погибалъ.
Ты видѣла то все. Селена ты безстрастна.
Скажи? когдабъ тебѣ вселенная подвластна,
Съ подобострастїемъ у ногъ твоихъ была,
Иль властибъ ты своей ему не отдала?
И мира къ радости противъ себя правдива,
Подъ властью Рурика ты какъ былабъ щастлива.

СЕЛЕНА.

Сомнѣнїя въ томъ нѣтъ, достоинъ власти онъ;
Но еслибъ твой отецъ, которому здѣсь тронъ
Гражданскихъ всякихъ бѣдъ несноснѣе казался
Противу Рурика къ нещастью ополчался;

Когдабы не смотря на плачущую дщерь —

РАМИДА.

Отъ мысли сей мой духъ трепещетъ и теперь;
Увы; коль мнѣ судьба толико будетъ злобна,
Хоть скорби не снесу мученья безподобна,
Колико Рурика я смертно ни люблю,
Умру; но должности моей не преступлю;
И повинуяся родительской я власти,
У ногъ его мои окончу всѣ напасти.
Но нѣтъ, почто почто мнѣ сердце разрывать
И грудь стенящую слезами обливать?
Чего не можетъ быть, почто мнѣ тѣмъ терзаться
И горестнѣйшимъ толь мечтаньемъ устрашаться?
Мы лютость отъ себя сихъ мыслей удалимъ.
Не можетъ къ Рурику питати злость Вадимъ,
Не можетъ — и герой героя обожаетъ.
Твое сомнѣніе обоихъ унижаетъ.
Во славѣ равные, что можетъ ихъ смутить?
Что можетъ къ зависти родителя склонить?
То свойство гнусное лишь подлыхъ душъ и черныхъ,
Чтобъ зря достоинства на высотахъ безмѣрныхъ,
И бывъ безсильными до оныхъ возлетѣть,
Во мрачности своей ихъ блеска не терпѣть.
А истинный герой упитанъ свѣтомъ славы,
Доволенъ самъ собой превыше сей отравы.
Но пусть Вадима бы встревожилъ здѣсь вѣнецъ.
Иль мною Рурику не будетъ онъ отецъ?
Отвергнемъ тщетный страхъ и лютыя толь мысли.
Селена ты мои отрады всѣ изчисли!

Но какъ возможно ихъ себѣ вообразить!
Скажи, щастливѣе меня кто можетъ быть?
Се Рурикъ шествуетъ; и зракъ его любезный
Являетъ, сколь твои сомнѣнья безполезны.

ЯВЛЕНІЕ 2.

РУРИКЪ, РАМИДА, СЕЛЕНА.

[Провожатые Рриковы].

РУРИКЪ.

На быстрыхъ крыліяхъ ужъ тѣ часы парятъ,
Которы щастіе мое несутъ въ сей градъ;
Въ которы, твой отецъ толь алчно жданный мною,
Во лаврахъ возвращенъ отечеству судьбою,
За всѣ труды меня Рамидой наградитъ
И бракомъ все мое блаженство утвердитъ.
Вельможи и народъ мнѣ дали здѣсь корону,
И, сердцемъ моему покорствуя закону,
Превыше вольности мою считаютъ власть:
Велика честь сія; но мнѣ былабъ напасть,
Когда бы ты меня отъ сердца отвергала
И тронъ украсить мой собою не желала.
Однако, пламень мой къ тебѣ каковъ ни лютъ,
Хоть жизнію не чту я горькихъ тѣхъ минутъ,
Въ которы, удаленъ твоей красы, страдаю,
Я щастливымъ себя еще не почитаю,
Коль равной страстію Рамида не горя,
Мнѣ щастье подаетъ свою въ немъ должность зря;

И за гражданъ своихъ въ награду ихъ спасенья,
Хоть малыя себѣ потерпитъ принужденья.
Чтобъ словомъ чувствіе мое изобразить,
Тобой тебѣ одной хочу я долженъ быть.
Хоть прелести твои моей души питанье;
Хотя лишась тебя мнѣ будетъ жизнь страданье;
Но горьку часть сію той части предпочту,
Чтобъ зря всегда твою въ уныньи красоту,
Встрѣчая съ ужасомъ моей супруги взоры,
Всечасно находить смертельны въ нихъ укоры.
Притворства чуждому вѣрь сердцу моему:
Сократъ приятнѣй мнѣ терзаться самому,
Какъ изъ тоски другихъ извлекши люту радость,
Вкушати свойственну однимъ тиранамъ сладость
Открой мнѣ чувствіе ты сердца твоево:
Не огорчаю ли хоть мало тѣмъ ево,
Что жизни щастіе въ тѣбѣ одной включаю;
Что я въ тебѣ себя съ душою сочетаю?

РАМИДА.

Какъ можешь, Государь! ты то вообразить,
Что бы рамидинъ духъ умѣлъ себя склонить
Къ притворству низкому, безъ страсти принуждаться
И узамъ тягостнымъ къ мученью предаваться?
И чтобъ, скажи тому виною быть могло?
Или увѣнчанно короною чело?
Вѣрь мнѣ, когда бы кто вселенной на престолѣ,
Открывши гордости моей безмѣрно поле,

Вѣнцами безъ числа глазамъ моимъ блисталъ
И за любовь мою власть міра отдавалъ,
Коль сердцемъ бы ево Рамида не избрала,
Она бы скиптры съ нимъ и троны презирала;
А если бы свою онъ призвалъ въ помочь власть,
Умѣлабъ смертію отвергнуть я напасть.
Гражданку здѣшную, возросшую въ свободѣ,
Не можетъ удивить ни что во всей природѣ.
Подвластна лишь Богамъ и моему отцу,
Всемъ сердцемъ я къ тебѣ стремлюся, не къ вѣнцу.
Ты внемлешь гласъ души безъ лести, безъ искуства;
Къ притворствамъ никакимъ мои не сродны чувства;
И еслибъ Рурика любить я немогла,
Я съ откровенностью то равнолюбъ рекла,
Какъ и теперь мой духъ прелщенный то вѣщаетъ:
Коль Рурикъ щастье все въ моей любви включаетъ,
Когда зависитъ то отъ сердца моево,
Такъ нѣтъ щастливѣе на свѣтѣ никово.

РУРИКЪ.

О часъ драгой! моей всей жизни драгоцѣннѣй!
Я вѣчно не вкушалъ отрады совершеннѣй;
Внимая сладостнымъ изъ устъ твоихъ словамъ,
Завистна кажется моя судьба Богамъ.
Увѣренъ, восхищенъ признаньемъ вожделѣннымъ,
Я съ сердцемъ, новою днесь жизнью укрѣпленнымъ,
Иду, куда меня правленья долгъ зоветъ:
Въ немъ Рурикъ бремени ужъ больше не найдетъ;

И сколь ни тягостны несмѣтны попеченья,
Труды, прискорбїя, душевны огорченья.
Которыхъ требуетъ Монарховъ тяжка власть,
Мнѣ будетъ щастїемъ и самая напасть;
Хоть Рурикъ жизнь свою за твой народъ утратитъ,
За все единый взоръ Рамиды мнѣ заплатитъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

[Сокрытъ во одеждѣ простаго воина].

ВАДИМЪ, РАМИДА, СЕЛЕНА.

ВАДИМЪ. *[Въ отдаленіи не видя Рамиды].*

Ужасная мое пронзила сердце вѣсть.
О дочь жестокая! какъ то Вадиму снесть.
Рамида къ Рурику любовїю пылаетъ. —
Уже послѣдняго меня Тиранъ лишаетъ. —
Но се она.

РАМИДА.

Тебяль я зрю родитель мой,
Герой! позволь въ твоихъ обятїяхъ. —

ВАДИМЪ. *[Отвергая ее].*

Постой.

РАМИДА.

Что вижу? — Ты моимъ возторгамъ отвѣчаетъ
Презрѣньемъ! — или дочь твою пренебрегаешъ?

Украшенъ лаврами ее не познаешъ,
И въ жертву гордости природу отдаешъ

ВАДИМЪ.

Нещастна; еслибъ я тебя возненавидѣлъ,
Я съ равнодушіемъ восторгъ бы твой увидѣлъ
И ласки восприявъ тебя бы не отвергъ.
Но, о нещастія неизмѣрима верьхъ!
Воззри и по сему познай прискорбну виду:
Гнушаясь, не могу я не любить Рамиду.

РАМИДА.

Ахъ каждая твоя ужаснѣйшая рѣчь,
Вонзаясь въ сердце мнѣ, разитъ какъ острый мечь.
Чемъ винна я, скажи возлюбленный родитель?
Что духъ терзаетъ твой герой и побѣдитель?
Открой мнѣ плачущей родителя у ногъ,
За что, лиша тебя, мой рокъ мнѣ столько строгъ?
Чтобъ сердцемъ ты опять къ Рамидѣ обратился,
Что дѣлать мнѣ, скажи? — Твой болѣ зракъ смутился!
Гласи, повелѣвай — за отческу любовь,
Мнѣ должно ли въ сей часъ пролить мою всю кровь?
Пролей; она твоя; возми твой даръ обратно!

ВАДИМЪ.

Гласъ должности твоей, какъ слышать мнѣ приятно!
Я чувствъ родительскихъ къ тебѣ не истребя,
Не жизни требую, но чести отъ тебя.

РАМИДА.

Что слышу? — Или дочь твою подозрѣваешь? —
Ты чести требуешь — или меня незнаешь?

ВАДИМЪ.

Не знаю. — Ты сама теперь въ себя вошедъ,
Отрады полный мнѣ дать можешь ли отвѣтъ:
Что чести въ правилахъ Вадима непремѣнна,
Ты таже дочь моя любезна и безцѣнна?
Блистая, какъ всегда заразой красоты,
Рамиду прежную найдешь ли въ сердцѣ ты?

РАМИДА.

Меня вопросами какъ громомъ изумляешь!
Ты судїю въ себѣ, а не отца являешь. —
Богами и тобой самимъ я въ томъ клянусь,
Что такъ Рамида я, что вѣкъ не премѣняюсь;
Что дочь достойная Вадима, но нещастна;
Что чести правиламъ его всегда подвластна;
Что паче я всего родителя люблю;
Что я незнавъ вины, ужасну казнь терплю.
Открой преступокъ мой!

ВАДИМЪ.

Ты страстїю пылаешь
Къ носящу здѣсь вѣнецъ, а ты вины не знаешь. —
Быть можетъ, клевета Рамиду тѣмъ мрачитъ.
Разруши вѣсть сїю, чемъ городъ сей звучитъ. —
Ахъ, ежели меня неистинна сразила;
Коль чувствїя мои Рамида сохранила;

Коль врагъ мой, врагъ тебѣ въ сїянїи вѣнца,
Дерзай, любезна дочь! въ объятїя отца. —
Нещастна плачешь ты и грудь твоя томится.
Мое безславїе мнѣ ясно становится!

РАМИДА.

Когда порокъ любить спасителя гражданъ,
Который, отъ боговъ, къ отрадѣ смертнымъ данъ;
Который, прекратя общественные стоны,
Отрекся, здѣсь ему представленной короны;
Который, умоленъ народа токомъ слезъ,
Небесны благости съ собой на тронъ вознесъ;
Который, какъ отца, Вадима ожидаетъ:
Виновною себя Рамида почитаетъ.
Достойна казни я. Вотъ грудь моя, пронзай;
Имъ сердце плѣнное на части разтерзай.
Теряя съ нимъ я все, и небеса и землю,
Ударъ смертельный твой за даръ драгой приемлю.

ВАДИМЪ.

Обрушься на меня небесъ пресвѣтлыхъ твердь!
Ты просишь смерти, ты вкусить достойна смерть!
Злодѣйскимъ пламенемъ и пагубнымъ пылая,
Отцеубїйца ты, меня во гробъ вселяя;
Измѣнница! твое отечество предавъ,
И вольность согражданъ и святость нашихъ правъ!
О ты, сообщница коварнаго тирана,
Которымъ съ кротостью дана намъ смертна рана!
Поди къ нему, поди скажи: твой здѣсь отецъ;
Что хочетъ онъ сорвать съ главы его вѣнецъ.

Да придетъ онъ свое предъупредить паденье,
И сердце мнѣ пронзя, скончать мое мученье.
Поди и мечь направь злодѣя моего
На грудь родителя нещастна твоего:
И смертїю отца препонъ освобожденна,
Взойди на тронъ, моей ты кровью обагренна! —

РАМИДА.

Постой, родитель мой! ахъ сжалься надо мной!
Твои укоры, видъ толико грозный твой,
Твой гнѣвъ, то болѣе мнѣ смерти страхъ наносить,
Которой у тебя дочь бѣдна тщетно проситъ. —
Познай, родитель мой, познай въ сей часъ меня:
Тебя достойна я хоть мучуся стеня —
Сей нужный огнь любви, мнѣ толь приятный прежде,
Заслугой Рурика обманута въ надеждѣ,
Сей огнь, которымъ я питала жизнь мою,
Смертельно мучима, зря ненависть твою,
Сей лютый огнь кляну и въ немъ порокъ мой вижу,
И сердце слабое терзаясь ненавижу,
За то, что я стремясь въ немъ пламень потушить,
Съ симъ пламенемъ должна и жизни свѣтъ гасить. —
Оставь мнѣ то, оставь, что сердце открывая,
Кажу ево, тебя лишь болѣ прогнѣвляя,
Я искренностїю родителю должна,
И помощь въ горести несносной мнѣ нужна.

Отца я въ нѣдра грусть смертельну проливаю;
Родителя къ моей отрадѣ призываю.—
Отеческимъ воззри ты окомъ на меня,
И пожалѣй о мнѣ нещастную виня.
Жалѣй — превозмогусь, явлюсь тебя достойна
И волю соверша твою, умру спокойна.
Повелѣвай; меня послушну будешь зрѣть.

ВАДИМЪ.

Достойна ты меня, а хочешь умереть.
Кто? ты! Вадима дочь! и дочь свободна града!
Превозмогись, живи и будь моя отрада.
Клянись покорствовать во всемъ твоей судьбѣ.

РАМИДА.

Клянусь! — Чемъ быть могу подобна я тебѣ?

ВАДИМЪ.

Изъ сердца изтребя жаръ гнусныя отравы,
Со мною шествуя ко храму вѣчной славы,
Къ тирану въ ненависть любовь преобратить.

РАМИДА.

Клянусь — хоть не могу сего я совершить —
Клянусь — коль должно мнѣ — всечасно умирая,
Не зрѣть его во вѣкъ, иль видѣть отвергая.

ВАДИМЪ.

Клянись — чтобъ могъ я дочь мою во всемъ
познать,
И міру безъ стыда Рамиду показать —
Клянись — что одолѣвъ душъ рабскихъ страстну
муку,
Изъ нашихъ согражданъ тому отдашь ты руку,

За вольность общества, кто паче всѣхъ герой,
Покажетъ что владѣть достоинъ онъ тобой.
Клянись наградой быть тирана за паденье.

РАМИДА.

Чего ты требуешь! увы! сїе мученье
Превыше силъ моихъ! иль мало жертвы той —

ВАМИДЪ.

Поди отъ глазъ моихъ, изчезни предо мной!
Быть дочерью моей я способъ предлагаю;
А ты — нѣтъ ты не дочь и я тебя не знаю.
Храня любовь отца я только что крушусь.

РАМИДА.

Постой, родитель мой! я все свершить клянусь!
Коль мало лютыхъ мукъ, которы предприемлю,
Ты вымысли еще —

ВАДИМЪ.

Я дочь мою объемлю!
Не плачь, умѣрь тоску, что грудь твою тѣснитъ.
Что можетъ насъ терзать, коль слава предстоитъ.
[Увидя Пренеста].
Пренестъ! отечества къ спасенью есть ли виды?
Ужель достоинъ ты руки моей Рамиды?

ЯВЛЕНІЕ 4.

ВАДИМЪ, РАМИДА, ПРЕНЕСТЪ.

ПРЕНЕСТЪ.

Всѣ чувства устремя тебѣ подобнымъ быть
И обществу служа, Рамиду заслужить,
Лишь только ты меня, спѣша за градъ, оставилъ
Тотъ часъ мои стопы къ вельможамъ я направилъ,
Которыхъ гордый духъ противъ вѣнца роптал
И гнѣва молнїю въ молчанїи питалъ.
Собравъ ихъ, я имъ рекъ:„ се часъ тотъ наступаетъ,
„Въ который небо намъ судьбу гражданъ вручаетъ;
„Въ который, городъ нашъ, сей прежде царь царей,
„Сїе питалище великихъ толь мужей,
„Съ свободой своего сїянїя лишенный,
„Подъ игомъ скипетра позорно удрученный,
„Возможетъ вознестись на высоту опять,
„Чтобъ сѣверу всему законы подавать.
„Уже извнѣ на тронъ направлены удары:
„Ужъ съ воинствомъ Вадимъ принесъ тиранству кары.
„Коль такъ же, какъ ему противенъ вамъ вѣнецъ;
„Паденья своего не избѣжитъ гордецъ,
„Который, намъ дая вкушать соты коварства,
„Насъ клонитъ къ горести самодержавна царства.
„Великодушенъ, днесь, онъ кротокъ, справедливъ,
„Но укрѣпя свой тронъ, безъ страха горделивъ,
„Коль чтитъ законы днесь, во всемъ равняясь съ нами,
„Законы послѣ всѣ и насъ попретъ ногами.

„Проникнувъ въ будуще вы мудростью своей,
„Не усыпляйтеся блаженствомъ власти сей
„Что въ томъ, что Рурикъ сей героемъ быть родился;
„Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился?
„Величья своего отравой упоенъ,
„Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ развращенъ?
„Самодержавїе, повсюда бѣдъ содѣтель,
„Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,
„И невозбранные пути открывъ страстямъ
„Даетъ свободу быть тиранами царямъ.
„Воззрите на владыкъ вы всякихъ царствъ и вѣковъ,
„Ихъ власть есть власть боговъ, а слабость человѣковъ.

По томъ, чтобъ яростны противъ лучей вѣнца
И паче раздражить ихъ гордыя сердца,
Изобразилъ я имъ народовъ страшны бѣдства,
Тѣ, самовластїя плачевны, люты слѣдства,
Вокругъ котораго съ кадильницею лесть,
Безстудно принося богамъ пристойну честь,
Преступниковъ въ вѣнцахъ съ безсмертными равняетъ
И кровью подданныхъ на тронахъ упояетъ.
Гнѣвъ болѣ пламеня моихъ чертами словъ,
„Представте, я сказалъ, вы смертныхъ сихъ Боговъ
„Въ надменности свою закономъ чтущихъ волю,
„По гнуснымъ прихотямъ влекущихъ нашу долю
„И первенство дая рабамъ своихъ страстей,
„Предъ ними тотъ великъ кто паче всѣхъ злодѣй.

„Дождемся ли и мы такой ужасной части,
„Когда властитель нашъ въ своей спокоенъ власти
„Личину хитрости со горда снявъ лица
„Явилъ чудовище подъ блесками вѣнца?
„Всечасно окруженъ свирѣпостью и страхомъ,
„Подножья своего щитать насъ будетъ прахомъ;
„И присвояя плодъ трудовъ несмѣтныхъ лѣтъ,
„Отниметъ все у насъ и даже солнца свѣтъ
„Чтобъ подлость наградить своихъ льстецовъ пре-
гнусныхъ.
„Ужъ есть событіе такихъ предвѣстій грусныхъ;
„Его Варягами наполненъ весь нашъ градъ;
„Ужъ съ нами становя своихъ рабовъ онъ въ рядъ.
„Остатки вольности и нашихъ правъ отъем-
летъ;
„А вашъ великій духъ на краѣ бездны дремлетъ
„Проснитесь. — Вдругъ ихъ вопль остановилъ
мой гласъ:
Идемъ пронзити грудь тирану сей же часъ;
Ихъ рвенье описать я сколькобъ ни старался
Какъ мракъ предъ пламенемъ глаголъ бы мой
казался.
И какъ изобразить движенье сихъ мужей,
Сихъ ненавистниковъ и рабства и царей;
Ихъ слезы на очахъ отъ гнѣва и позора;
Летящи молніи отъ яростнаго взора;
Багряность мрачныхъ лицъ, сей образъ гроз-
ныхъ тучь,
Изъ коихъ вольности блисталъ надежный лучь

И неминуемо тираново паденье.
Въ послѣдокъ, премѣня свой гнѣвъ во изступленье,
Забывъ опасности и всѣ изторгнувъ мечь.
Стремятся тотъ же часъ злодѣя дни пресѣчь.
„Друзья, сказалъ я имъ, безвремянно геройство,
„Отъемля плодъ, не есть сердецъ великихъ свойство.
„Что въ томъ, коль вашу днесь погибель вы презрѣвъ,
„Повергните себя въ разверстый смерти зѣвъ?
„Не крови вашея отечество желаетъ;
„Оно отъ вашихъ рукъ спасенья ожидаетъ.
„Великимъ толь дѣламъ намъ должно дать созрѣть.
„Въ грядущу ночь у стѣнъ Вадима будемъ зрѣть.
„Въ грядущу ночь врата отворимъ мы Герою,
„А съ нимъ ведущему свободу нашу строю.„
По семъ, какъ вихрями смущенна бездна водъ,
Стремленью ярости почувствовавъ оплотъ,
Стѣсненная кипитъ, реветъ и тщетно рвется;
Таковъ Героевъ сонмъ во гнѣвѣ остается
И проситъ солнце, путь свой ясный сократить,
Чтобъ мракъ привелъ тотъ часъ, въ который имъ разить.

[при сихъ словахъ выходитъ Вигоръ].

ВАДИМЪ.

Сего я ожидалъ Героевъ нашихъ зная
И добродѣтели Пренеста почитая.

[указывая на дочь].

Се воздаянїе, вѣнецъ трудовъ твоихъ.

ПРЕНЕСТЪ.

Судьба моя теперь въ ея устахъ драгихъ,
Не смѣю щастливымъ дотолѣ я назваться.

РАМИДА.

Мой долгъ родителю во всемъ повиноваться.

[Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ 5.

ВАДИМЪ, ПРЕНЕСТЪ, ВИГОРЪ.

ВИГОРЪ *[Въ сторону].*

Что слышу? Вѣрить ли мнѣ чувствїямъ моимъ?—

[къ Вадиму].

Смятенно воинство отсутствїемъ твоимъ. —

ВАДИМЪ.

Иду. *[къ Пренесту]* свершай все такъ какъ начато тобою.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ВИГОРЪ *[Одинъ].*

И такъ я былъ. О рокъ коварства ихъ игрою
Спасенью общества назначенна цѣна,
Пренесту, а не мнѣ Рамида отдана;
Что сдѣлалъ сей Пренестъ? Вадимъ; какая слава,
Какой успѣхъ ему даетъ отмѣнны права?
Почто тобою такъ я люто пораженъ?
Но тщетно быть Вигоръ не можетъ униженъ
И если должно мнѣ лишиться Рамиды.
Возтрепещи, творя толь смертны мнѣ обиды;

Конецъ втораго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

РАМИДА и СЕЛЕНА.

СЕЛЕНА.

Горчайшихъ слезъ твоихъ потоки осуши,
Не погружай твоей въ отчаянье души.

РАМИДА.

Селена! все мое почувствуй ты терзанье.
О доля лютая! о страшно состоянье;
О долгъ, долгъ варварскій; мнѣ должно жизнь хранить
И не для Рурика, а для инова жить;
Мнѣ должно, какъ врага, тово возненавидѣть.
Въ комъ духъ плѣненный мой привыкъ блаженство видѣть;
Ево всечасно зрѣть, ево любви внимать,
Взаимно нѣжностью за нѣжность воздавать,
Въ томъ находила я, надеждой ослѣпленна.
Чево неможетъ мнѣ отдать и вся вселенна. —
Возлюбленный; въ сей день предвидѣть я моглаль,
Что я смертельную во сердцѣ скрывъ печаль,
Которо безъ тебя не можетъ утѣшаться,
И зрѣть тебя должна я буду ужасаться;
Что душу зря мою въ тебѣ, о грозный рокъ;
Нѣжнѣйшу страсть должна считати за порокъ;

И что, о верхъ злыхъ мукъ, неслыханныхъ и въ
адѣ;
Злодѣйству издою ставъ въ неблагодарномъ градѣ,
Должна, о страхъ; я съ тѣмъ себя соединить,
Кто мечь свой долженъ въ грудь дражайшую
вонзить!
Одна отрада смерть въ несносномъ толь му-
ченьѣ;
Но отнято и то нещастныхъ утѣшенье;
Пристанища сего лишаетъ рокъ меня;
Умрети не могу отцу не измѣня.
Селена! ты меня отверженную, сиру
И непривязанну ничѣмъ ужъ болѣ къ міру,
Подъ игомъ должности лїющу токи слезъ,
Оставленну отцемъ, забыту отъ небесъ,
Не оставляй въ сїи жестокїя минуты!
Когда и смертные ко мнѣ и Боги люты,
Во дружбѣ лишь твоей отрада вся моя.
Не долго отягчать Селену стану я,
Не долго; и души я въ Рурикѣ лишенна,
Уже вкушаю смерть съ собою разлученна

СЕЛЕНА.

На дружбу ты мою надежду возлагай;
Исполнитъ все она, лишь только пожелай.
Мнѣ должноль Рурику, открывъ твое мученье,
И твоего отца порочно ополченье
Явити всѣ ему опасности ево:

РАМИДА.

Желаю смерти я и болѣ ничево;

Ты хочешь, что бы я дочь люта и порочна,
Страдая отъ того что страсть моя безпрочна,
Противъ родителя измѣной воружась,
Отраду обрѣла къ злодѣйству преклонясь.
Нѣтъ. Надъ собой не дамъ я року столько власти;
Умру въ мученіяхъ не заслужа напасти.
Я не безчестія отъ дружества ищу;
Той помощи одной, Селена я хощу
Чтобъ стоны ты мои смертельны воспримала;
Чтобъ состраданіемъ ты муки облегчала;
И чтобъ, какъ смерть прерветъ нещастну жизнь сію,
Явилабъ Рурику невинность всю мою.

СЕЛЕНА.

Се Рурикъ шествуетъ.

РАМИДА.

Мой духъ изнемогаетъ!
Сокроемся.

ЯВЛЕНІЕ 2.

РАМИДА, СЕЛЕНА, РУРИКЪ и ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ.

Меня Рамида убѣгаетъ;
То зря, повѣрить я могуль моимъ глазамъ?
Когда косаюся тѣмъ радостнымъ часамъ
Въ которы принесетъ отецъ твой въ здѣшни стѣны
Блаженство все мое — какія зрю премѣны?—
Ты отвращаешъ взоръ, трепещуща, блѣдна! —
Ты знаешъ, щастье все мое лишь ты одна. —

Или ты быть могла противъ меня коварна?—
Спасенье твоего народа благодарна,
Другъ вѣрный общества, Герой нашъ, твой отецъ,
Все то что свято намъ и боги наконецъ
Моглибъ способствовать моей любви обѣтамъ;
Но сердца не стремилъ къ священнымъ толь предмѣтамъ:
То было бы ничто безъ сердца твоего. —
Дражайшихъ слово устъ превыше мнѣ всего;
Симъ словомъ отъ тебя я въ щастіи увѣренъ;
Считалъ увѣнчаннымъ мой жаръ къ тебѣ безмѣренъ,
И зная что въ сей день отецъ твой внидетъ въ градъ,
Для укоренія души моей отрадъ
Ко брачну торжеству ужъ все теперь готово.
Ты повтори еще дражайшее то слово,
Съ которымъ такъ въ сей часъ не сходенъ сталъ твой зракъ;
Преобращая мнѣ свѣтъ солнца въ смертный мракъ
Ты любишь ли меня, какъ прежде увѣряла?
Иль чтобъ лютѣй сразить надежду подавала?

РАМИДА.

Оставь къ нещастію рожденную на свѣтъ,
Будь щастливъ безъ меня, инова средства нѣтъ,

РУРИКЪ.

Что слышу? щастливымъ мнѣ быть повелѣваешь
А сердце изъ меня, жестока! изторгаешь.
Могу ли безъ тебя я душу ощущать?
Тебя лишеннаго чѣмъ можетъ свѣтъ прельщать?

Рамиду потерявъ, что наградитъ утрату?
За нѣжность всю мою готовить гробъ въ отплату.

РАМИДА.

Коль дочь Вадимова, стѣняща и слаба,
Возможетъ, мучася, не быть страстей раба,
Такой, какъ ты, Герой давъ щастїе народу,
Удобенъ возвратить души своей свободу.

РУРИКЪ.

Какой ужаснѣйшїй изъ устъ драгихъ совѣтъ;
Рѣчь каждая твоя, какъ буря духъ мятетъ;
Колеблются въ глазахъ затмѣнныхъ здѣшни стѣны
Понять не могу незапной толь премѣны.—
О страшна мысль; иной тебя возмогъ тронуть?
Свершай свирѣпости, пронзая вѣрну грудь.

РАМИДА.

О мысль смертельная; сему ты можешь вѣрить,
Что можетъ предъ тобой Рамида, лицемѣрить;
Что можетъ свѣтъ сносить и жить не для тебя?—
Ахъ что я дѣлаю? — разсудокъ погубя,
Стремлю смятенный духъ въ сладчайше изступленье.
Все то, что льстило мнѣ, все стало преступленье.
Могуль я то сказать — о рокъ; о грозный рокъ;
Мнѣ даже зрѣть тебя ужаснѣйшїй порокъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ.

Скрывается; а я какъ небомъ пораженный,
Недвижимъ, громовымъ ударомъ изумленный,
Въ окамененіи, всѣ чувства истребя,
Не вижу ничево, не помню самъ себя.
Рамидаль здѣсь была? она ли мнѣ вѣщала?
Иль злѣйшая мѣчта во снѣ мой духъ смущала?
Рамида то была все было на яву;
А тщетно изъ ея оковъ я сердце рву.

ИЗВЕДЪ.

Отвергни страсть, тебя котора унижаетъ;
Тебя, котораго весь Новградъ обожаетъ;
Которому за трудъ безсмертна слава мзда.
Не допусти себя унизить до стыда,
Чтобъ для совмѣстника и мрачна и презрѣнна,
Рамидою себя узрѣть отриновенна.

РУРИКЪ.

Могуль я сей ударъ смертельный перенесть.
Иль можетъ до того ея гнусна быть лесть,
Что бы, закрывъ себя ко мнѣ нѣжнѣйшей страстью,
Ругатися моей священнѣйшею властью;
И что бы гордости того меня предать,
Не стоитъ, можетъ быть, кто и на свѣтъ взирать.
Изкореню любви изъ сердца всю отраву.
Мнѣ должно сохранить приобрѣтенну славу,
И не любовникомъ Монархомъ здѣсь пребыть,
И даже имя сей Рамиды позабыть;

Мнѣ должно одолѣть толь гнусное терзанье —
Но ахъ; почтожъ сей стонъ, сей плачь и воздыханье?
Прерванны рѣчи тѣ и то смятенье словъ?
Почто бы все сїе, когда бы не любовь?
Есть тайна нѣкая, что сердце ей снѣдаетъ;
А тайны сей со мной она не раздѣляетъ;

[Къ Изведу].

Окончи смерть мою, ударъ твой доверши.
Остатка моея лишай меня души.
Надежду всю мою отъемли ты, жестокїй;
И ядомъ наполняй тѣ раны преглубоки,
Которы къ горести Рамидой мнѣ даны.
Кто дерскїй врагъ, кѣмъ дни мои отравлены?
Кто сердце у меня Рамиды похищаетъ?

ИЗВЕДЪ.

Когда властитель мой мнѣ то повелѣваетъ
Открыть я долженъ —

РУРИКЪ.

Нѣтъ, я вѣдать не хощу;
Я самъ себя страшусь, возторговъ трепещу,
Которы, возмутя мой духъ ослабшїй въ страсти,
Подвигнутъ къ низостямъ позорнымъ Царской власти
И устремивъ меня отмщать подвластну мнѣ,
Представятъ Рурика Тираномъ въ сей странѣ.
Коль должно мучиться, страдать одинъ я стану;
Но скрывъ отъ глазъ мою смертельну въ сердцѣ рану

Моимъ губителямъ я не подамъ отрадъ,
Чтобъ мной спасенъ меня возненавидѣлъ градъ.
Всечасно самому себѣ пребывъ я равенъ,
Хотя нещастенъ я, остануся въ вѣкъ славенъ;
И благостями скрывъ стѣнящую любовь,
Коль подлыя сердца, презрѣнныхъ мной враговъ,
Удобны мукою моею утѣшаться,
Съ ихъ подлостью твой князь не хочетъ уравняться.

ИЗВЕДЪ.

Се мысль достойная возвышенныхъ на тронъ.
Возможетъ кто своимъ страстямъ давать законъ,
Кто сердце средь ихъ волнъ, какъ камень утверждаетъ,
Тотъ смертными одинъ достойно обладаетъ;
Одинъ достоинъ онъ безсмертныхъ представлять
И ихъ владычество въ порфирѣ раздѣлять.
[При сихъ словахъ вдали показывается Пренестъ].
Увѣренъ, что твой духъ, въ волненіи спокоинъ,
Не будетъ твоего величья недостоинъ,
Чтобъ сердце страстно могъ ты легче изцѣлить
Я долженъ низкаго совмѣстника открыть.
[Указывая на Пренеста].
Се онъ, ничтожный врагъ спокойствія Царева.
Спасителя сихъ странъ достоинъ ли онъ гнѣва?

РУРИКЪ.

Пренестъ; — о небеса; скрѣпите вы мой духъ.

ИЗВЕДЪ.

По граду носится о томъ повсюду слухъ,

Что съ сердцемъ отдаетъ ему Рамида руку.

РУРИКЪ.

Мнѣ должно подтвердить мою несносну муку.

ЯВЛЕНІЕ 4.

РУРИКЪ, ПРЕНЕСТЪ, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ *[Пренесту.]*

Приближься ты ко мнѣ щастливый гражданинъ.
Хоть къ страху множество имѣешь ты причинъ;
Хоть долженъ предъ твоимъ владыкой содрагаться,
Но ты, безъ трепета возможешъ мнѣ признаться
Вѣщай безъ ужаса.

ПРЕНЕСТЪ *[Въ сторону].*

Открылось все теперь;

[Къ Рурику].

Порывы гордости властителя умѣрь.
Могуль твоею быть я злобой востревоженъ.
Кому нестрашна смерть, предъ тѣмъ твой скиптръ ничтоженъ.

РУРИКЪ.

По чувствамъ ты твоимъ судя и о моихъ.
Ужъ казни смертныя ты мыслишь видѣть въ нихъ.
Когдабъ владѣлъ Пренестъ, къ томубъ онъ былъ удобенъ;
Но Рурикъ можетъ ли Пренесту быть подобенъ.

Напрасно ты на смерть готовишься дерзать
И скипетрЪ тщетно мой ты смѣешь презирать.
Ты сЪ горделивостью твою вину являешь
ЧтобЪ раздражить меня; но ты не раздражаешь.
Ко гнѣву на тебя я скиптрЪ не преклоню,
И, страсти слѣдуя себѣ не измѣню.
СпокоинЪ предЪ тобою, что ты мой врагЪ я знаю,
И зная все, тебя сЪ Рамидой презираю,

ПРЕНЕСТЪ.

Коль есть толь нискiя среди гражданЪ сердца,
Которы, ослѣпясь, блистанiемЪ вѣнца,
ВкругЪ трона ползая, корыстью уловленны,
Открыли подвиги ГероевЪ сокровенны
И продали тебѣ отечество и честь,
Не думай что бы я, закрывся вЪ робку лесть,
ВЪ изгибахЪ гнусной лжи возмогЪ бы пресмыкаться
И что я врагЪ тебѣ отЪ чести отрицаться.
Славнѣй за общество сЪ ВадимомЪ умереть
КакЪ ради милостей твоихЪ свѣтЪ солнца зрѣть,

РУРИКЪ *[Въ сторону]*.

Что слышу; люта вѣсть;

ПРЕНЕСТЪ.

Твой тронЪ стоитЪ надЪ безной.
Отмщай, коль хочешь ты мнѣ казнью безполезной
Но знай, когда себя желаешь сохранить,
Сражай весь ГрадЪ, чтобЪ всѣхЪ ГероевЪ истребить.

Владѣй надъ мертвыми, или сойди сотрона.

РУРИКЪ.

Твои угрозы мнѣ не могутъ быть препона
Ко щастью вашего народа обладать.
На толь я спасъ сей Градъ, чтобы его предать
Вельможамъ, гордецамъ, мятежнымъ и крамольнымъ;
Тѣмъ только властїю моею недовольнымъ,
Что ихъ я обуздалъ народу зло творить
И въ мнимой вольности свое тиранство крыть.
Вы скиптръ мнѣ дали здѣсь къ скончанїю напасти;
И скипетръ сей отнять не въ вашей болѣ власти.
На добродѣтели престолъ мой утвержденъ:
Зрю ясно я что онъ богами покровенъ,
Они твой духъ въ сей часъ повергнувъ въ заблужденье,
Сокрыто отъ меня явили преступленье;
И самъ ты измѣнилъ сообщникамъ твоимъ,
Да вострепещутъ всѣ и даже самъ Вадимъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПРЕНЕСТЪ [*Одинъ*].

Что сдѣлалъ я? его вопросами смятенный,
Далъ видѣть на него Вадимомъ мечь взнесенный,
И на составленный Героевъ, заговоръ,
Я просвѣтилъ его покрытый мракомъ взоръ.
Горя любовїю къ Рамидѣ онъ прелестной,
Онъ только зналъ что я — но кто же тотъ безчестной.

Который могъ открыть? — Вигоръ совмѣстникъ мой,
Онъ мукой ревности тѣснимъ, ядъ пролилъ свой,
И вѣдая ко мнѣ Вадима предпочтенье,
Путемъ коварствъ однѣхъ стремился въ отомщенье.

Се онъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ПРЕНЕСТЪ, ВИГОРЪ.

ПРЕНЕСТЪ.

Скажи кто могъ Тирану то внушить,
Что возмогу его Рамиды я лишить?
Не тыль, ея отца познавъ ко мнѣ пристрастье,
Повергъ его, меня и общество въ нещастье
И ревностью твоей —

ВИГОРЪ.

Не я.

ПРЕНЕСТЪ.

Въ сердцахъ у насъ
Священна тайна та отъ прочихъ скрыта глазъ.
Могу ли обратить сомнѣнье на инова
И чѣмъ увѣришь ты?

ВИГОРЪ.

Не я. Сего довольно слова
Ко оправданію всей чести моея.
Россіянинъ таковъ какъ ты, таковъ какъ я,
Коль слово изречетъ, должны и боги вѣрить
Единые рабы удобны лицемѣрить.

Въ сомнѣніи твоемъ прощаю я тебя.
Ты мысля что я подлъ, унизилъ самъ себя.
Хотя въ тебѣ врага щастлива ненавижу;
Но подлостью себя во гнѣвѣ не обижу.
Дабы совмѣстника щастлива истребить,
Такъ много я себя не возмогу забыть,
Чтобъ уклоня мой духъ ко гнусну наущенью,
Черезъ Тирана злость достигнуть къ отомщенью;
И пресмыкаяся толь мерзко какъ змія
Не скрою ненависть мою цвѣтами я.
Тобой лишаяся Рамиды, смертно стражду;
Я врагъ тебѣ; и кровь твою пролить я жажду;
Но насъ отечество его спасти зоветъ;
И вотъ Пренестъ теперь единый мой предметъ.
Одинъ Тиранъ мое отмщенье привлекаетъ.
Мою напасть, напасть народа помрачаетъ.
Но послѣ, какъ здѣсь тронъ свободы нашей страхъ,
Низверженъ, сокрушенъ преобратится въ прахъ;
Когда отрадныя лучь вольности проглянетъ,
Тогда Вигоръ тебѣ твоимъ врагомъ предстанетъ
И, жить кому, изъ насъ оружіе рѣшитъ.

ПРЕНЕСТЪ.

[Уходитъ].

Стремленье грозно толь меня не устрашитъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

ИЗВЕДЪ.

Злодѣйски умыслы ужъ всѣ теперь открыты.
И видны вкругъ тебя всѣ пропасти изрыты.
Хоть гордый сей Пренестъ изъ Градскихъ стѣнъ изчезъ
И таинство съ собой злодѣйствія унесъ;
Но мной уловлены здѣсь воины Вадима.
Толпа злодѣевъ сихъ, подъ стражею хранима,
Призналася во всемъ: открыла лютый ножъ.
Который ненависть готовила велможъ
На грудь спасителя сего мятежна града.
Исполненныхъ къ тебѣ свирѣпѣйшаго яда
Я знаю имена —

РУРИКЪ.

Я знать ихъ не хощу.
Не зря измѣнниковъ измѣну отвращу.
Что нужды вѣдать мнѣ, кто гнусенъ предо мною.
Которою ихъ спасъ, спасусь я той рукою,
Какъ началъ, шествуя всегда путемъ прямымъ,
Народу покажу, кто я и кто Вадимъ.
Знать всѣхъ предателей то робости признаки
Да скроютъ подлость ихъ забвенья вѣчны мраки;
Презрѣнны мной во мглѣ преступка своего,
Неудостоенны и гнѣва моего,

Не зримы въ гордости, котору восприяли,
Да упадутъ во прахъ, отколь главу подьяли.
Коль боги поразятъ Вадима сей рукой,
Изчезнутъ всѣ сихъ странъ смущающи покой
Поди и уготовь моихъ Варяговъ къ брани;
Пойдемъ подъ сѣнію боговъ безсмертной длани,
Не тронъ мой, истинну святую защищать.
О вы, могущіе всечасно проницать
Сквозь завѣсу притворствъ, сердецъ въ изгибы темны;
О вы, которыми и пропасти подземны
Толь ясно видимы какъ свѣтлы небеса,
На духъ мой обратя вы ваши очеса,
Узрите боги, какъ я сердце разрываю.
Что кровь Гражданъ пролить по долгу приступаю.
[Къ Изведу].
Свободу воинамъ, Вадима возврати;
Моей щедротою за злобу заплати;
Что бы представъ предъ нимъ явили то Герою,
Что дружбы я ево, не злости гнусной стою;
Но не страшась его стремлюся отразить
Ударъ, которымъ мнѣ дерзаетъ онъ грозить.

ИЗВЕДЪ.

Щедрота ко врагамъ ихъ гордость воздымаетъ;
Великодушіе намъ бѣдственно бываетъ
И стоитъ ли Вадимъ почтенья твоего?

РУРИКЪ.

Когда не стоитъ онъ, достоинъ я того.

Новградцамъ, въ гордости своей жестокосердымъ,
Симъ, вредной вольности, защитникамъ толь твердымъ,
Могу я показать, примѣромъ чувствъ моихъ
Что добродѣтель есть стократъ превыше ихъ.
Поди и кротости моей исполни волю.
Я правъ, и небесамъ мою вручаю долю.

ЯВЛЕНІЕ 2.

РУРИКЪ [*Одинъ*].

Надъ пропастями здѣсь мой тронъ постановленъ;
За благости мои я злобой окруженъ,
И сердце горестью мое всечасно сжато.
Се участи владыкъ свой долгъ хранящихъ свято:
Всечасно мучася отрады не видать.
Не стоютъ смертные чтобъ ими обладать;
Благотворителямъ содѣтели мученья
Не стоютъ ни когда они благотворенья. —
Стыдися мысли сей возвышенный на тронъ;
Когда властители въ сіяніи коронъ
Величія боговъ подобіе не ложно,
Сравняться должно имъ и духомъ непреложно.
Хоть слабы смертные погружены въ порокъ;
Хоть сами тягося въ безуміи свой рокъ
Неблагодарностью громъ неба привлекаютъ;
Но боги солнечнымъ лучемъ на нихъ блистаютъ;
Въ дарахъ природы всей вселенной ставя пиръ,
На злобу не смотря, лїютъ щедроты въ миръ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

РУРИКЪ, РАМИДА.

РАМИДА.

Встревоженъ городъ весь — я паче всѣхъ смущенна.
Хладѣетъ кровь во мнѣ вся къ сердцу обращенна.
Тѣснится грудь моя и меркнетъ солнца свѣтъ.
Восставшу бурю зрю, пристанища мнѣ нѣтъ,
Ужъ къ сердцу твоему не смѣю обратиться;
Рамида бѣдная ужъ тѣмъ не можетъ льститься;
Уже трепещуща предъ взоромъ я твоимъ,
Я какъ преступница предъ судїей моимъ; —
Но боги зрятъ —

РУРИКЪ.

Почто такое дерзновенье?
Страшись безмертныхъ звать на клятвопреступленье.
Или, ты искренность стремяся мнѣ явить,
Въ прерванну сѣть меня ты хочешь уловить?
Не мысли, что бы я, подобно какъ и прежде,
Униженъ, ослѣпленъ въ постыдной мнѣ надеждѣ
Притворства всѣ твои во сердцѣ воспрималъ,
Которыми твой духъ, такъ люто мной игралъ;
И продолжая млѣть предъ взорами твоими,
Злодѣю моему былъ жертвованъ я ими.
Открылось все теперь; и тѣ прошли часы,
Въ которые твои невѣрныя красы,
Плѣненный духъ тобой всечасно наполняли
И мнѣ въ тебѣ одной все щастїе являли.

Не льстися болѣ тѣмъ; и въ гордости твоей
Не ожидай, чтобы горчайшихъ слезъ ручей,
У ногъ твоихъ лія страны сея властитель
Былъ милостей любви презрѣннѣйшій проситель;
Или, чтобъ ревностью я въ ярость приведенъ,
То сердцебъ отнималъ, которымъ я презрѣнъ.
Укоры, жалобы и нѣжны изступленья,
Восторги ревности, сердечны изъясненья,
Тѣ стоны горести, порывы гнѣва тѣ,
Которы лестны такъ надменной красотѣ,
Суть сердца моего чувствительнаго ниже.
Вѣрь, что бы ни терпѣлъ, но я стократно ближе
Умреть, какъ слабостямъ моимъ свободу дать,
Презрѣвшую меня симъ средствомъ привлекать.
Чегобъ ни стоило, но сердце ужъ рѣшилось
Невѣрную забыть и все теперь свершилось;
Свершилось все; уже твоей избавленъ лести,
Превыше мукъ любви, превыше низкой мести,
Себя умѣю я толико почитать,
Чтобъ сердце одолѣвъ его иной отдать
Иная, моея любви, познаетъ цѣну;
Иная, за твою заплатитъ мнѣ измѣну
Иная прелести твои красы затмятъ
И тщетный жаръ къ тебѣ изъ сердца истребятъ.
Будь щастлива ты тѣмъ, кѣмъ пламенно пылаешь;
Иною щастливъ я — ты слезы проливаешь,
Рамида!

РАМИДА.

Ты судьба; лишивъ меня всего,
Къ усугубленію свирѣпства твоего,
Мою невинность тьмой порока помрачила;
И утѣшенія послѣдняго лишила,
Когда для Рурика воспрещено мнѣ жить,
Во гробѣ Рурикомъ оплаканною быть.

РУРИКЪ.

Ты плачешь и умрешь, Рамида; ты желаешь;
А сердце ты твое такъ люто отторгаешь
Отъ сердца моего живущаго тобой.
Коль слезы искренность лїетъ передо мной —
Оставь, Рамида; я не долженъ сомнѣваться;
Не можешь лестїю ты гнусной унижаться —
Оставь мнѣ, если тѣмъ тебя я оскорблялъ;
Что хладность горькую мой духъ тебѣ являлъ;
Оставь; я самъ себя въ досадѣ ослѣпляя,
Быть чаялъ изцѣленъ смерть въ сердцѣ заключая
Невѣрь, не вѣрь словамъ отчаянной любви
И токи изъ очей лїющися прерви.
Кто? я? чтобъ я престалъ тебя любить, Рамида;
Лишиться твоего возлюбленнаго вида,
Иль свѣта солнечна не зрѣть мнѣ, то равно,
Мнѣ сердце для тебя единой лишь дано.
Мой пламень никогда, ни чемъ не истребится.
Коль любишь ты меня, пусть твой отецъ стремится
Взнесенный на меня низринуть свой ударъ;
Ко дщери я его, храня во сердцѣ жаръ,

Несправедливости его опровергая,
Умру, иль побѣжду Рамиду обожая.

РАМИДА.

О клятвы страшныя. которыхъ я раба;
О долгъ, о лютый долгъ! о грозная судьба!
Лишенна всякой я надежды и отрады:
Неодолимыя межь нами суть преграды.

РУРИКЪ.

Преграды? —

РАМИДА.

Если мой отецъ падетъ тобой,
[Великихъ чуство душь ты вѣдаешь, Герой]
Дочь сверженна врага, могу ли быть твоею?
И если, слабостью оплаканный моею,
Изгнанный ты изъ сихъ печальныхъ полныхъ стѣнъ
Пребудешь отъ меня на вѣки удаленъ,
Могули быть твоей? назначенна цѣною
Иному —

РУРИКЪ.

Ежели неправедной судьбою
Опредѣленно мнѣ на полѣ брани пасть,
Паду; но мертвъ, и вся моя свершится часть.
Когдажъ побѣду мнѣ дадутъ безсмертны боги,
Иль чувствія отца, не справедливо строги,
Во сердце воспріявъ и духъ преобразя,
За всю мою любовь мнѣ томну грудь разя,
Возможешь слѣпо ты ему повиноваться

РАМИДА.

О томъ ты можешь ли хоть мало сомнѣваться

Привыкнуть власть отца священной почитать,
Мой долгъ, исполнивъ все, въ молчанiи страдать
И пренося мое безъ ропота мученье,
Въ нещастiи ему содѣлать утѣшенье.
Разстаться мнѣ съ тобой, пусть жизни стоитъ то
Но даръ отца, предъ нимъ мнѣ жизнь моя ничто.
Глубоко заключа мою я въ сердце муку,
Иному я отдамъ трепещущую руку,
И совершу, отцемъ желанный, лютый бракъ.

РУРИКЪ.

И се люби твоей ко мнѣ неложный знакъ!
Не чувствовала ты любви ко мнѣ ни мало.
Притворства твоего то было покрывало,
Чемъ нѣжну страсть мою мрачила ты въ сей часъ.
Тѣ стоны, слезы тѣ твоихъ коварныхъ глазъ
Завѣса лишь одна твоей къ иному страсти;
Къ Пренесту гордому, моей злодѣю власти.

РАМИДА.

Моглабъ я, низкiя сомнѣнiя презрѣвъ
И сей, котораго превыше я, твой гнѣвъ,
Въ молчаньи удалясь, безъ ропота, спокойно,
Пренебреженiемъ отвѣтствовать достойно;
Но время дорого: познай, что средство есть,
Коль любишь ты меня, прервать Вадима лесть
И, дружбы узломъ съ нимъ тебѣ соединиться.
Мы щастливы, когда ты можешь согласиться

РУРИКЪ.

Коль должно, я всю кровь мою пролить готовЪ.

РАМИДА.

Герой, спаситель нашЪ, не вышель ты вѣнцовЪ,
Чѣмъ украшаются Цари обыкновенны;
И кои истиннымЪ ГероемЪ суть презрѣнны? —
Гражданка, приучась я равенство любить,
Обманываюся симЪ чувствомЪ, можетЪ быть,
Что властолюбїе величїю безчестно,
И что сЪ мучительствомЪ однимЪ оно совмѣстно.
Не вѣрю, чтобЪ твой духЪ быть могЪ властолюбивЪ.
Остави ту мечту, чѣмЪ, гордость оскорбивЪ,
Ты злобу на себя отвсюда привлекаешь:
И чемЪ себя на вѣкЪ сЪ Рамидой разлучаешь.
Зря цѣну всю себѣ во сердцѣ лишь твоемЪ
Не вЪ бренныхЪ пышностяхЪ, довольствуйся ты тѣмЪ
Что ты достоинЪ быть на небесахЪ сЪ богами,
ВсѣмЪ равный ГражданинЪ попри вѣнецЪ ногами,
И бурей окруженЪ разруши сей престолЪ,
Жилище горестей и безну страшныхЪ золЪ.

РУРИКЪ.

То позно — знаешь ты какЪ тронЪ уваженЪ мною.
Ты помнишь какЪ сей ГрадЪ прельщенный тишиною
По грозныхЪ буряхЪ, я которы укротилЪ,
За щастїе свое престоломЪ мнѣ платилЪ;

Отвергъ я власть тогда и могъ отвергнуть съ
славой.
Велико пренебречь величїе съ державой.
Но послѣ, какъ народъ съ стенаньемъ, съ то-
комъ слезъ
Моленїя свои къ ногамъ моимъ принесъ;
Страшась опять нести мной сверженную тягость,
Принудилъ въ долгъ мою преобратиться благость;
Какъ щастья общаго залогомъ мой вѣнецъ
И стала власть моя отрадою сердецъ,
Сколь гнусно, зря мечи противъ меня мятежны,
Низвергнуть все опять въ напасти неизбѣжны
Коль прежде честь снискалъ отрекшись власти я,
Унизалисябъ теперь, я право отдая
Въ сердцахъ твоихъ Гражданъ начертанно лю-
бовью
Я долженъ защитить его моею кровью.
Владѣя какъ отецъ, я долженъ жизнь презрѣть
Достойнѣй я иныхъ на тронѣ умереть.
Не привлекай меня ты къ низостямъ толикимъ.
Чтобы мнѣ другомъ быть съ отцемъ твоимъ
великимъ,
Не подлость средство, нѣтъ. — Рамида, ты сама.
Когдабъ изчезла тѣмъ напастей нашихъ тьма,
Предъ свѣтомъ бы меня увидя постыженна,
Любя достойнаго, презрѣлабъ униженна.
На лаврахъ взросшая, Героя славна дщерь.
Межь чести и любви будь судїя теперь.

РАМИДА.

Я чувствую твой долгъ; какъ горько ни стонаю,
Я плача, не тебя, но рокъ мой обвиняю.
Могуль порочить то, что честь твою храня,
Ты славѣ жертвуешь нещастную меня.
Виновна въ томъ моей судьбины непреложность.
Почувствуй же и ты мою священну должность,
И, чести слѣдуя, не воспрещай мнѣ въ томъ,
Любя меня, отцу ты должень быть врагомъ.
И я тебя любя, какъ въ горести ни млѣю,
Чтя честь равно тебѣ не буду я твоею.
Жаръ нѣжный во вражду стараясь премѣнить,
Хотя не возмогу я сердца покорить,
Но должности моей могу повиноваться,
Тебя лишась всякъ часъ съ душою разставаться.

РУРИКЪ.

Огрозная судьба;

РАМИДА.

О часть, смертельна часть!

РУРИКЪ.

Въ сей день предвидѣлъ ли толь лютую напасть,
Отъ сердца твоего я щастья ожидая;

РАМИДА.

На сердцѣ я твоемъ надежду утверждая,
Заслугой къ обществу твоей себѣ маня,
Моглаль я предузнать, что лютый рокъ меня,
Близъ края щастія, низвергнетъ смерти въ безны.

РУРИКЪ.

Погибло все для насъ.

РАМИДА.

О стоны безполезны!

ЯВЛЕНІЕ 4.

РУРИКЪ, РАМИДА, ИЗВЕДЪ, ИЗВЕДЪ.

Спѣши, о государь; ужЪ воинствомЪ ВадимЪ
Быть чая вЪ гордости своей непобѣдимЪ
Поля у здѣшнихЪ стѣнЪ вЪ сей часЪ обременяетЪ.

РУРИКЪ.

Иду куда меня долгЪ лютый призываетЪ.
Иду, лишась тебя, тебя достойнымЪ быть;
[кЪ Рамидѣ.]
То помня что МонархЪ, любовника забыть.
И обществу моей пожертвовавЪ отрадой
Мученье вѣчное, иль смерть принять наградой
Коль чести на пути сужденЪ я мертвЪ упасть
ВоспомнивЪ бы мою кЪ тебѣ толь нѣжну страсть,
ВЪ награду мнѣ за то, узрѣвЪ меня во гробѣ
Содѣлавша конецЪ отца жестокой злобѣ,
Слезами ты мой гробЪ драгими удостой
И стономЪ тѣнь мою печальну успокой.

РАМИДА.

СвершивЪ кЪ отцу мои я должности жестоки,
Не слезы по тебѣ пролью, но крови токи!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

РАМИДА [*Одна*].

Ужъ люта брань кипитъ и кровь течетъ рѣкой.
И Рурикъ и Вадимъ, убійственной рукой
Другъ въ другѣ жизнь мою въ сей часъ отнять стремятся,
На толь Герои вы, чтобъ только истребляться? —
О какъ нещастна я; любовникъ и отецъ,
Дражайши имена для щастливыхъ сердецъ,
А мнѣ, а мнѣ и вы источники страданій: —
Въ пучинѣ горестей, смятеній, колебаній
Мой духъ трепещущій, обоихъ васъ любя,
Въ сей часъ желалъ бы самъ убѣгнуть отъ себя —
Я въ горести отъ всѣхъ оставлена, забыта,
И ты Селена, ты отъ глазъ моихъ сокрыта;
Не придешь смертну грусть со мною раздѣлить
И дружествомъ тоску смертельну утолить; —
Увы въ сей страшный часъ сама себѣ я въ тягость; —
Могу ли умолить, безсмертны', вашу благость;
Могу ли къ жалости васъ, боги, преклонить,
Чтобъ жизнь мою прервавъ, то время упредить,
Когда поражена я брани окончаньемъ,
Или отца моимъ прогнѣваю стенаньемъ,

Иль въ лаврахъ Рурика со ужасомъ узрю.
Когда противнымъ вамъ я пламенемъ горю,
Разите боги грудь нещастіемъ порочну;
Исторгните съ душой сію любовь безпрочну —
Но звукъ пронзаетъ слухъ; — свершилось все, о страхъ!
Колеблется земля и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ВАДИМЪ *[Обезоруженный съ толпою плѣнниковъ въ провожаніи стражи изъ Рурикових воиновъ]* РАМИДА.

РАМИДА.

Тебя ли вижу я, возлюбленный родитель?

ВАДИМЪ.

Увялъ мой Лавръ, увы! и Рурикъ побѣдитель
О стыдъ; низверженъ я въ оковы наконецъ; —
Невольникъ Руриковъ Рамидѣ не отецъ,
Поди, не умножай моей тоски ужасной —
О солнце; помрачи твой лучь инымъ прекрасной,
А ненавистный мнѣ и злѣйшій вѣчной тмы;
Свершилось все теперь, рабами стали мы; —
Рабами? — нѣтъ. Вадимъ превыше сей напасти.
Вселенну, боги вы вратя по вашей власти,
Безможете весь миръ Тиранамъ предавать.
И счастью и себя слѣпому подвергать,
Злодѣямъ щастливымъ пусть все порабощенно;

Но сердце изъ тогб Вадима изключенно.
Неможете души моей поколебать
И громомъ воружась властителя мнѣ дать; —
Чегожъ я жду? — О! дщерь нещастна и любезна
Когда отечеству жизнь наша безполезна,
Ставъ праздными его свидѣтельми оковъ,
Намъ ползать ли въ толпѣ тирановыхъ рабовъ? —
Ты плачешь, горестью мою пораженна?
Не плачь; утѣха есть нещастнымъ откровенна.
Она для робкихъ душъ ужасна и горька;
Великодушїю прїятна и сладка:
Небыть, престать сей свѣтъ, тирановъ жертву видѣть;
Смерть благо ежели жизнь должно ненавидѣть.
Умремъ; уклонимся отъ подлостей и злобъ
Въ одно нещастливымъ убѣжище, во гробъ.
Умремъ; — но что? о рокъ! я жизни ненавижу,
А средства и умреть нещастный, я не вижу,
Съ мечемъ послѣдней сей надежды я лишенъ.

[Къ Рамидѣ].

О ты, въ которой духъ мой долженъ быть внушенъ;
О дочь отечества упавшаго со мною!
Когда почтенъ равно въ нещастьи я тобою,
Коль въ узахъ я тебѣ какъ въ лаврахъ былъ отецъ,
Содѣлай бѣдствїямъ ты нашимъ всѣмъ конецъ;
Желанной смерти мнѣ орудїе достави
И отъ позора жить себя со мной избави.

Лети на крыліяхъ и ускори принесть
Чемъ должно, въ сей же часъ, избавить нашу честь
Отъ зрѣнья лютаго врага побѣдоносна —
Трепещешь — жизнь твоя тебѣ безъ чести сносна?
Я чувствую что дочь отъемлетъ у меня.
Злодѣйствуешь отцу еще твой жаръ храня —
Се робости твоей прегнусная причина;
Се лютой участи Вадимовой вершина! —

О вы, за общество на вѣкъ закрывши взоръ,
Сколь щастливѣй меня вы днесь перенестъ, Вигоръ!
Неувядаемымъ покрыты лавромъ оба,
Вы славы на поляхъ сошли во мраки гроба;
Еще отечество дышало въ оный часъ;
Надежда сладкая сопровождала васъ;
А я, игралище меня гоняща рока,
И жертва низкая Рамидина порока,
Я долженъ горести несмѣтныя вкусить —

РАМИДА.

Неможетъ болѣе нещастна дочь сносить
Сихъ молній изъ твоихъ мнѣ столько грозныхъ взоровъ,
Сихъ смертныхъ для меня неправедныхъ укоровъ.
Коль должно свергнуть мнѣ сей жизни тяготы,
Спокойся, государь, доволенъ будешь ты.
Мнѣ жизнь моя ничто, когда ея лишенье,
Тебѣ, родитель мой, быть можетъ утѣшенье.
Клянусь у ногъ твоихъ, клянусь въ сей лютый часъ,
Что я тебя уже послѣдній вижу разъ;

И что въ послѣднїе, мои являя муки,
Слезами горькими твои кроплю я руки.
Блаженна, коль мою проливъ нещастну кровь,
На гробъ мой возвращу родительску любовь
И стоны привлеку жалѣнїя сердечна.
Но ты не ожидай, чтобъ дочь безчеловѣчна
Съ отчаяньемъ твоимъ согласна я была
И къ смерти бы отцу я средство подала;
Чтобъ ставъ участницей отцеубїйству люту
Кляла, сама себя въ послѣдню я минуту.
Прости, родитель мой, въ послѣднїй разъ прости!

[Хочетъ итти]

ВАДИМЪ.

Не оставляй меня ты гнусну жизнь нести.
Минута каждая, мигъ каждый мнѣ позоры!
Куда ни обращу мои смятенны взоры,
Къ мученью моему, все мой являетъ стыдъ.
Мнѣ кажется все здѣсь, прїявъ унылый видъ,
Свободы требуетъ, утраченныя мною
Вздохъ каждый мой моей быть кажется виною!
Сей воздухъ чемъ дышу, земля гдѣ я стою
И стѣны вопїютъ кленя днесь жизнь мою:
Ужъ нѣтъ отечества, а ты на свѣтъ взираешь;
Немогъ его спасти, а ты не умираешь! —
О мысль смертельная, грызуща серце мнѣ
Подобна яростной въ часъ бурныхъ грозъ волнѣ,
Опровергающа мой духъ толь прежде твердый:
Се скоро придетъ къ намъ сей Рурикъ, мило-
сердый

И въ благость лютую, преобратя свой громъ,
Мнѣ сердце разорветъ прощенія стыдомъ.
О крайность страшная! о бездна посрамленья!
Не дай дожить мнѣ толь несноснаго видѣнья —
Все позно! — се мой врагъ. Разверзися земля
И въ пропастяхъ закрой нещастнаго меня!

ЯВЛЕНІЕ 3.

РУРИКЪ *[за нимъ вельможи, воины, народъ]*.

ВАДИМЪ, РАМИДА, ИЗВЕДЪ.

РУРИКЪ *[Вадиму]*.

Хоть былъ я принужденъ, Вадимъ, съ тобой сражаться,
Побѣдой не могу моею наслаждаться,
Когда она въ тебѣ питаетъ ту вражду,
Которой отъ твоихъ я чувствъ себѣ не жду.

ВАДИМЪ.

Что право подаетъ тебѣ надеждой льститься,
Когда ты побѣдилъ со мною примириться?
Не сей ли на главу блистающій вѣнецъ?
Сіе гнушеніе свободныхъ всѣхъ сердецъ!
Хоть иго днесь твое побѣдой оправданно;
Презрѣнно право мной, одною силой данно.
Побѣда можетъ ли вѣнца закрасить зло?
Желалъ бы я, когдабъ событься то могло,
Чтобъ щастіемъ въ числѣ безсмертныхъ помѣщенный,
Хотѣлъ мнѣ другомъ быть ты громомъ вооруженный;

Я съ радостью тебя возмогъ на небѣ зрѣть,
Чтобъ съ силою твоей тебя и тамъ презрѣть.

РУРИКЪ.

Сей тщетной гордости безплодное паренье,
Достойнѣй, можетъ быть, привлечь къ себѣ презрѣнье;
Но чту въ нещастіи Рамидина отца,
Въ сей день отечеству кровавыхъ бѣдъ творца.

ВАДИМЪ [*къ народу*]

Для возвращенья вамъ потерянной свободы,
Почто не могъ пролить всю кровь мою, народы!

РУРИКЪ.

Велможи, воины, Граждане, весь народъ!
Свободы вашея какой былъ прежде плодъ?
Смятеніе, грабежъ, убійство и насилье,
Лишеніе всѣхъ благъ и въ бѣдствахъ изобилье.
И каждый здѣсь когда лишь только силенъ онъ,
Одно закономъ чтилъ чтобы свергать законъ.
Мечемъ и пламенемъ раздора вооруженный,
Ко власти текъ, въ крови Гражданей погруженный.
Священны узлы всѣ [illegible] лилъ смутный градъ.
Сыны противъ отцовъ, [illegible]ы противу чадъ,
Тиранамъ чтобъ служить, простерши люты длани,
Отцеубійствію искали гнусной дани.
Граждане видѣли другъ въ другѣ лишь враговъ.
Забыли честность всѣ, забыли и боговъ.
Прибышокъ здѣсь одинъ былъ всѣхъ сердецъ владѣтель;
Сребро единый богъ и алчность добродѣтель —

ВАДИМЪ.

На мѣсто вольности небесной красоты.
Ты своеволїя являя намъ черты —

РУРИКЪ.

Дай кончить мнѣ всѣ то что я сказать желаю.
Межь нами судїей народъ я поставляю.
Хотя побѣда днесь подвергла мнѣ тебя —

ВАДИМЪ.

Подвергла? — можетъ ли, разсудокъ погубя,
Воображать себѣ, о ты рабовъ властитель!
Что ты Вадимова и духа побѣдитель?

РУРИКЪ.

Я правы щастїя умѣя позабыть,
Принужу истинной тебя мнѣ другомъ быть.

ВАДИМЪ.

Мнѣ другомъ? ты? въ вѣнцѣ? престани тѣмъ плѣняться:
Скорѣе небеса со адомъ сѣединятся!

РУРИКЪ.

Желалъ ли я вѣнца, ты вѣдаешь то самъ,
Я несъ не для себя спасенье симъ странамъ:
Народомъ призванный закрывъ его я безну,
Доволенъ тѣмъ, что часть окончилъ вашу слезну,
Благотворенїе хотѣлъ ли я продать,
И цѣну дѣлъ моихъ мздой трона унижать?
Искалъ ли власти я отъ коей отрицался?
И можетъ ли то быть чтобъ скиптромъ я прельщался?

Иль славы придалъ мнѣ тронъ пышностью своей?
Кто спасъ народъ отъ бѣдъ, превыше тотъ Царей
Въ утѣхахъ дремлющихъ подъ сѣнїю короны;
Но согражданъ твоихъ тогда плачевны стоны
Мой духъ принудили ихъ щастья не лишить.
Начавъ благотворить былъ долженъ довершить.
Отверженную мной я принялъ здѣсь корону,
Чтобъ вашему для васъ покорствовать закону.
Я чѣмъ мрачу мой тронъ? гдѣ первый судїя,
Вы вольны, щастливы, стонаю только я.
Который Гражданинъ хранящїй добродѣтель,
Возможетъ укорить, что былъ я зла содѣтель.
Единой правды чтя священнѣйшїй уставъ,
Я отнялъ ли хотя черту отъ вашихъ правъ?
И если иногда отъ строгости закона,
Изъ устъ нещастливыхъ я слышалъ жалость стона,
Чего я правдою стонающихъ лишалъ
За то щедротою моею утѣшалъ.
Скажите, истиннуль, Граждане, я вѣщаю?
Въ свидѣтели и васъ я боги призываю.
Вы знаете, что я имѣя вашу власть,
Страшился слабостей подъ бремянемъ упасть;
И, прихоть гордости я долгомъ удручая,
Несъ иго скипетра себя не примѣчая.
Я помнилъ завсегда что есть на небесахъ
Судьи, гремящїе земныхъ владыкъ въ сердцахъ,
Которые Царя колебля на престолѣ,
Всечасно вопїютъ его всевластной волѣ:

„Намъ каждая слеза текущая видна,
„Котора пышностью твоей допущена;
„Мы слышимъ каждый стонъ невнемлемый тобою,
„Изъ слабаго влекомъ насильственной рукою;
„Мы каплю каждую пролитой крови зримъ —
„Вострепещи со всемъ сїянїемъ твоимъ!
„Не оправдай себя, великъ обремяненьемъ,
„Необходимостью, Тирановъ извиненьемъ.
Вѣщай народъ, моей державою хранимъ,
Гнѣвилъ ли я боговъ правленїемъ моимъ.

[Къ Вадиму].

Но ты не помышляй, что власти вышней жаденъ,
На то являю я мой скипетръ толь отраденъ,
Чтобы склонить народъ мной щастливъ въ сей странѣ,
Изъ милости вѣнецъ еще оставить мнѣ;
И чтобы гордости не славѣ я покоренъ,
Противу воли всѣхъ одинъ владѣть упоренъ,
Хотѣлъ я удержать правленїя брозды,
Ища насилїемъ моей заслугѣ мзды.
Когдажъ противъ тебя подвигся я ко брани,
Не властолюбїю платилъ, но чести дани.
Я долженъ былъ мою и славу поддержать
И общества ко мнѣ почтенье оправдать;
Я долженъ былъ, мою желая власть оставить,
И тѣнью робости себя не обезславить;
И съ трона нисходя, иль прямовъ гробъ вступить,
Иль жало клеветѣ побѣдой притупить

[Къ народу снимая вѣнецъ].

Теперь я вашъ залогъ обратно вамъ вручаю;
Какъ принялъ я его, столь чистъ и возвращаю.
Вы можете вѣнецъ въ ничто преобратить,
Иль оный на главу Вадима возложить.

ВАДИМЪ.

Вадима на главу! сколь рабства ужасаюсь,
Толико я его орудїемъ гнушаюсь.

ИЗВЕДЪ. *[Рурику, указывая народъ ставшїй предъ Рурикомъ на колена, для упрошенїя его владѣть надъ нимъ].*

Увиди, Государь, у ногъ твоихъ весь градъ;
Отецъ народа! зри твоихъ моленье чадъ;
Оставь намѣренья ихъ щастїю претящи.

ВАДИМЪ.

О гнусные рабы своихъ оковъ просящи!
О стыдъ! весь духъ гражданъ отселѣ истребленъ
Вадимъ! се общество, котораго ты членъ!

РУРИКЪ.

Коль власть Монаршу чтишь достойной наказанья,
Въ сердцахъ гражданъ мои увиди оправданья;
И что возможешь ты противъ сего сказать?

ВАДИМЪ.

Вели отдать мнѣ мечь и буду отвѣчать.

[Рурикъ подаетъ знакъ чтобъ Вадиму отдали мечь].

РАМИДА *[Въ сторону].*

Се мой послѣднiй часъ и все теперь свершится!

ВАДИМЪ.

[Къ принесшему мечъ]. *[Къ Рурику].*

Подай — теперь Вадимъ съ тобою примирится.
Се способъ лишь одинъ чтобъ другомъ быть твоимъ.

РУРИКЪ.

Будь болѣ и отцемъ содѣлайся моимъ.
Въ великой ты душѣ почувствуй гласъ природы.
Иль тотъ, кого твои толико чтутъ народы,
Кто ихъ отецъ, твоимъ не стоитъ сыномъ быть?
Чтобъ гнѣвъ неправедный твой вовсе истребить,
Коль мало щастiя отечества любезна,
Котораго моей рукой закрыта безна;
Коль мало и самихъ мнѣ щедрыхъ толь небесъ,
Стенящей дочери воззри на токи слезъ,
Которы горестна моей душѣ отрава:
Въ ея ты сердцѣ зри мои священны права,
Чтобъ ею ты себя со мной соединилъ.

ВАДИМЪ

Все кончилось теперь, коль мечъ ты возвратилъ.
О небо! болѣ сей не требую награды!
[Къ Рурику].
Межь нами рушатся всѣ страшныя преграды:

Доволенъ будешъ ты, народъ, и дочь, и я.

РУРИКЪ.

О небо! чѣмъ воздамъ щедротѣ твоея?
О часъ, блаженный часъ! нечаянна премѣна!
[Къ Вадиму],
Позволь и дочери и мнѣ обѣять колена
Героя и отца *[Къ Рамидѣ]* ты слезъ лїешь потокъ!
Когда престалъ быть намъ родитель твой жестокъ,
О ты награда мнѣ одна за добродѣтель,
Въ которой мнѣ любовь гражданъ твоихъ свидѣтель,
Душа души моей! какой ужасный мракъ,
Дражайшихъ прелестей затмилъ прекрасный зракъ?

ВАДИМЪ *[Въ сторону]*.

Я болѣ не могу сносить толь гнусна вида!—
Внемли ты Рурикъ мнѣ, народъ и ты Рамида.
[Къ Рурику].
Я вижу власть твоя угодна небесамъ.
Иное чувство ты гражданей далъ сердцамъ.
Все пало предъ тобой; миръ любитъ пресмыкаться;
Но миромъ таковымъ могу ли я прельщаться?
[Къ народу].
Ты хочешь рабствовать подъ скипетромъ попранъ:
Нѣтъ болѣ у меня отечества, гражданъ.
[Къ Рамидѣ].
Ты предана любви и сердцемъ и душею.
И такъ и дочери я болѣ не имѣю —

РАМИДА.

Постой родитель мой! недовершай сихъ словъ—
Постой, мой духъ тебя изобличить готовъ,
Что дочь нещастную напрасно презираешь —
Я знаю то что ты въ сей часъ предпринимаешь;
И твой великій духъ предъ мною весь открытъ,
Что должно дѣлать мнѣ, мнѣ ясно говоритъ.
Исполню я твою ужаснѣйшую волю;
И въ нѣжной младости мою разрушу долю,
Котора для меня сплеталась изъ цвѣтовъ.
Когда содѣлалась порочной та любовь,
Для коей жизнію прельщалась я моею,
Смотри, достойналь я быть дочерью твоею.

[Закалается].

РУРИКЪ.

О изступленіе погибельное мнѣ!

ВАДИМЪ.

О радость! все что я изчезнетъ въ сей странѣ!
О дочь возлюбленна! кровь истинно Геройска!

[къ Рурику].

Въ срединѣ твоего побѣдоносна войска,
Въ вѣнцѣ, могущій все у ногъ твоихъ ты зрѣть,
Что ты противъ того, кто смѣетъ умереть?

[Закалается]

РУРИКЪ.

О рокъ, о грозный рокъ! о праведные боги!
За что хотѣли вы ко мнѣ быть столько строги,
Чтобъ смертію меня Рамиды поразить?
Умѣли въ сердце вы мечь вѣчный мнѣ вонзить

Лиша меня всего и щастья и отрады! —
За добродѣтель мнѣ ужъ въ свѣтѣ нѣтъ награды! —
Въ величїи моемъ лишь только тягость мнѣ!
Страдая, жертвой я быть долженъ сей странѣ;
И, должности моей стонающїй блюститель,
Чтобъ быть невольникомъ, быть долженъ я властитель —
Я буду, и себя съ пути не совращу,
Гдѣ вамъ подобенъ ставъ, вамъ боги отомщу.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

34175

ФИЛОМЕЛА

Трагедия в пяти действиях, в стихах

Действующие лица:

Терей, фракийский царь.
Прогнея, супруга его.
Ифис, сын их.
Филомела, сестра Прогнеи.
Линсей, любовник Филомелы.
Калхант, жрец фракийский.
Агамет, наперсник Терея.
Херес.

Действие во Фракии, в царских чертогах.

Действие первое

Театр представляет галерею; по сторонам вход в царские чертоги, а внутри храм.

Явление 1

Прогнея и Линсей.

Прогнея

Призрите с высоты, правители небес,
Прогнеи страждущей на токи горьких слез
И возвратите мне любезного супруга,
А с ним сестру мою – нежнейшего мне друга,
Увы! свершается плачевный год в день сей,
Как брег оставил наш любезный мой Терей. –
Прошел сей год, а он ко мне не возвращался,
И в мыслях лишь моих и в сердце он остался,
В тот день, когда ему в слезах вещала я,
Что без сестры моей тяжка мне жизнь моя,
Что я несчастлива, не видя Филомелы, –
Чтоб притупить моей печали остры стрелы,
Терей, слова мои в закон себе вменя,
Оставил сына, трон, оставил и меня.
День возвращения супруга приближался –
Его не зрела я, мой трепет умножался,
Сей день прошел... а я до днесь не зрю отрад...
И боги бед моих еще не прекратят!

Линсей

Царица, утиши волненье мыслей страстных!
Не тщетны иногда моления несчастных.
Уже предстал Калхант в священный божий храм
И, может быть, в сии часы откроет нам,
Во внутренности жертв прочтя, судьбы законы,
Ужели к небесам достигли наши стоны?
В нетерпеливости я зреть его хощу
И ах! минуты сей страшусь и трепещу.
Вина смятения сего тебе известна:
Ты знаешь, сколько мне сестра твоя любезна,

И сколь мне горестно, что, в ней лишась всего,
В очах ее не зрю я счастья моего.
Кляну тот день – вину плачевныя разлуки,
В которой скиптром рок обременил мне руки.
Тобою, наконец, я быв уведомлен,
Что зреть могу здесь ту, которою пленен,
Из града своего в сей град я удалился
И зреть сестру твою мечтой приятной льстился;
Но боги, разлуча невинные сердца,
Еще не делают напастям их конца.
Надежда есть, но ах! когда она напрасна...
О небо! для меня и мысль сия ужасна!

Прогнея

Мне сердце скорбное тоска свирепа рвет
И места в сердце сем надежде не дает...
Мне представляется ревуща моря бездна...
Супруг возлюбленный! сестра моя любезна!..
В какой погибели я зрю разимых вас!
Терея и тебя средь волн я вижу мертву...
Принесших жизнь свою Прогнее бедной в жертву.
Вы тонете... Я вас в сию напасть ввела!
Вы в ад нисходите, чиня мне бедной пени. –
Остановитеся, драгие сердцу тени!
Без вас противным чтя любезный прежде град,
За вами я спешу во мрачный снити ад...
Без вас я более утех не обретаю...
Я тартаром без вас вселенну почитаю!

Линсей

Скрепи себя в своей тоске, колико льзя,
И плачем не смущай меня, мой дух разя...
Твой вид бледнеющий, твой стон унылой, слезной
Твердит, что разлучен с моею я любезной...
Твой стон... ах! мне твердит... бледнее солнца свет...
Что той, кого люблю, со мной несчастным нет.
Грудь томную тоска свирепая терзает...
Но небо! се Калхант дверь храма отверзает!
Покрыт печалию его смущенный зрак!..
Он бледен!

Прогнея

В ужасе!..

Линсей

Плачевный бедствий знак!

Явление 2

Видны отворяющиеся двери храма; Калхант выходит из оных в ужасе и с распростертыми руками.

Прогнея, Линсей и Калхант.

Калхант

(внутри театра)

Ужасно знаменье грядущия напасти!..
Несчастная страна! готовься к лютой части.
Ударить гром готов... спасенья нет для нас!..

Прогнея

Смущает кровь мою его дрожащий глас,
Страшуся приступить узнать богов решенье!
Пойдем! Какое днесь я чувствую мученье!
Скрепись, мой дух... (*Калханту.*) О, друг владетелей небес!
Скажи, не тщетно ль я лила потоки слез?
Яви в себе, яви богов достойна друга:
Поведай мне судьбу несчастного супруга.
Скажи... мятешься ты... ты стонешь!.. ах! — молчи
И грома на меня бессмертных не мечи:
Отсрочь удара мне ужасную минуту...
Но для чего скрывать мою судьбину люту?
Твое молчание... льет в жилы смертный хлад;
Увы! беды мои мне твой вещает взгляд.
Рази меня, рази... но пощади Терея...
А если он счастлив — счастлива и Прогнея.
Она во трепете твоих речений ждет.
Скажи: чего должна я ждать?

Калхант

Ужасных бед.

Линсей

О небо!

Прогнея

Боги! чем виновна я пред вами?

Калхант

Быть праведен никто не может пред богами.

Прогнея

О сердце, так меня не обмануло ты,
Вселяя в мысли мне ужасные мечты!

Линсей

Каким ударом к нам судьбина возгремела?
Что сталося с тобой, драгая Филомела?

Калхант

Внимай открытую судьбою нам напасть:
Когда предстал во храм я пред богами пасть,
Тогда, сраженну мной, трепещущу, полмертву,
Невинную заклал пред алтарями жертву
И кровию ее я жертвенник кропил;
Багровый пар с него до облак восходил;
Затмив небесный свет, он в тучи претворился;
Казалось, новый ад среди сих туч родился:
Дыханья бурные, ужасных громов треск,
Рев вихрей пламенных и молний страшный блеск
Предвозвестили мне минуты приближенье,
Когда всевышними их явится решенье.
Настал тот миг. Сквозь туч кровавых страшный глас
Все громы заглушил и здание потряс,
Вещая тако мне: «Зри следство лютой страсти,
Влекущей за собой мученья и напасти;
В сей день во граде сем свирепство и любовь,
С отмщеньем съединясь, пролью́т реками кровь».
Тогда из тучи сей, перунами гремящей,
Летит ужасный Вран за Горлицей стенящей;
Как туча мрачная, он воздух всколебал
И тенью крыл своих пол храма покрывал.

Все силы устремя, за Горлицею гнался;
Подобно камени, над нею ниспускался,
Уже когтей его жестоки острия
Касалися груди трепещущей ея,
Когда, подобно двум стрелам молниеносным,
Сразили грудь его ударом смертоносным,
Со Голубицею соединясь Орел.
Тогда свирепый Вран всей злобой воскипел –
Трикраты в воздухе полмертвый возвышался.
Трикраты с смертию отчаянный сражался;
Но, громом поражен, в разверстый ад ниспал,
И Горлицу с собой он мертву повергал...
Со Голубицею Орел за тучи скрылся –
Вторично грома звук по зданию разлился,
И в сердце страждущем предчувства страшный глас
Предвозвестил бедам грядущим скорый час.

Прогнея

Тиран! защитники! невинность угнетенна!
Предметом всяким я разима, удивленна,
Проникнуть в таинство видения слаба...
Открой мою напасть, жестокая судьба!
В ком узрю жертву я? в ком узрю я тирана?
Я ль в виде Горлицы паду в сей день попранна?
Ах, если б знала то, не стала б я страдать!
Но если я должна супруга потерять?
Напасти лютой толь едино воображенье
Остановляет все в крови моей движенье.

Линсей

Когда свирепый рок Линсея тем сразит,
Чем сердцу бедному в предчувстве мне грозит;
Так мне судьбина смерть в сей день определяет:
Предчувство в Горлице любезну мне являет.
Я зрю в гонителе... кого я, небо, зрю?
Что в заблуждении, несчастный, говорю?
Терей гонитель... нет, – сей мысли ужасаюсь!
Но мыслить я сие невольно принуждаюсь...
Любовь моя... но что за трубный слышен глас?

Прогнея

Я Агамета зрю! Благополучный час!
Супруга возвратя, прерви мой стон ты слезной!

Линсей

Соедини меня с моею ты любезной!

Явление 3

Агамет и прежние.

Агамет

Царица, путь скончав, идет сюда Терей.

Прогнея

Дай сил мне небо снесть восторг души моей!

Явление 4

Прогнея, Терей, Линсей, Калхант и Агамет.

Прогнея

Тебя ль, Терей, тебя ль я вижу пред собою?

Терей

Меня, гонимого жестокою судьбою.

Прогнея

Какая скорбь тебя в сии минуты рвет?
О небо! Что я зрю? сестры с тобою нет!

Линсей

Здесь Филомелы нет! судьба ожесточенна!
Пришла ужасных бед минута предреченна.

Прогнея

Так нет еще моим страданиям конца?
Кого должна винить: Терея иль отца?
Почто сокрыл мою ты грусть от Пандиона:
Он дщери своея не пренебрег бы стона...

ТЕРЕЙ.

Меня гонимаго жестокою судьбою.

ПРОГНЕЯ.

Какая скорьбь тебя въ сіи минуты рветъ?
О небо! что я зрю? сестры съ тобою нѣтъ!

ЛИНСЕЙ.

Здѣсь Филомелы нѣтъ! судьба ожесточенна!
Пришла ужасныхъ бѣдъ минута предреченна.

ПРОГНЕЯ.

Такъ нѣтъ еще моимъ страданіямъ конца?
Ково должна винить: Терея, иль отца?
Почто сокрылъ мою ты грусть отъ Пандіона:
Онъ дщери своея не пренебрегъ бы стона...
Супругъ возлюбленной прости моимъ слезамъ.
Сколь мнѣ сестра мила сіе ты знаешь самъ
Скажи хотя: въ какой она осталась долѣ?

ТЕРЕЙ.

Царица... нѣтъ ее уже на свѣтѣ болѣ.

ПРОГНЕЯ.

На свѣтѣ нѣтъ ея... о рокъ что слышу я?

ЛИНСЕЙ.

На свѣтѣ нѣтъ ее.. свершилась часть моя!

Такъ съ нею разлученъ судьбою я неложно?
Я съ нею разлученъ; нѣтъ, быть сему не-
можно!
Мнѣ сердце говоритъ: еще она жива.

ТЕРЕЙ.

А естьлибы сбылись Линсей твои слова;
[Особо имъ] О небо! чемъ начну свое я
оправданье!
Вы видите души Тереевой страданье . . .
Се слѣдство страшныхъ бѣдъ, въ которыхъ
лютой рокъ
Явилъ колико онъ къ нещастнымъ намъ же-
стокъ.
Когдабъ, въ Аѳины я отбывъ, разставшись
съ вами,
Предвидѣлъ все что мнѣ назначено судьбами.
Не удалялся бы изъ Фракіи во вѣкъ.
Но сколь предчувствами обманутъ человѣкъ.
Я чаялъ прекратить твой стонъ, твои пе-
чали;
Казалось небеса мнѣ помощь въ томъ давали.
Я предъ отцемъ твоимъ въ тоскѣ твоей пред-
сталъ,
И именемъ твоимъ его я умолялъ.
Согласенъ наконецъ былъ старецъ сей смяг-
ченный
Съ своею дщерью быть на время разлученный.

Дрожащею

Дрожащею рукой онъ велъ ее къ водамъ
На смерть, которую ей рокъ готовилъ тамъ.
Мы на корабль вошли надежды лестной полны.
Намъ льстили тишиной обманчивыя волны.
Борею быстрому спѣшили мы во слѣдъ,
И сердце къ вамъ мое летѣло напередъ.
Уже мы къ Фракіи въ восторгѣ приближались,
Вершины горъ въ дали предъ нами показались.
Мы мнили землю зрѣть, но солнца тусклый лучъ.
Въ семъ видѣ намъ явилъ собранье бурныхъ тучь,
Въ минуту собрались изъ нихъ надъ нами своды,
Ударилъ ярый громъ, восколебались воды.
Сокрылись небеса, и въ тотъ ужасной часъ,
Свѣтъ дневной изчезалъ изъ нашихъ робкихъ глазъ.
Валы бунтующи до облакъ воздымались,
Свивались съ тучами и въ бездны низвергались.
Смятенію сему сестра твоя внемля,
Во ужасѣ на верхъ восходитъ корабля,

Возъемлетъ къ небу взоръ, премѣны въ бѣдствахъ проситъ.
Вдругъ валъ порывистый до облакъ насъ возноситъ.
Отколь ужасный часъ! жестокій гнѣвъ небесъ.
Вихрь мрачный бѣдную въ дно пропастей понесъ.
Гласъ Филомелы мнѣ обмершу грудь пронзаетъ,
Онъ слышенъ, а она во мракѣ изчезаетъ.
Валы соединясь покрылись сѣдиной,
И болѣ ни чево не видно стало мной,
Я жадный взоръ мѣшалъ, стеналъ; но все напрасно.

ПРОГНЕЯ.

Сбылось видѣніе толико мнѣ ужасно
Рокъ жертву поразилъ, и стоны жертвы сей
Мнѣ разрываютъ грудь и духъ стѣсняютъ въ ней.
Сестра любезная! немилосерды боги!
Гдѣ вашей истинны святой законы строги!
Гдѣ къ человѣчеству къ нещастнымъ гдѣ любовь?
Когда вы алчете пролить невинныхъ кровь.

На

На то ли олтари вамъ въ свѣтѣ соружались,
Чтобъ стоны вашихъ жертвъ при оныхъ раздавались;
Чтобъ ихъ лилася кровь кипящею рѣкой.
Или владѣетъ всемъ единый рокъ слѣпой?
Иль существуете единой вы мечтою?
Не чтимо бытіе безплодно ваше мною.
Боговъ есть долгъ спасать нещастливыхъ отъ бѣдъ.
А нашъ напрасенъ вопль такъ васъ на свѣтѣ нѣтъ.

КАЛХАНТЪ.

Брегись хуленія, брегись сихъ словъ ужасныхъ.
Царица боги есть и внемлютъ стонъ нещастныхъ,
Не огорчай своимъ отчаяньемъ небесъ,
Пролей источники передъ богами слезъ,
Спасеніе твоей сестры въ святой ихъ волѣ.

ПРОГНЕЯ.

Пойдемъ предъ ними пасть.

ЛИНСЕЙ.

Нѣтъ; я предпринялъ болѣ,
Пуская къ небесамъ стенанія одни,
Не въ праздности хочу свои влачить я дни;

Но въ участи моей и бѣдственной и слезной
Иду изъ бездны водъ извлечь мнѣ видъ любезной,
Надъ нимъ потоки слезъ, всю кровь мою пролить,
И естьли льзя, моимъ стенаньемъ оживить.

ТЕРЕЙ.

Опомнися Линсей, что дѣлать предприемлешь.

ЛИНСЕЙ.

Что мнѣ внушаетъ страсть.

ТЕРЕЙ.

Ты должности не внемлешь.
Помысли: чемъ своей обязанъ ты странѣ.

ЛИНСЕЙ.

Коль Филомелы нѣтъ, ничто не нужно мнѣ.
Но ахъ не то гласитъ предчувство мнѣ сердечно:
Она жива, и я сыщу ее конечно.
Моря, пустыни, весь пройду пространной свѣтъ.
И сердце до нее Линсея доведетъ.
Лишь сердцу одному толь важной путь ввѣряю,
И тщетно одного шага не потеряю.
А естьли, вобразя сїе я трепещу.
А естьли на земли ее я не сыщу;

Нося

Нося мученія смертельну въ сердцѣ стрѣлу,
Я въ самый сниду адъ искати Филомелу.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТЕРЕЙ и АГАМЕТЪ.

ТЕРЕЙ.

Изчезни нѣжныя природы въ сердцѣ гласъ,
Уже ли Агаметъ исполнилъ мой приказъ?

АГАМЕТЪ.

Близь града, въ зданіяхъ разрушенныхъ на части
Сокрылъ я добычу твоей нещастной страсти.
И Филомела тамъ потоки слезны льетъ.
Но государь внемли наперсника совѣтъ.
Воспомни честь, законъ; тронись Царицы стономъ.

ТЕРЕЙ.

Не внемлю стоновъ я и чту любовь закономъ,

АГАМЕТЪ.

Забудь любьви своей нещастливой предметъ.
Забудь Княжну. . . .

ТЕРЕЙ.

Чего ты хочешь Агаметъ!

АГАМЕТЪ.

Того что честь тебѣ и долгъ повелѣваетъ,
Или опасности Терей непонимаетъ?

Въ которую его влечетъ жестока страсть?
Страшись ужъ надъ тобой гремитъ небесна власть.
Ты въ тайнѣ сохранить свои пороки мыслишь.
Скажи мнѣ въ чемъ сію надежду ложну числишь?
А естьли таинство сіе узнаетъ свѣтъ,
Какой ему тогда, какой ты дашь отвѣтъ?
Фракіянъ знаешь ты и самъ тому свидѣтель.
Колико имъ всегда священна добродѣтель,
Такъ могутъ ли они въ Царѣ тиранна зрѣть,
И варварствы его безъ ропота терпѣть?
Народъ, жена, отецъ, любовникъ, разъяренны,
Всѣ грянутъ на тебя отмщеньемъ съединенны,
И вырвутъ съ скипетромъ Княжну изъ слабыхъ рукъ.

ТЕРЕЙ.

Престань; и ахъ не множь моихъ жестокихъ мукъ,
Я самъ предвижу всѣ тобой реченны бѣдства;
Предвижу пагубной любви ужасны слѣдства.
Я знаю что иду противу естества;
Блистаетъ надо мной мечь гнѣвна божества
Грызенье совѣсти . . . уже я уныва́ю.
Нѣтъ я люблю . . . и все другое забываю.

Страстей

Страстей и разума во бѣдственной борьбѣ.
Лишь Филомелу въ мысль представлю я себѣ.
Черты ея меня любовью вновь пронзаютъ;
Изчезнутъ ужасы и бѣдствы изчезаютъ.
Нѣтъ страховъ гдѣ любовь одна горитъ въ крови.

АГАМЕТЪ.

Но чемъ ты можешь льстить себя въ своей любви?
Когда Княжна ее съ презрѣньемъ отвергаетъ.

ТЕРЕЙ.

Любовь препятствами живетъ и возрастаетъ.
Я гордую сію тиранку покорю.
Упрямство ласкою иль гнѣвомъ усмирю;
Потомъ безъ ужаса готовъ вкусить напасти.
Я всемъ пожертвую своей жестокой страсти.

АГАМЕТЪ.

Ты любишь; а ее тебѣ не жалокъ стонъ.
Тобой безъ ужаса сразится Пандіонъ;
И ты безъ жалости взираешь на Прогнею,

ТЕРЕЙ.

Ахъ! нѣтъ мой другъ, она еще мила Терею.
Я вижу тѣже въ ней красы что прежде зрѣлъ;
И естьлибъ страстью я порочной не горѣлъ.
Ябъ можетъ быть еще плѣнялся ею болѣ;—
Но я . . . я самъ въ своей уже не властенъ волѣ.

Она пошла боговъ во храмѣ призывать.
Мой другъ иди и тщись во градѣ наблюдать,
Не открывается ль поступокъ мой народу?
И предваряй молвы ужасны непогоду.

АГАМЕТЪ.

Смятеніе сіе весь духъ во мнѣ дивитъ,
Кто таинство сіе дерзнетъ открыть . . .

ТЕРЕЙ.

Мой видъ.
Злодѣйствамъ чья душа и сердце чье причастно,
Въ глазахъ и на лицѣ начертано то ясно.
Порокомъ омраченъ и бѣдственно любя;
Когда возмню взять видъ спокойный на себя;
Притворствомъ замѣнять природы не умѣя,
Мой омраченный взоръ явитъ во мнѣ злодѣя.

Конецъ первыго дѣйствія.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФИЛОМЕЛА и ЛИНСЕЙ.

ФИЛОМЕЛА.

Уже ли всѣ прошли опасности? . . . Линсей
Скажи: увижусь ли съ сестрою я моей?
Скончай, скончай мое съ Прогнеей разлученье:
Въ ея объятіяхъ пройдетъ мое мученье.

ЛИНСЕЙ.

Престани трепетать, любезная Княжна:
Ты болѣ ничего страшиться не должна.
Отвергни кровь твою волнующи боязни.
Злодѣи дерзкіе вкусили лютость казни;
Стремяся сокрывать тебя отъ глазъ моихъ.
Со низостью ихъ душъ сравнилась робость ихъ.
И домъ назначенный тебѣ отъ нихъ темницей,
Свирѣпымъ стражамъ симъ сталъ мрачною гробницей,
Но что вѣщаетъ твой тоской смущенной видъ?
Иль новый жребій твой тебя не веселитъ?
Оставь уныніе, прерви свой стонъ всечасной.
И радость не мѣшай мою съ тоской ужасной!

Ты

Ты плачешь ... ахъ открой вину стенанїй
сихъ.
Иль буду я однихъ свидѣтель слезъ твоихъ?
Хранишь молчанье ты ... слова мои напрасны.

ФИЛОМЕЛА.

Позволь сокрыти мнѣ бѣды свои ужасны.
Вѣщая ихъ тебѣ я сердце поражу,
Что я нещастлива, одно лишь то скажу.
Въ слезахъ моихъ Линсей ты ето видишь
ясно.
Но таинство познать стремишся ты на-
прасно?
Оно не истребя въ тебѣ тоски твоей,
Во грудь твою вползетъ грызущею змїей.
Почтожъ нарушить тѣмъ покой ты свой
желаешь?

ЛИНСЕЙ.

Напрасно ты меня спокойнымъ почитаешь...
Не зная мукъ твоихъ, я въ сердцѣ ихъ тер-
плю ..
Довольно знать мнѣ то, что я тебя люблю,
Дабы возчувствовать въ груди мученьи люты,
Которыя тебя тягчатъ въ сїи минуты.
Сокрывъ вину тоски и горести своей,
Не мни чтобъ отъ тово щастливѣй былъ
Линсей ..

Ты

Ты рвешся грустїю . . . Ты стонешь . . Ты нещастна . . .
И мнѣ судьба моя противна и ужасна . .
Ахъ! ты ли предо мной страдая и стеня . . .
Скрываешь таинство ужасно отъ меня.
Воспомни тѣ часы драгая Филомела,
Когда передо мной ты таинствъ не имѣла.
Скажи, чтобы прервать толь лютую тоску.
На всѣ погибели я въ свѣтѣ потеку.

ФИЛОМЕЛА.

Такъ ты желаешь знать вину печали сей . .
Познаешь . . . Но страшись, познавъ ее Линсей.
Желаньемъ симъ себѣ ты горести наносишь,
И ядовитыхъ стрѣлъ во грудь свою ты просишь . . .
Познай . . . но гдѣ сестра нещастная моя . .
Вину тоски тебѣ предъ ней открою я
Въ семъ бѣдствїи на насъ посланномъ небесами
Она нещастна такъ, какъ мы нещастны сами.
Едины горести одинъ мученїй ядъ,
Для нашихъ страждущихъ сердецъ готовилъ адъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 2.

ФИЛОМЕЛА, ЛИНСЕЙ и ПРОГНЕЯ.

ПРОГНЕЯ.

Нѣтъ . . . безъ сестры себя . . . и свѣтъ я ненавижу . .
Но рокъ! не тѣнь ли я Княжны сей бѣдной вижу.

ФИЛОМЕЛА.

Прогнея предъ тобой сама сестра твоя . . .
Въ объятьяхъ нѣжныхъ сихъ познай, познай ся.

ПРОГНЕЯ.

Не сонъ ли чувствія смятенны обольщаетъ;
И въ привидѣніи тебя мнѣ возвращаетъ?
Или дошли мои моленьи къ небесамъ . . .
Могуль повѣрить я и сердцу и глазамъ?
Сестра любезная . . . драгое возвращенье!
Себя теряю я въ приятномъ восхищеньѣ . . .
Не вѣрю чувствамъ я . . . Ахъ, естьли ето сонъ! . .
Дай небо чтобъ во вѣкъ не нарушался онъ . .

ФИЛОМЕЛА.

Спокойся . . . и готовь свой духъ къ напастямъ новымъ.

ПРОГНЕЯ.

Какимъ вѣщаніемъ меня разишь суровымъ.
Ахъ!

Ахъ! сердцу моему опасностей ужъ нѣтъ ...
Тебя теряючи, теряла я весь свѣтъ . . .
Но боги . . . прекратя свирѣпыхъ волнъ стремленье.

ФИЛОМЕЛА.

Оставь нещастная свое ты заблужденье . .
Прогнея . . Ахъ! скрѣпи свою смятенну грудь . .
Скрѣпи . . . и перенесть ударъ готова будь . .
Я вижу что меня здѣсь мертвой почитали . .
И баснь сію уста Тереевы сплетали : . .
Но знай что варваръ сей презря закона гласъ.
Во мглу безчестія хотѣлъ низвергнуть насъ.
Мы имъ обмануты . . . Ты плачешь . . Ахъ Прогнея!
Сестру нещастну зрѣть желаніе имѣя,
Ты мнилаль тѣмъ сгубить покой цвѣтущихъ дней . . .
И мыслилаль найти совмѣстницу ты въ ней . .

ПРОГНЕЯ.

Немилосердый рокъ! . . . супругъ неблагодарной . . .
Такъ я оставлена тобой Терей коварной . . .
И клятвы всѣ его

ФИЛОМЕЛА.

Единый лишь обманъ! . . .
Измѣнникъ онъ тебѣ сестры твоей тиранъ.

ЛИНСЕЙ.

Открылось все! ПРО-

ПРОГНЕЯ.

О верхъ лютѣйшаго мученья!
Но въ стонахъ ли искать должна я облегченья?
Оставь уныніе мою смятенну грудь:
Откроемъ лютому тирану въ тартаръ путь.
Наполни адъ меня ты злостію своею.
Любить умѣла я ... явимъ что мстить умѣю.
Рази меня сестра ударомъ страшнымъ вновь.
Рази . . . вѣщай его порочную любовь.
Вѣщай какъ образъ мой изъ сердца исторгая;
Какъ въ бездну онъ себя пороковъ низвергая;
Дерзнулъ нарушить все: любовь, законы, честь.
Умножь отчаянной супруги страшну месть,
Разлей сей мести ядъ въ Прогнеиной утробѣ.
Представь мнѣ варвара во всей его ты злобѣ: . . .
Измѣну лютую подробно опиши . . .
Представь стремленіе злодѣйскія души . .
Поступки, взоры, стонъ, обманы всѣ исчисли..
Открой коль можешь ты его ужасны мысли..
Открой и трепещи сего плачевныхъ слѣдствъ..
Разсыплю надъ его главой я тучи бѣдствъ.
Прибѣгну ко жрецамъ, къ вельможамъ, ко народу . . .
Воздвигну на него и тартаръ и природу.

До

До самой низости въ свирѣпствѣ я дойду . . .
И мщеніемъ его злодѣйство превзойду.

ФИЛОМЕЛА.

Воспомни время то желанное тобою . . .
Когда прибылъ отсель въ Аѳины онъ за мною . . .
Лишъ я съ отцемъ моимъ предстала предъ него. —
Свирѣпымъ пламенемъ вспылала грудь его.
Смущенъ, оторопленъ открыть себя не смѣя . .
Спѣшилъ разлукой онъ моей съ отцемъ скорѣя.
Меня онъ именемъ твоимъ просилъ стеня,
Чтобъ съ прозьбами его свои соединя;
Просила у отца къ пути я позволенье.
Моглаль отвергнуть я сестры своей прошенье?
И наконецъ насталъ сей преужасный часъ,
Которой разлучилъ со Пандіономъ насъ.
Измѣнника словамъ отецъ нещастный внемля
Насъ велъ на корабли — и варвара объемля,
Сказалъ: тебѣ мой другъ ее вручаю я.
Ты видишь сколько мнѣ любезна дочь моя.
Ахъ возврати ее ты взорамъ Пандіона
И дай чтобъ я сходя во гробъ со пышна трона
Насытиться ея присудствіемъ возмогъ
Послѣдній испустя въ ея объятьи вздохъ! „

Я землю и отца въ глазахъ теряя вскорѣ,
Со всѣхъ узрѣла странъ сомкнуто съ небомъ
море.
И похититель мой поступокъ премѣня
Съ смущенной радостью безсильну зрѣлъ
меня.
Онъ взоромъ на меня свирѣпымъ устремлялся
И мысленно своей добычей наслаждался.
Я побѣдилъ, сказалъ онъ гордо наконецъ,
И нашихъ ужъ ничто не разлучитъ сердецъ.
Такою рѣчїю какъ громомъ пораженна,
Желала я чтобы погибла вся вселенна;
И помощи себѣ просила у небесъ,
Лїя источники въ своей напасти слезъ;
Но небо дало намъ свершить сей путь ужа-
сный,
Тогда со кораблей повлекъ сей варваръ стра-
стный,
Меня трепещущу въ ужасный, мрачный лѣсъ,
Сквозь коего верхи невидимъ свѣтъ небесъ.
Во мракѣ тамъ была воздвигнута темница
Къ жилищу мнѣ сїя назначена гробница.
Гдѣ сжалясь небеса на стонъ плачевной мой
Свободу дали мнѣ Линсеевой рукой . . .
За тѣмъ чтобы страдать съ тобою въ лютой
долѣ.

ПРОГНЕЯ.

Довольно ... ничево мнѣ знать не нужно болѣ ..

Съ

Съ порочныхъ дѣлъ его личина сорвана . . .
Мученье, казни имъ — достойная цѣна . . .
Но небо что я зрю . . . Терей сюда вступаетъ . . .
И видъ его еще нещастную плѣняетъ . . .
Могу ли я забыть что сей противной взглядъ
Мнѣ въ сердце прежде лилъ любви приятной ядъ.
Его душа . . . она плѣненна ужъ иною . . .
О! злоба обладай во всемъ свирѣпствѣ мною.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ТЕРЕЙ, ПРОГНЕЯ, ФИЛОМЕЛА и ЛИНСЕЙ.

ТЕРЕЙ.

Спокой свой томной духъ Прогнея . . . и скрѣпись . . .
Что вижу небо я? . . .

ПРОГНЕЯ.

Тиранъ остановись,
И мнѣ желая дать въ напасти утѣшенье,
Не умножай мое лютѣйшее мученье.
Не утѣшеніе мнѣ нужно отъ тебя:
Въ злодѣйствахъ оправдай гнуснѣйшихъ ты себя.
Познай злодѣй что все открыто предо мною.
Увидь сестру мою гонимую тобою;

Которой вспламенясь порочно ты на вѣкъ,
Жилищемъ мрачную темницу ей нарекъ,
Чтобъ ею жертвовать своей тиранской страсти.
Се жертва изъ твоей исторгнутая власти.
При ней самой, при ней себя ты оправдай . . .
И въ ярости моей отмщенья ожидай . . .

ТЕРЕЙ.

Прогнея . . . небеса . . . какое оправданье
Терея уменьшить возможетъ злодѣянье!

ПРОГНЕЯ.

Ты не отвѣтствуешь, но твой смятенной видъ-

ТЕРЕЙ.

Твое сомнѣніе весь духъ во мнѣ мутитъ.
Иль тщетной робости своей сестры ты внемля
И страстію мое намѣренье пріемля . . .
Чтобъ сильной радостью сердецъ не всколебать . . .

ФИЛОМЕЛА.

Напрасно варваръ ты стараешся скрывать,
Огнь злыми фурьями въ груди твоей рожденный;
Движеньемъ коего, твой духъ ожесточенный
Жилищемъ мнѣ нарекъ обители звѣрей.

ТЕРЕЙ.

О небо я открытъ; се плодъ любви моей!. .

ПРОГ-

ПРОГНЕЯ.

Храни молчаніе жестокой мой мучитель;
Твое молчаніе есть твой изобличитель.
Порочной страстію свой духъ воспламеня,
Не тщися увѣрять ты болѣе меня.
Тебѣ не внемлю я . . . безсильному тирану,
Прилично прибѣгать къ пронырствамъ и обману.

ТЕРЕЙ.

Когда передъ тобой открыта страсть моя;
Скрываться не хочу въ сей страсти болѣ я.
Познай въ моей груди горящій огнь суровый:
Познай что я ношу позорныя оковы;
Оковы лютыя, которыхъ тяготу,
Мученьемъ сердцу я и сладостію чту.
Что въ нихъ порочень я, я все то ясно вижу;
Любя сестру твою, себя я ненавижу.
Кляни любовь мою Прогнея, ты кляни;
Судьбу, боговъ, меня, что хочешь ты вини.
Терзай меня и рви мое ты сердце злобно.
Мнѣ страсти премѣнить жестокой не удобно.
Отмсти нещастная Терею ты, отмсти;
Но сердца премѣнить его себя не льсти.
Карай меня, и будь моихъ ты мукъ свидѣтель.
Я все презрѣлъ, законъ, тебя и добродѣтель:
Тебя, котора мнѣ милѣй души была;
Которая еще и нынѣ мнѣ мила . . .

Нѣтъ, нѣтъ я льщу тебѣ нещастная супруга.
Люблю тебя, люблю; но, ахъ! люблю какъ друга.
Все для тебя вѣнецъ, и жизнь пренебрегу;
Но сердца возвратить тебѣ я не могу.

ПРОГНЕЯ.

Какимъ ударомъ грудь жестокой мнѣ пронзаешь!
Не можешь! . . . и сіе сказать ты мнѣ дерзаешь!
Или меня Терей своей рабою чтить?
Но скоро мысль сію невѣрный премѣнишь,
И узришь что съ тобой возсѣдши на престолѣ,
Не съ тѣмъ возсѣла я чтобъ быть въ твоей неволѣ.
И естьли презрѣна тобой твоя жена;
Такъ можетъ и тебя равно презрѣть она.
Но не презрѣніемъ тебѣ отмщать я стану:
Собраньемъ надъ тобой я бѣдствъ ужасныхъ гряну.
Не льстись тиранъ узрѣть еще сестру мою:
Ее супругою Линсею отдаю;
А ты отъ глазъ ея на вѣки удаленный,
Супругой и своей любовницей презрѣнный,

Въ тоскѣ, въ отчаяньи кляни меня, весь свѣтъ,
Страдай, стени, томись, и жди ужасныхъ бѣдъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ТЕРЕЙ и ЛИНСЕЙ.

ТЕРЕЙ.

Прогнея ... ахъ постой ... жестокая Прогнея!
Ты съ Филомелой жизнь отъемлешь у Терея,
Вселяя въ сердце мнѣ соборъ лютѣйшихъ мукъ;
Но нѣтъ я изъ твоихъ ее изторгну рукъ.
Пойдемъ; влеки меня, мой духъ преогорченный;
Влеки во слѣдъ . . .

ЛИНСЕЙ.

Постой тиранъ ожесточенный;
Постой, нельстись свое свирѣпство совершить;
Ты долженъ напередъ Линсея умертвить,
Иль положить своей жестокости предѣлы.
Познай любовника гонимой Филомелы.
Мое отмщеніе . . .

ТЕРЕЙ.

Оно не важно мнѣ:
Терей, а не Линсей Монархомъ сей странѣ.

ЛИНСЕЙ.

Кто злодѣяніемъ корону помрачаетъ,
Въ число Монарховъ тотъ вотще себя включаетъ;
Всѣ титлы вымыслы, лишъ истинна свята:
Монархъ такой какъ ты, есть трона тягота.
Взгляни коликихъ бѣдъ ты нынѣ сталъ содѣтель;
Суди свои дѣла, и будь имъ самъ свидѣтель:
Достойны ли они владѣтеля вѣнца.
Ты дочь невинную похитя отъ отца,
Хотѣлъ на вѣкъ ее съ нимъ разлучить обманомъ,
И сдѣлался ея мучителемъ, тираномъ;
Ты страстью къ сей Княжнѣ позорною горя,
Забылъ что клялся ты у вышнихъ олтаря;
Прогнѣ вѣрнымъ быть, ее любить на вѣки.

ТЕРЕЙ.

Оставь, надмѣнный врагъ, толь гордые упреки,
И сердца моего не тщись ожесточить;
Не льстись супругою Княжну ты получить;
Со Филомелою не льстись соединиться:
Съ богами за нее Терей дерзнетъ сразиться.
Не дамъ совмѣстнику гордиться надъ собой;
И естьли злобною назначено судбой,

Чтобъ

Чтобъ Филомелою не могъ владѣть я вѣчно;
Такъ и своей ее не узришь ты конечно.
И естьли мнѣ пути надеждой льститься нѣтъ;
Сражу любезный видъ во дни цвѣтущихъ лѣтъ.
Коль должно будетъ мнѣ, отъ страсти духъ избавлю;
Но мщенья лютый ядъ на вѣкъ въ груди оставлю.
Губи надежды тѣнь, стени какъ я стеню:
Я скоро въ гробѣ съ ней тебя соединю.
Увидь изъ глазъ моихъ грядущу злу минуту,
И не на бракъ во храмъ, на смерть готовся люту

ЛИНСЕЙ.

Свирѣпство въ грудь свою и злобу вкореня;
Похить Княжну тиранъ съ душою у меня:
Твоей любви сія полезна будетъ жертва;
Умри или меня въ сей часъ повергни мертва.

ТЕРЕЙ.

Довольноль небеса я наглостей терпѣлъ!
Умри, когда сего нещастной ты хотѣлъ.

[Терей и Линсей обнажаютъ мечи и бросаются другъ на друга; тогда входитъ Калхантъ.]

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТЕРЕЙ, ЛИНСЕЙ и КАЛХАНТЪ.

КАЛХАНТЪ.

Постойте слабые рабы свирѣпой злобы:
Кого стремитесь вы ввергать во мрачны гробы?
Забылись что принявъ названіе Царей,
Вы жизнью жертвовать клялись у олтарей,
Отмщенію боговъ и щастію народа?
Скажите, кѣмъ дана къ свирѣпству вамъ свобода?

ТЕРЕЙ.

Но рабствомъ никому Калхантъ не долженъ я.

ЛИНСЕЙ.

Твои свирѣпости . . .

КАЛХАНТЪ *(къ Линсею.)*

Оставь ты съ нимъ меня.

ЛИНСЕЙ.

Покоренъ волѣ я священническа сана;
Но приведенъ на гнѣвъ злодѣйствами тирана,
Не мни чтобъ мщеніемъ умедлилъ я моимъ:
Иль онъ погибнетъ мной, иль я погибну имъ.

ТЕРЕЙ.

Льзяль гордость мнѣ сію терпѣть безъ униженья.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 6.

КАЛХАНТЪ и ТЕРЕЙ.

КАЛХАНТЪ.

Постой... ты гордости готовишь пораженья.
Но можешь ли скажи стремясь карать другихъ,
Себя невиннымъ счесть въ поступкахъ ты своихъ.
Отвѣтствуй предо мной, предъ совѣстью своею:
Порочный можетъ ли другимъ быть судіею?

ТЕРЕЙ.

Что хочешь ты сказать значеньемъ дерзкихъ словъ?

КАЛХАНТЪ.

Что ты злодѣйствами воздвигнулъ гнѣвъ боговъ;
Что въ ужасѣ они твоимъ порокамъ внемлютъ,
И стрѣлы пламенны карать тебя приемлютъ.

ТЕРЕЙ.

Я зрю что весь тебѣ поступокъ мой открытъ;
Но чемъ себя Калхантъ въ своихъ успѣхахъ льститъ.
Я имя на себя злодѣя возлагаю;
А ставъ злодѣемъ я, весь свѣтъ пренебрегаю.

Иль

Иль лютостью боговъ меня страшить ты мнишь;
Но душу ты мою еще не прямо зришь:
Себѣ мученье я во всѣхъ предмѣтахъ вижу,
И въ томъ что я люблю, и въ томъ что ненавижу.
Довольно совѣсти имѣть хоть слабый гласъ,
Чтобъ тартаръ чувствовать мнѣ въ сердцѣ всякой часъ.
Но естьли ни богамъ ни совѣсти не внемлю,
Порочныхъ славой дѣлъ стремясь наполнить землю;
Что мыслишь произвесть ты рѣчїю своей?
Едину злость въ душѣ встревоженной моей.
Калхантъ! я рабъ страстей, ты подданный Терея,
Я варваръ, я тиранъ: страшись сего злодѣя:
Не защититъ тебя ни санъ, ни древность лѣтъ.

КАЛХАНТЪ.

Терей! для твердыхъ душъ на свѣтѣ страховъ нѣтъ.
Вѣщать мнѣ истину мой санъ повелѣваетъ
Хоть Царь, хоть низкїй рабъ законы преступаетъ.
Не долженъ трашить я къ спасенью ихъ часа;
Не я, но мной тебѣ вѣщаютъ небеса.

Будь

Будь волѣ ихъ святой внимая мнѣ покоренъ.
А естьли во страстяхъ толико ты упоренъ,
Что истинны тебѣ любезный прежде видъ,
Твой развращенный духъ и сердце тяготитъ;
Когда слова мои внимаешь ты съ мученьемъ,
Отъ словъ сихъ трепещи . . . и угрожай отмщеньемъ.
Покрывъ вѣнцемъ чело возсѣлъ ты здѣсь на тронъ.
Хранить, не нарушать божественный законъ.
Когда порфирою, величьемъ ты облекся,
Отечества отцемъ, врагомъ злодѣйствъ нарекся;
И предъ народомъ въ томъ ты храмѣ клятву далъ:
Я именемъ боговъ ту клятву принималъ;
А нынѣ страстію порочной омраченный,
Супружества обѣтъ нарушилъ ты священный.
Твой потопленный духъ страстей во глубинѣ,
Забывъ что долженъ быть примѣромъ сей странѣ;
Отъ добродѣтели взоръ мрачный отвращаешъ;
Онъ подданныхъ сердца собою развращаетъ,

И должный трепетать передъ твоимъ лицемъ
Порокъ, убѣжище находитъ подъ вѣнцемъ.
Открой закрытыя свои страстями очи:
Надъ тронномъ разпростертъ твоимъ, мракъ адской ночи.
Гонима истинна, пуская къ небу стонъ;
Оставила тебя, твой дворъ и пышной тронъ.
Змїи шипящїя обманомъ гнусной лести
Ползутъ занять мѣста, назначенныя чести;
И окружа тебя, льютъ въ сердце лести ядъ;
Чтобъ усыпленнаго низвергнуть въ мрачный адъ.
Смерть злая на тебя мечь лютый изострила;
Разверзтая земля дно тартара открыла;
И мановенїя потребно лишъ небесъ,
Чтобъ съ шумомъ отъ земли на вѣки ты изчезъ;
И палъ во адскїя пылающїя рѣки,
Страдать въ отчаяньѣ неизмѣримы вѣки.
Еще ли медлишь ты разкаянье принесть?
Искореняй любовь, доколѣ время есть,
И не сраженъ доколь ты гнѣвомъ вышнихъ грозно:
По смерти каяться мучительно и поздно.
Пролей предъ вышними раскаянїя стонъ:
Изъ ада до небесъ не достигаетъ онъ.

ТЕРЕЙ.

ТЕРЕЙ.

Произнесенное не сердцемъ покаянье,
Въ устахъ преступника, есть ново злодѣянье.
Мой духъ злодѣйствами отъ неба отдаленъ;
Не волѣ разума, но сердцу покоренъ,
Не смѣетъ изрещи именъ всевышнихъ болѣ;
Спасенья я себѣ не вижу ни отколѣ.
Почто мнѣ сплетать предъ олтарями лесть?
И что могу своимъ стенаньемъ произвесть?
Мнѣ сердца премѣнить всевышніе не могутъ.
Инымъ уже ничемъ Терею не помогутъ!...
Къ чемужъ напоминать въ стенаньяхъ имъ моихъ,
Что есть преступникъ злой противный волѣ ихъ?
Къ тому ль чтобъ ускорить моею казнью злою?...
Она и безъ того свершится надо мною!
Я слышу въ страждущей груди предчувства гласъ.
И можетъ быть живу уже послѣдній часъ;
Но естьли въ немъ свершу намѣренія люты;
Не пожелаю жить я долѣ ни минуты.
О рокъ! единаго часа себѣ прошу;
Потомъ безъ трепета я казни всѣ вкушу;

Но

Но прежде нежели низвергнуся въ геенну,
Заставлю трепетать я дѣлъ своихъ вселенну.
Ты смертью мнѣ грозишь; но тыбъ Калхантъ
узрѣлъ,
Что духъ отчаянный, въ единый часъ успѣлъ.

КАЛХАНТЪ.

Страшись тиранъ, страшись своей жесто-
кой страсти,
Готовы надъ тобой разсыпаться напасти.
Уже надъ домомъ симъ разверзлись небеса;
Страшись отмщенія свирѣпаго часа.
Разверзлась подъ тобой неизмѣрима бездна,
И стрѣлы въ грудь твою летятъ со круга
звѣздна;
Уже въ дали отъ нихъ я слышу ярый громъ.
Колеблется съ тобой, падущій въ тартаръ
домъ.
Спасай себя, спасай; мнѣ быть съ тобой ужасно.
(Уходитъ)

ТЕРЕЙ.

Влеки во адъ меня стремленіе нещастно;
Отраду буду тамъ хотя я ту имѣть,
Чтобъ къ мучащимъ меня взаимной злобой
шлѣть;
А здѣсь... теряю жизнь когда то воображаю;
А здѣсь я мучимъ той, котору обожаю.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ТЕРЕЙ и АГАМЕТЪ.

ТЕРЕЙ.

Тиранка чувствъ моихъ! жестокая любовь!
Рви сердце, возмущай тобой вспаленну кровь!
Наполни грудь мою своимъ свирѣпымъ ядомъ;
Будь фурїей моей и дѣлай свѣтъ мнѣ адомъ.
А ты, для коей я весь свѣтъ пренебрегалъ,
Жену, законъ, боговъ, себя позабывалъ;
Страшись отмщенїя души жестокосердой,
Въ любови пламенной, въ свирѣпой злобѣ твердой.
Уже не образъ твой, мнѣ твой прїятенъ стонъ.
Изторгну изъ тебя твой духъ надменный вонъ.

АГАМЕТЪ.

Словами ты меня какъ громомъ поражаешь!
Чемъ Филомелѣ ты въ свирѣпствѣ угрожаешь?
Или любовь. . . .

ТЕРЕЙ.

Любовь! . . . ея въ семъ сердцѣ нѣтъ:
Въ немъ фурїй не любовь . . . содрогнись Агаметъ

Когда злодѣйства я тебѣ мои открою . . .

АГАМЕТЪ.

Злодѣйства государь? прилично ли герою! . . .

ТЕРЕЙ.

Не унижай сего названья мною ты:
Во мнѣ геройства нѣтъ, ни тѣни, ни черты.
Гоня невинность я ея страшуся взгляда:
Я варваръ, я тиранъ, я извергъ мрачна ада,
Пренебрегая все что здѣсь святаго есть,
Долгъ брата, долгъ отца, долгъ мужа, славу, честь;
Презря назначенны родствомъ любви предѣлы;
Я похититель вновь нещастной Филомелы.

АГАМЕТЪ.

О небо!

ТЕРЕЙ.

Я извлекъ ее изъ здѣшнихъ стѣнъ;
Но не любовїю, отмщеньемъ воспаленъ.
Когда вошла во храмъ жестокая Прогнея,
Просити можетъ быть погибели Терея,
Предъ Филомелу я предсталъ тогда стеня;
Она съ презрѣнїемъ взирала на меня.
Я рвался, и въ тоскѣ лилъ слезъ горчайшихъ реки;
Она съ надмѣнїемъ чинила мнѣ упреки.

Тогда

Тогда отчаянье, свирѣпство, мщенье, гнѣвъ
Во мнѣ вспылали вдругъ, и я разсвирѣпѣвъ
Во злобу превратилъ любовь свою нещастну,
И влечь велѣлъ ее въ темницу преужасну...
Въ темницу, гдѣ ее мученіямъ предамъ;
Она ей будетъ адъ, я въ немъ созижду храмъ.
Тамъ буду стонами свирѣпой утѣшаться;
Ея страданьемъ жить, слезами насыщаться.

АГАМЕТЪ.

Возможно ли имѣть тирански толь мечты!
Ахъ нѣтъ не сдѣлаешь сего злодѣйства ты!
Святая истинна...

ТЕРЕЙ.

Не говори ни слова:
Терею ничево на свѣтѣ нѣтъ святова.
Любовь, которой умъ преодолѣть не могъ;
Вотъ сердца моего единый только богъ.

АГАМЕТЪ.

Страшись Линсеева достойнаго отмщенья.
Въ комъ станешь ты себѣ искати защищенья,
Когда мечи ево во градѣ загремятъ?

ТЕРЕЙ.

Линсей!... уже готовъ ему смертельный ядъ.

Совмѣстникъ лютой мой съ мученіемъ увянетъ,
И сердца завистью терзать во мнѣ не станетъ.
Уже блеститъ надъ нимъ лучъ пламенной косы.
Сей день влечетъ съ собой послѣдніе часы,
Которые ему на свѣтѣ жить остались.

АГАМЕТЪ.

А чувства ярости въ тебѣ не колебались;
Когда убійцею ты самъ себя нарекъ;
Сплетая изъ злодѣйствъ гнуснѣйшихъ низкій вѣкъ.
Не узнаю въ тебѣ я болѣе Терея.

ТЕРЕЙ.

Въ Тереѣ видишь ты лютѣйшаго злодѣя.
Престань надѣяться влїять мнѣ въ душу свѣтъ.
Оставь меня моимъ порокамъ Агаметъ;
Я ихъ искоренить изъ сердца неудобенъ.
Разторгнемъ дружество: я къ дружбѣ неспособенъ.
Любовь есть спутникъ мой, иду во слѣдъ за ней;
А ежели паду; жалѣй о мнѣ, жалѣй!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТЕРЕЙ, АГАМЕТЪ и ПРОГНЕЯ (*бѣгаетъ въ отчаяніи.*)

ПРОГНЕЯ.

Сестра любезная! . . . но тщетно духъ мой рвется!
Какъ въ дебряхъ голосъ мой безплодно раздается.
Всѣ Тигры въ сихъ мѣстахъ, одна страдаю я,
Тиранъ отвѣтствуй мнѣ: живаль сестра моя?
Страшись послѣдовать своей злодѣйской страсти,
И содержать Княжну въ своей ужасной власти;
Страшись упрямствовать ты въ лютости своей.
Я въ жертву все предамъ свирѣпости моей;
Народу варварства я всѣ твои открою,
Слезами олтари я въ жалобахъ омою,
Стенаньемъ возмущу сердца твоихъ рабовъ,
Воздвигну на тебя и тартаръ и боговъ;
И узришь предъ собой ты гибели повсюду;
Я тысящи смертей тебѣ готовить буду,
И первая пролью твою злодѣйску кровь.

ТЕРЕЙ.

На гнѣвъ роптаніемъ меня ты нудишь вновь.

Твои упреки мнѣ несносны становятся:
Иль мнишь что я рожденъ угрозъ жены бояться;
И долженъ ли за все отвѣтствовать я здѣсь?
Уходъ твоей сестры смущаетъ духъ мой весь;
Но вѣрь что я тому нимало не виною.

ПРОГНЕЯ.

Не мни притворствовать тиранъ передо мною,
Твой взоръ, твои слова, движеньи, всѣ черты;
Все кажетъ что мою сестру похитилъ ты.
Сей тусклой, злобной взглядъ, порокомъ утомленной,
Спирающейся духъ въ груди твоей надменной,
Произносимыя стенанїи тобой,
Твое смущенїе, и самый трепетъ твой;
Довольно кажутъ мнѣ твои злодѣйства мрачны,
И то что ты презрѣлъ священны узы брачны;
Тѣ узы, кои ты взлагалъ предъ олтаремъ.

ТЕРЕЙ.

Не узникомъ на тронъ возшелъ я здѣсь Царемъ.
И естьли будешь ты чинить упреки новы;
Я въ силахъ разорвать толь тяжкїя оковы,
Воспомни то что я владѣтель здѣшнихъ странъ,

ПРОГНЕЯ.

Я помню то что ты души моей тиранъ,
Что

Что ты обманщикъ злой, порочной и коварной,
Врагъ добродѣтели, супругъ неблагодарной;
Я помню то что я тобою презрѣна,
И что тобой моя сестра похищена;
Сестра гонимая свирѣпостью твоею . . .
Терей, увы! не мучь ты насъ разлукой съ нею:
Или нещастный стонъ пріятенъ для тебя?

ТЕРЕЙ.

Спокой нещастная Царица ты себя:
Твой стонъ уже тебѣ помочь не можетъ болѣ;
Скрѣпись и будь судебъ покорна строгой волѣ.
Потоки слезъ лїешь Прогнея ты вотще.

ПРОГНЕЯ.

А ты сїе тиранъ вѣщать мнѣ смѣлъ еще.

ТЕРЕЙ.

Свирѣпства моего не разрушай предѣлы.
Чего ты требуешь? . . .

ПРОГНЕЯ.

Единой Филомелы.
Отдай ее моимъ объятїямъ скорѣй,
И болѣ слезъ моихъ не узришь ты Терей.
Хотя супружества законъ ты преступаешь,
И страстную тобой супругу забываешь;
Хотя измѣна та лїетъ мнѣ въ сердце ядъ;
Хоть ей вкушаю смерть въ минуту я стократъ;

Но я въ груди своей стенанїи сокрою;
Когда уже и симъ тебя я безпокою.
Не мни чтобъ я могла печали превозмочь;
Наперсницей моимъ стенаньямъ будетъ ночь.
Когда спокойнымъ сномъ глаза твои сомкнутся,
Изъ глазъ моихъ тогда слезъ токи пролїются;
И я удерживать свой буду тяжкой стонъ;
Чтобъ томный звукъ его твой не нарушилъ сонъ
Скрѣплюся, часть моя колико ни сурова.
Довольноль для тебя терпѣнїя такова?
Свободу лишъ сестрѣ нещастной ты отдай..
Иль мщенья моего жестокой ожидай.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПРОГНЕЯ, ТЕРЕЙ, АГАМЕТЪ и ЛИНСЕЙ.

ЛИНСЕЙ.

Княжна нещастная!... тираны возвратите,
Отдайте мнѣ ее, иль жизнь мою возмите...
Княжна любезная!... ее со мною нѣтъ!
Со мною нѣтъ ее?... и мнѣ противенъ свѣтъ..
Куда смущенный взоръ я свой ни обращаю,
Вездѣ отчаянье, тоску и смерть встрѣчаю.

Царица

Царица я лишенъ, лишенъ сестры твоей.

ПРОГНЕЯ.

А похититель твердъ въ свирѣпости своей.
Мы сѣтуемъ; а онъ надъ нами торжествуетъ.
Мы плачемъ; онъ на плачъ невинный негодуетъ!
И можетъ быть теперь любовница твоя
Въ неволѣ страждетъ такъ . . .

ЛИНСЕЙ.

О рокъ что слышу я!
Терей! ... но ктобъ сїе ни сдѣлалъ дерзновенно,
Иль жизни долженъ тотъ лишить меня мгновенно;
Иль мщенья трепетать Линсеевой руки.
Съ дыханьемъ изъ меня любовь ты извлеки.
Разрушь плачевныхъ дней теченье смертоносно,
И торжествуй потомъ надъ плѣнницей поносно;
Но до скончанїя моихъ плачевныхъ дней,
Страшись свирѣпости отчаянной моей.
Паду коль воля въ томъ есть вѣчнаго закона;
Но на развалинахъ паду Фракїйска трона.
Страшись! . . . мечемъ моимъ свою я грудь пронжу . . .
Но прежде имъ тебя я мертваго сражу.

ТЕРЕЙ.

Терей на свѣтъ рожденъ страшить, а небоятся:
Мнѣ низко твоего свирѣпства опасаться.

ЛИНСЕЙ.

Толикой гордости причиной твой вѣнецъ;
Но скоро гордости увидимъ сей конецъ;
Не будешь ты своимъ злодѣйствомъ веселиться.

ТЕРЕЙ.

Надменной долженъ самъ отсель ты удалиться.
Но знай что не угрозъ твоихъ я трепещу,
Законы принимать на тронѣ не хощу;
А что не робокъ я, узнаетъ то вселенна.
Узнаетъ въ трепетѣ и самая геенна,
Что страхъ въ моей груди жилища не имѣлъ.
Страшитесь, мнѣ грозя, моихъ жестокихъ дѣлъ.
Приходитъ можетъ быть та грозная минута;
Сотрется какъ змїя меня грызуща люта.
Не къ торжеству въ сей день, готовтесь вы, къ слезамъ.

(Хочетъ итти.)

ПРОГНЕЯ *(удерживая его.)*

Какїе ужасы еще готовишь намъ

Я

Я вѣрю что тебѣ не страшны всѣ угрозы!
Услышь хотя мой стонъ и зри текущи слезы.
[Падаетъ на колѣни]
Увидь у ногъ твоихъ нещастную жену.
Коль то виною чтишь; прости мою вину.
Но ахъ отдай сестру, хоть разъ незлобенъ буди;
Иль вынь стенящей духъ изъ сей томимой груди.
Смущенну стономъ симъ я душу зрю твою
И въ чувствахъ жалости супруга познаю.
Я вижу что тебя страшатъ твои пороки:
Оставь, оставь свои волненїи жестоки;
Оставь, преобори свою смятенну грудь
И отвори очамъ закрытый къ чести путь.
Воспомни и представь Терей мое мученье,
Которымъ я съ тобой въ несносномъ разлученьѣ
Питала грудь мою моча потокомъ слезъ
Стремя свой робкой взоръ на высоту небесъ
Дрожащимъ голосомъ молитвы возсылала,
И именемъ твоимъ молитвы наполняла.
Всегда, во всѣхъ мѣстахъ, у самыхъ олтарей
Прогнеи сердца богъ единый былъ Терей.
Ты прибылъ и за всѣ печали мнѣ въ отраду:
Съ измѣной объявилъ мнѣ смерть мою въ награду.

Раз-

Разрушь, разрушь огонь позорной толь любви;
И чувствы истинны въ себѣ возобнови
Колико ни нанесъ супругѣ нѣжной, муки,
Трепещущи она къ тебѣ возъемлетъ руки;
Съ Линсеемъ съедини любви своей предмѣтъ:
Симъ сердца твоего надежда пропадетъ
И потушишь ты огнь позорный и нещастный

ТЕРЕЙ.

Возстань Царица . . всѣ слова твои напрасны.
Въ иноебъ время ихъ я принялъ за законъ;
Но тамо гдѣ любовь свой утвердила тронъ,
Гдѣ сердце жаръ ея свирѣпой наполняетъ;
Гдѣ чувства, умъ и духъ собой она плѣняетъ:
Гдѣ ею лишь горитъ кипяща въ жилахъ кровь;
Не истинна нужна; нужна одна любовь.
Не мни чтобъ кто съ Княжной возмогъ соединиться:
Прошеньи слабы тамъ, гдѣ власть не можетъ льститься.
Отмщай коль можешь мнѣ, я зрю свою вину.
Кляни меня, кляни, я самъ себя кляну!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ 4.

ПРОГНЕЯ и ЛИНСЕЙ.

ПРОГНЕЯ.

Бѣжитъ и словъ моихъ жестокой неприемлетъ;
Бѣжитъ ни жалобамъ ни горести не внемлетъ.
Влекома страстію и злобою дыша
Стремится къ варварствамъ свирѣпая душа.
Но ахъ сестры моей нещастно вспоминанье
Рветъ томну грудь мою, и множитъ въ ней страданье.
Сестра любезная! что сталося съ тобой?
Я вижу скорбь твою, я слышу голосъ твой.
Въ груди твой стонъ тяжелый раздается.
На сердце горькихъ слезъ источникъ жаркой льется;
А изъ оковъ тебя слаба избавить я.
Въ тебѣ Линсей, въ тебѣ надежда вся моя:
Ты страждешь такъ какъ я лишась твоей любезной;
Ты любишь и любимъ прерви нашъ стонъ ты слезной
Разлуку окончай мою съ моей сестрой
Вступясь за истинну будь истинной герой.

ЛИНСЕЙ.

Не меньше твоего тоска мнѣ грудь терзаетъ,
Мнѣ сердце варварство Тереево пронзаетъ;

И вѣрь, святыней я клянусь на свѣтѣ всей,
Линсей или отмститъ или падетъ Линсей.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПРОГНЕЯ, ЛИНСЕЙ и КАЛХАНТЪ.

КАЛХАНТЪ.

Уже ли протекли свирѣпыя минуты
И пересталиль намъ грозить напасти люты;
Уже ли побѣдилъ врага въ себѣ Терей,
Но стонъ, вашъ тяжкій стонъ достигшій олтарей,
Сей стонъ, которымъ здѣсь колеблются чертоги
Не облегченія сулитъ намъ, бѣдства многи.
И да трепещетъ тотъ, кто будетъ имъ виной:
Царица твой супругъ . . .

ПРОГНЕЯ.

Супругъ! . . . нѣтъ, варваръ мой,
Которой всякой часъ мнѣ томну грудь сражаетъ
И всякой часъ свои свирѣпства умножаетъ.
Калхантъ! надежды всей на вѣкъ я лишена
Княжна невинная имъ вновь похищена.
Наполненъ помысловъ, тиранскихъ думъ ужасныхъ
Не внемлетъ онъ слезамъ очей моихъ нещастныхъ.

И

И зритъ съ веселїемъ скорбь сердца моего.
О рокъ! сестра моя во власти у него.
Мучитель сей своей добычею гордится
И можетъ быть ея страданьемъ веселится.
А боги съ высоты не мещутъ ярыхъ стрѣлъ
А воздухъ ядомъ здѣсь еще не возкипѣлъ;
И не разверзлася земля имъ угнѣтенна,
Чтобъ подавить собой мучителя надменна.

КАЛХАНТЪ.

Сколь злоба имъ гнусна узнаешь скоро ты.
Призрите сильные съ небесной высоты
На злость Тереева на скорбь ея взгляните,
Свой гнѣвъ соединя въ груди моей сомкните;
И дайте ярый громъ Калхантовымъ рукамъ,
Которымъ поражать пороки сродно вамъ;
Да будетъ нынѣ вновь вселенная свидѣтель,
Что въ васъ защитниковъ находитъ добродѣтель.

ЯВЛЕНІЕ 6.

КАЛХАНТЪ, ПРОГНЕЯ, ЛИНСЕЙ и АГАМЕТЪ *(вбѣгаетъ въ отчаянїи, держа въ рукахъ письмо)*

АГАМЕТЪ.

Царица бѣдная! о рокъ! сестра твоя . . .

ПРО-

ПРОГНЕЯ.

Что съ нею сдѣлалось?

АГАМЕТЪ.

Трепещетъ грудь моя . . .
Слабѣетъ голосъ мой . . . возьми сїе посланье,
Оно подастъ тебѣ нещастное познанье,
Невображаемыхъ свирѣпостей уму.

ПРОГНЕЯ.

Какой разлился ядъ по сердцу моему!
(Развертываетъ письмо)
Черты кровавыя руки сестры нещастной я:

ЛИНСЕЙ.

Свирѣпая судьба!

ПРОГНЕЯ.

Видъ сердцу преужасной
Прочтемъ . . . престаньте лить глаза потоки слезъ
И новой дайте мнѣ познать ударъ небесъ.
„Ты видишь кровь мою любезная Прогнея
„Содрогнись и познай . . . свирѣпости Терея . . .
„Чтобы злодѣйствїя свои сокрыть на вѣкъ . . .
„Сей варваръ . . . мой языкъ въ зломъ бѣшенствѣ отсѣкъ„
Немилосердый рокъ . . . стѣсняется дыханье,
Скрывается отъ глазъ небесное сїянье
Зло-

Злодѣйствамъ варвара, слезамъ моимъ внемля,
Трепещетъ подо мной разверзстая земля.
Прости сестра моя! *[упадаетъ въ креслы]*

ЛИНСЕЙ.

Судьбина прежестока!
Что можетъ быть сего мучительнѣе рока!

ПРОГНЕЯ.

Сестра любезная! нещастная Княжна!
Я плачу . . . но тоскаль тебѣ моя нужна;
Нѣтъ; кровь одна твоихъ мучителей поносныхъ
Удобна облегчить мукъ горесть смертоносныхъ.
Пролей рука моя тиранску кровь, пролей,
Жди жертвы сей Княжна отъ ярости моей.
А ты, который былъ ему наперсникъ вѣрной,
Не могъ ли удержать въ немъ злобы сей безмѣрной.

АГАМЕТЪ.

Слаба надъ чувствами Терея власть моя,
И могъ ли предъузнать сіе злодѣйство я.
Когда въ послѣдній разъ я съ нимъ пошелъ отселѣ,
Просилъ его себѣ открыть о Филомелѣ,
Гдѣ онъ Княжну сію нещастную сокрылъ.
Увы! мой духъ себя подать ей помощь льстилъ:

Но прозбамъ симъ не внялъ Терей безчеловѣчный
И болѣе являлъ стремленія сердечны,
Которыми томимъ, терзаемъ и влекомъ
Во злобѣ и въ тоскѣ онъ сей оставилъ домъ.
Путей глаза его заблуждшіе искали,
Отъ ярости изъ нихъ слезъ токи изтекали.
Послѣдовать за нимъ во страхѣ я хотѣлъ,
Но онъ послѣдовать себѣ не повелѣлъ;
И такъ какъ бурный вихрь отъ глазъ моихъ сокрылся,
Въ свирѣпствѣ пущемъ онъ въ чертоги возвратился.
Съ дрожащихъ рукъ его дымяся кровь текла,
Обагренный кинжалъ рука его влекла;
Въ груди какъ будто бы имѣя остры стрѣлы
Онъ рвался, и твердилъ названье Филомелы.
Сей видъ, ужасный видъ весь духъ встревожилъ мой
И сердце все мое наполнилось тоской.
Я вышелъ чтобъ узнать не тратя ни минуты
Мѣста, изъ коихъ внесъ Терей мученьи люты:
Есть башня древняя близъ сихъ нещастныхъ стѣнъ
Сомнѣньемъ къ ней мой духъ и страхомъ былъ влеченъ.

И

И только близко лишь я съ оной поравнялся,
Сей листъ къ ногамъ моимъ по воздуху спускался.
Ты зрѣла хартїю ужасную сїю . . .
Кляни злость варвара отмщай сестру твою.

ПРОГНЕЯ.

Тирану бѣдствїя и гибели готовы
Отмщу и разорву священныя оковы,
Имъ оскверненные, онѣ противны мнѣ,

КАЛХАНТЪ.

Хоть беззаконникъ сей владѣтель въ сей странѣ,
Но я отъ имени владѣтелей вселенной,
Снимаю рабства цѣпь съ души твоей смятенной.
Готовь отмщенїе порокамъ ты готовь,
Отмщай природу ты отмщай свою любовь.
Ты видишъ Агаметъ злодѣйства необычны
Единыхъ Фурїй лишь стремленїю приличны;
Будь сынъ отечества и за него отмщай,
Въ Царицѣ и въ Княжнѣ невинность защищай,
Намъ въ дѣйствїяхъ благихъ всесильные помогутъ,
Невинность защитятъ и злобу превозмогутъ.
Иду предъ олтари, сокроюсь въ божїй домъ
Низвесть молитвами на землю страшной громъ.

ЛИНСЕЙ.

Теки отсель искать мой духъ преогорченный
Свирѣпости твоей предмѣтъ ожесточенный.
И ахъ! къ ногамъ своей любовницы лети,
Страдай, стѣни, томись и злобѣ отомсти.

ПРОГНЕЯ.

Пойдемъ ужасныхъ стрѣлъ готовить тучи яры,
Пойдемъ направить въ грудь злодѣйскую удары.
Умножимъ новою печаль свою тоской:
О злоба управляй Прогнеиной рукой . . .
Сестра любезная ты узришь скоро жертву
Трепещущей рукой поверженную мертву!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРОГНЕЯ [одна]

Свирѣпство лютое! . . . послѣдуемъ ему.
О сердце! тщетно ты противишся уму;
Твой вопль страданіемъ мнѣ душу наполняетъ;
Но злобы праведной во мнѣ не премѣняетъ,
Неблагодарной мужъ! . . . нещастливой отецъ!
Ты станешь трепетать Прогнеи наконецъ.
Ужасной жертвы кровь до облакъ воздымится,
И съ стонами твоей жены соединится.
Нещастныя Княжны взойдетъ на небо гласъ:
Всесильныхъ тронетъ онъ, и въ тотъ ужасный часъ,
Когда твой гордый духъ отъ тѣла оторвется,
Въ оковы тяжкія въ геенну понесется . . .
Тогда уже моихъ раздастся стоновъ звукъ . .
О томъ, что не узрю твоихъ во адѣ мукъ.
Злодѣй, ты произвесть былъ силенъ преступленье,
Могущее привесть и тартаръ въ удивленье;
Ты силенъ былъ изъ насъ извлечь потоки слезъ;
Но слабъ отмщенія избѣгнути небесъ.

Страшись, страшись тиранъ во злобѣ обличенной,
Отмщенья лютаго жены ожесточенной.
Мнѣ милъ свирѣпости готовимый вѣнецъ;
И родъ отмщенія мной избранъ наконецъ,
Которой злость мою на вѣкъ собой прославитъ;
Которой трепетать и варваровъ заставитъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ПРОГНЕЯ и КАЛХАНТЪ.

КАЛХАНТЪ.

Что зрю? твой видъ еще отчаянье являетъ!

ПРОГНЕЯ.

Невинность гонится; а небо не отмщаетъ.

КАЛХАНТЪ.

Не оскорбляй своимъ роптаніемъ боговъ:
Ихъ громъ надъ варваромъ разрушиться готовъ.
Народъ со ужасомъ его свирѣпству внемлетъ;
За истинну отмщать оружіе пріемлетъ.
Уже смятеніемъ весь городъ возкипѣлъ,
Готовя тысящи во грудь тиранску стрѣлъ;
И чтя слова твои трапезы ждутъ священной,
Въ сей день готовимой, и Вакху посвященной,

Чтобы

Чтобы сорвать вѣнецъ съ порочнаго чела.

ПРОГНЕЯ.

Для сердца моего такая месть мала;
Тотъ можетъ быть престолъ теряючи спокоенъ,
Кто чувствуетъ, что онъ престола недостоенъ.
Нѣтъ: сердце варвара иной мученій родъ,
Стѣсня отчаяньемъ на части разорветъ.
Трапезу пусть сію ужасну онъ вкушаетъ,
И ею казнь свою лютѣйшу довершаетъ.
Она къ отмщенію злодѣйствъ его нужна,
И съ варварствомъ его мое сравнять должна.
Я ею адское страданье въ немъ открою
И тартаръ весь въ душѣ тирановой устрою.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПРОГНЕЯ, КАЛХАНТЪ, ФИЛОМЕЛА и ЛИНСЕЙ *[которой съ воинами выводитъ ее на театръ.]*

КАЛХАНТЪ.

Какой очамъ моимъ видъ страшный предстаетъ.

ПРОГНЕЯ.

Сестра нещастная! . . . почто же меркнетъ свѣтъ —

Гдѣ я? . . . иль лютый рокъ умилостивленъ мною,
Покрылъ ужасной сей предмѣтъ геенской мглою —
Вѣщайте гдѣ моя сестра со мной иль нѣтъ;
Не видитъ взоръ ее но сердце познаетъ.
Сестра любезная! — духъ горестью я рушу,
Прими въ объятіи свои Прогнейну душу

ЛИНСЕЙ.

Царица я Княжну изъ тяжкихъ узъ извлекъ.
Чтобъ зря ее влачить во стонахъ скорбный вѣкъ . . .
Но стоны ли одни составятъ облегченье . . .

ПРОГНЕЯ.

Здѣсь дѣйствуетъ уже Прогнеино отмщенье.

ЛИНСЕЙ.

Оно здѣсь дѣйствуетъ?..Царица нашъ злодѣй
Владѣетъ и вѣнцемъ и жизнію своей;
Оно здѣсь дѣйствуетъ? . . . а варваръ нашъ спокоенъ:
Такой ли мщенья родъ злодѣйствъ его достоенъ,
Едина смерть его достойна жертва ей.

ПРОГНЕЯ.

Мое отмщеніе ужаснѣе смертей.
Восторжествуемъ мы сестра моя любезна.

ЛИНСЕЙ.

Но непремѣнится ея судьбина слезна.

И нѣжныхъ словъ ея пріятный сердцу звукъ
Не уменьшитъ въ любви моихъ несносныхъ мукъ.
Ты плачемъ лишь мои страданьи умножаешь
И стономъ моему ты стону отвѣчаешь.
Княжна любезная! . . .

[Филомела увидя входящаго Терея вскрикиваетъ и отвращается.]

ПРОГНЕЯ.

Прерви свой тяжкій стонъ,
Уже колеблется тирана гордый тронъ;
И здѣсь онъ царствуетъ послѣднія минуты.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ФИЛОМЕЛА, ПРОГНЕЯ, ЛИНСЕЙ, КАЛХАНТЪ и ТЕРЕЙ.

ТЕРЕЙ.

Я вижу варвары стремленьи ваши люты
И гибели позналъ готовимыя мнѣ;
Но тщетно возстаютъ народы въ сей странѣ.
И ты коварная начальница смятенья,
Не льстись, не льстись узрѣть супругова паденья
Не мни насытить страсть ты лютости своей
Впіясь во грудь мою жестокою змѣей.

Клянусь любовью я во злость преобращенной
Меня терзающе и варварски отмщенной,
Которой поощренъ къ тиранству я теку,
Что первое твое я сердце извлеку.
Увидишь сколько я врагамъ отмщать умѣю..
Но небо для чего одинъ я мечь имѣю;
Почто природа мнѣ искуства не дала,
Чтобъ души я терзалъ подобно какъ тѣла.

ПРОГНЕЯ.

Нѣтъ, варваръ вспламеня свой духъ геенскимъ жаромъ,
Гордиться можешь ты симъ страшнымъ адскимъ даромъ;
Твои желанія измѣнникъ не вотще
Иль мало души въ насъ терзать ты мнишь еще.

[Показывая Филомелу]

Увидь тиранъ княжну размученну тобою.

ТЕРЕЙ.

Измѣнники! . . . кого я вижу предъ собою.

ПРОГНЕЯ.

Увидь страданіе тоску ея и стонъ
Иль мало думаешь въ насъ души мучитъ онъ;
То злоба лишь одна пренесть твоя удобна,
Но всякаяль душа твоей душѣ подобна.

Тиранъ,

Тиранъ, взгляни на сей томимый скорбный видъ;
На сей увядшій цвѣтъ блѣднѣющихъ ланитъ.
Какаябъ фурія жестокости имѣла . . .

ТЕРЕЙ.

Довольно мучусь я . . . о боги ! . . . Филомела !
Княжна нещастная жестокости предмѣтъ !
Колико страшныхъ мукъ мнѣ сердце скорбно рветъ ! . . .
Тебяль я зрю ? тебя . . . мнѣ сердце то вѣщаетъ,
Оно всѣ гнусности поступка ощущаетъ,
Къ которымъ злоба гнѣвъ и страсть меня влекла:
[уладая къ ея ногамъ]
Позволь чтобъ кровь моя ручьями здѣсь текла . . .

ПРОГНЕЯ *[удерживая его]*

Поди ! . . .

ТЕРЕЙ.

Ахъ дайте мнѣ у ногъ моей любезной,
Съ потокомъ крови злой, потокъ смѣшать мой слезной.

ПРОГНЕЯ.

Уже безвременны раскаяньи сіи . . .
Тиранъ, не умножай жестокости свои.

Твой

Твой видъ мученія нещастной удручаетъ.
Оставь ее . . . о рокъ . . . она животъ кончаетъ.

ЛИНСЕЙ.

Твой взоръ губитъ ее безжалостный Терей:
Спасемъ нещастную отъ глазъ его скорѣй.

[Уводятъ Филомелу.]

ТЕРЕЙ.

Она кончаетъ жизнь о рокъ немилосердый!

ЛИНСЕЙ.

Ты нашихъ мукъ виной тиранъ жестокосердый.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТЕРЕЙ и КАЛХАНТЪ.

ТЕРЕЙ.

Она кончаетъ жизнь . . . Царица, небеса! . .
Что можетъ быть сего ужаснѣе часа . . .
Постойте варвары . . . вотще слова я трачу . .
И въ первой въ жизни разъ отъ мукъ лютѣйшихъ плачу.
Вотще страданія ужасныя терплю . . .
Но бывъ отмстителемъ еще ли я люблю.
Когда измѣнница готовитъ мнѣ паденье,
Изчезни вредное для сердца сожалѣнье.

И

И мѣсто мщенію ужасному оставь,
Прославь себя Терей злодѣйствами прославь;
Лей кровь противную кипящею рѣкою,
Карай, губи, терзай, лишай сердца покою.
[Калханту]
А ты защитникъ ихъ ужасныхъ думъ и дѣлъ
Ты возмущаши чернь противъ монарха смѣлъ;
Но знай что всѣ твои намѣреньи напрасны,
Въ сей часъ увидишь ты отмщенія ужасны,
На васъ бросающи мученьи казни ядъ,
Въ сей часъ враги мои низвергнутся во адъ.
И ты падешь но что терпѣть еще мнѣ болѣ.
Вступите воины . . . *[Воины вступаютъ]*

КАЛХАНТЪ.

Тиранствуй на престолѣ.
Тиранствуя стремись невинность поражать
И человѣчество собою унижать.
На раны иль на смерть тебѣ жрецъ вышнихъ нуженъ,
Рази, передъ тобой стоитъ онъ безоруженъ.
Влеки безъ жалости изъ тѣла сердце вонъ,
Которымъ возсылалъ къ безсмертнымъ жертвы онъ;
Обагривай въ моей крови невинной руки,
Тиранствуй, вымышляй и казни ты и муки:
Не робокъ духъ во мнѣ . . . рази меня скорѣй . . .
Рази . . . но помни то, что есть цари царей.
Кото-

Которые сердца людей со троновъ видятъ,
Отмщаютъ истинну пороки ненавидятъ;
Которыхъ на тебя съ небесъ пылаетъ гнѣвъ.

ТЕРЕЙ.

[Къ воинамъ]

Постой .. оставте насъ .. на мя разсвирѣпѣвъ
Ты тщетно возмутить рабовъ моихъ дерзаешь
И лицемѣрныя имъ басни соплетаешь.
Не божій гнѣвъ; но вашъ готовитъ гибель мнѣ.

КАЛХАНТЪ.

Не привлекай тиранъ напастей сей странѣ
Хуленіемъ твоимъ порочнымъ и ужаснымъ;
Не дѣлай своего народа ты нещастнымъ.
Не заражай сихъ мѣстъ потокомъ гнусныхъ словъ
И въ злобѣ трепещи чтобъ ярый громъ боговъ
Падущій во главу хулителя святыни,
Не превратилъ сіи селеніи въ пустыни.
Тиранъ, теперь я зрю источникъ гнусныхъ дѣлъ
Безбожіемъ себя къ паденью ты привелъ.
Вотъ слѣдство лютое надменной, дерзской мысли.
Губи себя . . . боговъ богами ты не числи;
Но въ сердцѣ дерзскія питая толь мечты,
Съ какимъ безстыдствомъ тамъ себя покажешь ты.

Гдѣ

Гдѣ ждетъ тебя въ сей часъ трапеза освященна
Въ виду прозорливыхъ народовъ помѣщенна.
Какъ въ торжествѣ дерзнешь всевышнимъ ты соплесть
Хулу въ душѣ своей устами гнусну лесть.

ТЕРЕЙ.

Не возмущай во мнѣ ты сердце днесь смятенно,
Оно отчаяньемъ довольно угнѣтенно.
Поди отсель оставь . . . оставь меня Калхантъ:
Къ трапезѣ буду я . . . ужасный сердцу гласъ.

КАЛХАНТЪ.

Ты будешь, а въ умѣ лишь злость одну вѣщаешь
И бытія боговъ еще не ощущаешь.
Что боги есть, тиранъ, увидишь ты изъ бѣдъ,
Которы на тебя во гнѣвѣ рокъ пошлетъ.
Сей часъ твой духъ разить я ими начинаю
И именемъ боговъ тебя я проклинаю.

ТЕРЕЙ.

Калхантъ! постой . . о рокъ! ужаснѣйшій ударъ!
Какой снѣдающей разлился въ жилахъ жаръ.

КАЛХАНТЪ.

Отчаявайся, рвись и множь ожесточенье,
Тебя здѣсь бѣдства ждутъ, а въ вѣчности мученье.

[Уходитъ]

ТЕРЕЙ.

ТЕРЕЙ.

Мнѣ сердце разразилъ ужасной клятвы звукъ!..
Но долженъ ли еще Терей страшиться мукъ;
Нѣтъ, нѣтъ возобновимъ свои стремленьи люты
Отмщенью посвятя оставшія минуты.
Не внемли ничему отчаянной Терей,
Сколь тартаръ ни жестокъ, онъ весь въ душѣ
твоей.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ТЕРЕЙ [*одинъ.*]

Въ слезахъ, въ отчаяньи, размученъ злой тоскою . . .
Куда стремлюся я! . . . гдѣ я ищу покою?
Повсюду вкругъ меня сгущенной вьется мракъ;
И кажетъ всюду мнѣ Княжны кровавой зракъ . . .
Я слышу стонъ ея, зрю трепетъ . . . скорбь . . . смятенье . . .
Не мучь меня не мучь ужасно привидѣнье!
Уже довольно я за злость мою терплю:
Стеню, страдаю, рвусь и ахъ еще люблю.
Люблю . . . когда мой духъ всю злобу ощущаетъ.
Люблю: . . . въ страданіяхъ мнѣ сердце то вѣщаетъ.
И въ страсти пагубной смущая мрачной умъ
Плѣненъ не нѣжностью, но тьмой тиранскихъ думъ.
Надежды лестныя отчаянный не видя,
Живу свирѣпствомъ я, свирѣпство ненавидя.
Ахъ сжалься надо мной немилосердый рокъ!
Не буди столько лютъ колико я жестокъ

И страсти покоря разсудка слабой волѣ,
Названье варвара не дай носить мнѣ болѣ.
Но тщетенъ страждущей души унылый
стонъ
Когда даетъ уму свирѣпа страсть законъ,
Названье гнусное свирѣпаго злодѣя,
Ты мной сопряжено со именемъ Терея;
И ты по множеству творимыхъ мною злобъ
Послѣдуешь за мной въ готовимый мнѣ гробъ!
Уже я чувствую враговъ стремленьи яры,
Летятъ во грудь мою смертельные удары,
Оставленъ всѣми я, сужденъ умреть стеня,
Надежда мстить! и ты оставила меня.
Ахъ тщетно въ тѣ часы когда мой духъ тер-
зался!
Я за трапезою неколебимъ казался.
Когда тамъ яствы я въ уста свои влагалъ,
Казалось что свою я плоть на части рвалъ.
Вино въ моихъ устахъ во кровь преобраща-
лось,
Паденіе мое всечасно мнѣ мечталось . . .
Грызенье совѣсти, отчаянье и страхъ
Послѣдуютъ оттоль за мной во всѣхъ мѣ-
стахъ . . .
Не медли лютой рокъ моей ты смертью злою
Завѣсу вѣчности открой передо мною.

Я

Я тартаръ предпочту ужасной жизни сей . .
Ахъ жизнь преступника Геенны самой злѣй!

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТЕРЕЙ и АГАМЕТЪ.

АГАМЕТЪ.

Княжна нещастная! . . ужасно приключенье!

ТЕРЕЙ.

Что сталось съ ней скажи, умножь мое мученье?

АГАМЕТЪ.

Нѣтъ силъ моихъ увы! безжалостной Терей,

ТЕРЕЙ.

Что сталось съ ней рази, рази меня скорѣй.

АГАМЕТЪ.

Ее на свѣтѣ нѣтъ.

ТЕРЕЙ.

Немилосерды боги!

АГАМЕТЪ.

Узрѣвъ идущую ее въ свои чертоги
Съ Линсеемъ и съ ея нещастною сестрой,
Я имъ послѣдовалъ и духъ терзался мой.
Предвидя скоро ей со свѣтомъ разлученье
Шагъ всякой умножалъ души ея мученье.
И взоромъ устремясь къ любовнику своимъ
Казалось говорить она желала съ нимъ.

Во страждущей груди слова ея спирались
И путь себѣ открыть со вздохами старались;
Стѣсняли скорбный духъ изъ устъ стреми-
лись вонъ . . .
И превращалися въ одинъ плачевной стонъ.
Достигши наконецъ чертоговъ тѣхъ неща-
стныхъ,
Отколѣ дѣйствїемъ страстей твоихъ ужас-
ныхъ
Къ страданью общему она похищена,
Въ слезахъ и въ трепетѣ ихъ видѣла она.
И знать воспомня тамъ твои гоненья люты,
Въ сїи жестокїя и страшныя минуты,
Она въ отчаяньѣ теряла свѣтъ изъ глазъ,
Во ужасѣ своемъ не узнавала насъ.
И равно какъ тебя страшилась, трепетала,
Линсею и сестрѣ нещастной не внимала;
И къ небу устремя покрыты взоры тьмой
Въ мученьяхъ и въ тоскѣ животъ скончала
свой.
Народъ смущается тебѣ готовя бѣдство.

ТЕРЕЙ.

Любови пагубной ужаснѣйшее слѣдство!
Немилосердый рокъ! гдѣ я? . . что слышалъ я?
Довольствуйся душа жестокая моя,

Лиша

Лиша въ свирѣпости тиранской сей рукою,
Княжну цвѣтущихъ лѣтъ, меня на вѣкъ покою.
Княжна любезная! . . . жестокой Агаметъ!
Княжна! . . и такъ ее уже на свѣтѣ нѣтъ?
Въ ужасномъ свѣтѣ семъ, чемъ я ни утѣшался,
Чемъ я въ страданіяхъ моихъ ни восхищался,
Чемъ сердце страстное свое ни наполнялъ,
Чемъ возмущенную я душу ни плѣнялъ;
То все рукой моей свирѣпыхъ фурій злоба,
Во дни цвѣтущихъ лѣтъ повергла въ нѣдра гроба;
А я влеку еще плачевну жизнь свою?
Разиште боги вы тиранску грудь мою.

АГАМЕТЪ.

Страшись чтобъ на тебя судьбы во гнѣвѣ яромъ
Не поспѣшили симъ ужаснѣйшимъ ударомъ;
Страшися лютыя кончины ты своей.
Смерть беззаконника начало есть смертей.

ТЕРЕЙ.

Страшусь ... и мукъ терплю ужасныхъ безконечность . . .
Не смерть ужасна мнѣ . . . одна ужасна вѣчность.
О вѣчность! я къ тебѣ злодѣйствами иду.
Ахъ ежели тобой мученьи лишь найду!

О смерть ужасная, преступниковъ отрада,
Не дверь покоя мнѣ, ты дверь отверзешь ада.
Коликобъ мнѣ ударъ полезенъ былъ ее,
Когда бы онъ мое разрушилъ бытіе.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ТЕРЕЙ, АГАМЕТЪ и ХЕРЕСЪ.

ТЕРЕЙ.

Я слышу страшный шумъ пришло мое паденье.

ХЕРЕСЪ.

Ужасно государь воздвигнулось смятенье:
Народъ ожесточа свирѣпостью сердца,
Бѣжитъ лишить тебя и трона и вѣнца;
Огонь и мечь твои чертоги окружаютъ.

ТЕРЕЙ.

Злодѣевъ малости сіи не поражаютъ,
Мой тронъ колеблется, вѣнецъ съ главы падетъ;
Продлимъ мученія сердечны Агаметъ.
Спасемъ нещастну жизнь, оставимъ домъ напасти,
Убѣгнемъ... но со мной мои убѣгнутъ страсти.

Гдѣ

Гдѣ буду я искать утѣхи и отрадѣ?
Терзаемѣ злобою, питая вѣ сердцѣ ядѣ . .
Вопль страшный множится, колеблются чертоги,
И я кѣ спасенїю не зрю себѣ дороги.
Кѣ кому прибѣгну я готовится мнѣ адѣ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ТЕРЕЙ, АГАМЕТѣ, ХЕРЕСѣ и КАЛХАНТѣ.

ТЕРЕЙ.

Спаси нещастнаго владѣтеля Калхантѣ.
И жизнь и смерть мою вѣ своей ты видишь волѣ:
Стремятся кровь мою пролити на престолѣ.
Напастьмоя близка, позволь мнѣ скрыться вѣ храмѣ
И кѣ оскорбленнымѣ мной прибѣгнути богамѣ;
Вѣ сердцахѣ ихѣ милость есть хотя они и строги.

КАЛХАНТѣ.

Враговѣ своихѣ вѣ свой храмѣ не принимаютѣ боги.
Страшися приступать кѣ священнымѣ симѣ вратамѣ,
Погибель вящшую найдешь себѣ ты тамѣ.

Не царствовать, страдать ты долженъ въ
здѣшнемъ градѣ.
Ищи прибѣжища себѣ во мрачномъ адѣ.
У фурій, коихъ ты свирѣпству подражалъ,
Когда терзая насъ, боговъ ты раздражалъ;
Ищи отрады ты въ мученьяхъ безконечныхъ.

ТЕРЕЙ.

Служитель дерзостный боговъ безчеловѣчныхъ . . .
Какой я слышу стонъ и шумъ за дверью сей? . .
Конечно малое число моихъ друзей
Послѣдній жизни часъ Терея защищаютъ,
И смертію свое отчаянье вѣнчаютъ.
Постойте; я сіи удары прекрачу
И вашу смерть своей я смертью отвращу.
За злобу долженъ я, снести лютѣйши муки.
[Снимая съ себя вѣнецъ и мечь полагаетъ на столъ.]
Оставте на всегда мой мечь ослаблы руки!
Открой главу мою злодѣямъ мой вѣнецъ,
Которымъ утверждалъ спокойство я сердецъ.
Не нужны болѣ вы безсильному Терею.
[Калханту.]
Се жертва для боговъ, явись во храмѣ съ нею.
Я къ ней присьединю мою смущенну кровь.
Пойдемъ явить друзьямъ безплодную любовь.
[Идетъ

[Идетъ къ дверямъ, потомъ.]

Куда стремлюся я? . . . на смерть! . . на
смерть ужасну —
[Отворяя двери.]
Пролейте варвары Монарха кровь нещастну,
Когда его чело и грудь обнажена;
Пей кровь супругову свирѣпая жена.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ЛИНСЕЙ *съ воинами* ТЕРЕЙ, АГАМЕТЪ, КАЛХАНТЪ и ХЕРЕСЪ.

ЛИНСЕЙ.

Открой мнѣ злоба путь къ жестокому злодѣю
И мечь во грудь моей рукой вонзай Терею . . .
Тиранъ! рази меня всего меня лиша.
Или въ сей часъ твоя злодѣйская душа
Съ твоею кровїю изъ тѣла извлечется.

ТЕРЕЙ.

Терей отчаянный о жизни не печется;
Могуль терпѣть ее собой гнушаясь самъ?
Она противна мнѣ, противна небесамъ.
Омой въ крови моей ужасные пороки:
Сколь ни ужасенъ адъ, сколь боги ни жестоки,
Ихъ лютость бѣдъ меня достойныхъ не нашла:
Моя свирѣпость всѣ злодѣйства превзошла.

Рази, вотъ грудь моя, которой дышетъ злоба.
Рази, отверзи мнѣ желанны двери гроба.
Уже противиться тебѣ я не хощу:
Не брани пагубной, но казни я ищу.

ЛИНСЕЙ.

Введенъ въ отчаянье тебя разящей местью,
Тиранъ, ты мнишь меня обезоружить лестью.
Не внемлю поздному раскаянью сему . . .
Смущенный разумъ мой не внемлетъ ничему.
Одни жестокости твои тиранъ я вижу,
И ими мучимый тебя я ненавижу.
Княжны нещастной тѣнь, томимая тоской,
Отмщенья требуетъ отъемля мой покой;
Взираетъ на меня, груститъ, мятется, стонетъ.
Какого варвара печаль ея не тронетъ?
Довольна будешь ты любезная Княжна.
[*Терею*]
И кровь твоя рѣкой пролиться здѣсь должна.
Умри свирѣпой врагъ . . . что дѣлать предпрїемлю?
Чему отчаянный въ своемъ свирѣпствѣ внемлю?
Обезоруженну пронзая въ злобѣ грудь,
Оставимъ для иныхъ толь низкой мести путь . . .

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТЕРЕЙ, ЛИНСЕЙ, КАЛХАНТЪ, АГАМЕТЪ, ХЕРЕСЪ и ПРОГНЕЯ.

ПРОГНЕЯ.

Линсей! гдѣва рваръ нашъ? гдѣ сей мучитель лютый?
Настали моего отмщенія минуты,
И онъ почувствуетъ свирѣпость всю мою.

ТЕРЕЙ.

Я здѣсь и предъ тобой безъ трепета стою.
Мнѣ гнѣвъ не страшенъ твой колико ни опасенъ;
Не лютость казни мнѣ я самъ себѣ ужасенъ.
Стремись терзать меня и грудь мою разя
Кроваво сердце вынь и рви колико льзя.
Я облегченіемъ щитать мученьи буду,
Въ которыхъ можетъ быть свирѣпства позабуду.
Свирѣпства лютыя, ужасной страсти плодъ,
Довольствуй смертію моей вельможъ, народъ:
И въ крови обагривъ моей дрожащи руки,
Дай мнѣ почувствовать лютѣйшія ты муки.
И естьли я когда тобой любимъ столь былъ,
Сколь сердцу моему былъ взоръ Прогнеи милъ,
Забудь на часъ во мнѣ свирѣпаго злодѣя
Внемли прошенію нещастнаго Терея.

Какъ

Какъ варваръ я во гробъ свергаюсь наконецъ;
Но я любилъ и ахъ . . . Прогнея! я отецъ
Отецъ нещастливой, игра порочной страсти,
Мой сынъ, любезной сынъ, въ твоей остался власти,
Во стонахъ сихъ меня должна ты понимать:
Забудь отца его и будь Ифису мать.
Младенецъ сей моимъ злодѣйствамъ не причастенъ;
Что я отецъ его однимъ онъ тѣмъ нещастенъ.
Призри невинности младой ты слезной токъ,
И буди столь нѣжна колико я жестокъ.
Да будутъ дни его на вѣкъ тебѣ любезны.

ПРОГНЕЯ.

Уже твои слова и стоны безполезны;
Въ семъ сынѣ грудь мою терзалъ твой лютый взглядъ:
Ты будешь слѣдовать за нимъ во мрачный адъ.
Страшись и трепещи сражаяся съ собою,
Сей сынъ! ... вострепещи! ... сей сынъ передъ тобою.

[Бросаетъ предъ него кровавый черепъ.]

ТЕРЕЙ.

ТЕРЕЙ.

О боги! . . . смутный взоръ смыкаетъ вѣчный мракъ . . .
Тиранка, изъясни мнѣ сей ужасный знакъ.
Любезный сынъ! . . . какой пожертвованъ ты злобѣ!
Не мучь меня скажи: гдѣ онъ? . . .

ПРОГНЕЯ.

Въ твоей утробѣ;
За трапезой ты имъ насытился въ сей часъ.
Познай, познай въ себѣ его скорбящій гласъ,
Терзайся и стени; твои страданьи лютцы,
Уменьшиваютъ скорьбь мою въ сіи минуты.
Ахъ! естьлибъ въ сердцѣ ты вмѣщалъ всю скорбь мою . . .

ТЕРЕЙ:

Мой сынъ! твой вопль въ своемъ я сердцѣ познаю,
Онъ сердце томно рветъ, и грудь мою терзаетъ,
Хладѣетъ кровь моя, мутится, замерзаетъ.
Тираны! наконецъ отмщенье вы нашли,
И злобою мои злодѣйства превзошли.
Жена свирѣпая! мой сынъ, мой сынъ любезный!
Все тщетно! всѣ мои страданьи безполезны.

Мой

Мой сынъ! ... лети мой духъ . . . во слѣдъ
за нимъ спѣши.
[Закалаясь]
Лети во адъ искать сыновнія души.

КАЛХАНТЪ.

Въ месть беззаконью зря пролиты крови рѣки,
Страшитесь раздражать безсмертныхъ человѣки.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.